

БОЛЬШИЕ И КНИГИ

Жюль Верн

ТАИНСТВЕННЫЙ
ОСТРОВ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Иностранная литература. Большие книги

Жюль Верн

Таинственный остров

«Азбука-Аттикус»

1875

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Верн Ж. Г.

Таинственный остров / Ж. Г. Верн — «Азбука-Аттикус»,
1875 — (Иностранная литература. Большие книги)

ISBN 978-5-389-22110-9

Жюль Верн – замечательный писатель, создатель научно-фантастического романа, один из самых читаемых французских авторов в мире. С самого детства нас сопровождают его необыкновенные произведения: «Вокруг света в восемьдесят дней», «Пятнадцатилетний капитан», «Дети капитана Гранта», «Двадцать тысяч лье под водой». В настоящем издании представлен один из лучших романов Жюль Верна «Таинственный остров». В авантюрный сюжет вплетены буря, извержение вулкана, нападения пиратов и, конечно, история выживания на клочке земли посреди океана. Находчивые герои, выброшенные ураганом на необитаемый остров, сами варят сахар и выплавляют сталь, изготавливают кирпичи, шерсть, стекло, серную и азотную кислоту, нитроглицерин и динамит, конструируют телеграф и прядильную машину. «Таинственный остров» – захватывающая история приключений островитян, «пособие по выживанию», гимн человеческой отваге и силе воли. Благодаря великолепным иллюстрациям чешского художника Зденека Буриана (1905–1981) читатели смогут в полной мере пережить с героями романа удивительные приключения, совершить потрясающие открытия, ощутить радость победы над стихией. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-22110-9

© Верн Ж. Г., 1875
© Азбука-Аттикус, 1875

Содержание

Часть первая. Потерпевшие крушение в воздухе	7
I. Над пучиной	7
II. Отважное бегство	11
III. Исчезновение Смита	18
IV. Устройство жилища	24
V. Потеря огня	29
VI. Охота	34
VII. Инженер найден	39
VIII. Возвращение домой	45
IX. Где же мы?	52
X. На острове...	59
XI. Крестины острова	67
XII. Серный источник	75
XIII. Гончарная печь	81
XIV. Положение острова определено	89
XV. Изготовление железа	95
XVI. Дюгонь	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Жюль Верн

Таинственный остров

Illustrations © Zdeněk Burian

© Е. П. Брандис (наследник), статья, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Часть первая. Потерпевшие крушение в воздухе

I. Над пучиной

- Что, мы поднимаемся?
 - Нет! Опускаемся!
 - Хуже, господин Сайрес! Мы просто падаем!
 - Ради Христа, кидайте балласт!
 - Мы только что избавились от последнего мешка!
 - Поднялся ли шар?
 - Нет!
 - Я уже слышу клочкотание волн!
 - Под нами море!
 - Шар в пятистах футах от воды!
- В эту минуту раздался громкий и властный голос:
- Бросайте все!.. Пускай все пропадает! Положимся на волю Господа!

Все эти возгласы раздавались в воздухе над безбрежной пустыней вод Тихого океана около четырех часов вечера 23 марта 1865 года.

Всем, вероятно, еще памятен пришедший с северо-востока страшный ураган, который случился в том году. Барометр тогда упал до семисот десяти миллиметров. Этот ураган свирепствовал без перерыва с 18 по 26 марта. Он произвел громадные опустошения в Америке, Европе, Азии, захватив полосу земного шара шириной в четыре с половиной тысячи миль – все пространство между тридцать пятой параллелью северной широты и сороковой – южной.

Опрокинутые дома, изуродованные города, вывороченные с корнем леса, вышедшие из берегов, словно во время сильного прилива, реки, выброшенные на берег сотни кораблей, по сводкам бюро «Веритас», смерчи, уничтожавшие все на своем пути, тысячи людей, погибших на суше или сгинувших в бездне морских вод, – вот что оставил после себя этот ужаснейший ураган. Яростью и силой он превосходил даже те свирепые бури, какие разорили Гавану 25 октября 1810 года и Гваделупу 26 июля 1825 года.

В то время, когда на море и на суше происходили такие катастрофы, в бушующих слоях атмосферы разыгрывалась не менее ужасная драма.

Воздушный шар, подхваченный ураганом, летел со скоростью девяносто миль в час¹ и при этом еще быстро крутился, как колесо.

В подвешенной к шару корзине сидели пятеро пассажиров, их было трудно различить среди густого тумана, смешанного с мелкими брызгами воды, поднимавшимися с поверхности бушующего океана.

Откуда взялся этот воздушный шар, игрушка страшной бури? Из какого уголка земли его сюда загнало?

Очевидно, он не мог отправиться в полет во время урагана. Тем более что ураган свирепствовал уже пять дней, а первые признаки его проявились уже 18 марта.

Вероятнее всего, шар принесло издалека, потому что при таком свирепом урагане он должен был пролетать не менее двух тысяч миль в сутки.

Так или иначе, пассажиры воздушного шара при нынешних обстоятельствах не имели никакой возможности судить о расстоянии, которое они преодолели с момента вылета. Воз-

¹ То есть 46 метров в секунду, или 166 километров в час (около 42 лье, считая в одном лье 4 километра). (Примеч. автора.)

душный шар со страшной силой несло вперед, но пассажиры вовсе не чувствовали ни его вращения, ни даже самого движения. Взор их не мог проникнуть сквозь облачный слой. Кругом была плотная пелена тумана, так что невозможно было определить, ночь сейчас или день. Ни проблеска света, ни легкого отзвука с обитаемой земли не долетало до них в высокие слои атмосферы. Лишь быстрое снижение шара могло помочь им заметить морские волны и осознать грозящую опасность.

Когда были сброшены все тяжелые предметы, каковыми являлись запасы провизии, оружие и прочее, шар снова поднялся в верхние слои атмосферы, на высоту четырех с половиной тысяч футов. Пассажиры, понимая, что под ними море, а не твердая земля, и сознавая, что вверху опасность меньше, чем внизу, кидали не колеблясь даже самые необходимые вещи и пеклись лишь о том, чтобы во что бы то ни стало сохранить газ – эту душу своего аппарата, который поддерживал их над бездонной пучиной.

Ночь прошла в ужасных тревогах, которые едва ли перенесли бы люди менее энергичные. С наступлением рассвета ураган, казалось, начал понемногу затихать. Густые облака поднялись в верхние слои атмосферы. За несколько часов воронка смерча расширилась и как бы смялась. Ураган теперь заслуживал наименования «очень свежий ветер», то есть скорость воздушных потоков уменьшилась вдвое. Ветер дул, как говорят моряки, в три рифа, но уже можно было предвидеть дальнейшее улучшение.

Около одиннадцати утра видимость в верхнем горизонте заметно прояснилась. Насыщенный влагой воздух придал ей ту особую прозрачность, которую не только видишь, но и ощущаешь всеми органами чувств после того, как пронесется сильная буря. Казалось, ураган не умчался дальше, на запад, а самопроизвольно прекратился. Может быть, когда смялась воронка смерча, атмосфера окончательно разрядилась, как то порой случается с тайфунами в Индийском океане.

Примерно в это время снова можно было заметить, что воздушный шар, безостановочно двигавшийся вперед, тихо опускается вниз. Казалось даже, что он мало-помалу пустеет и оболочка его, растягиваясь и удлиняясь, переходит постепенно из формы шара в яйцеобразную.

Около полудня воздушный шар был уже на высоте всего двух тысяч футов над поверхностью моря. Поскольку в объеме он имел пятьдесят тысяч кубических футов, то благодаря такой вместимости, очевидно, мог еще долго продержаться в воздухе, то поднимаясь выше, то двигаясь по горизонтали. Тем временем пассажиры выкинули свои последние вещи, остатки провизии, даже все, что было в их карманах. Один из них, вцепившись в кольцо, соединявшее веревочную сетку, старался покрепче привязать корзину, висевшую под воздушным шаром. Было очевидно, что пассажиры не смогут заставить шар подняться, так как у них не хватало газа.

Таким образом, им грозила неминуемая гибель! Под ними простиралась не земля, даже не остров. На всем пространстве не было видно ни единого клочка суши – никакой тверди, куда можно было бы устремиться!

До самого горизонта простиралась бескрайняя водная стихия, громадные волны бушевали с ужасной силой. Даже с той высоты, где двигался теперь воздушный шар, высоты, с которой можно было обозревать пространство на сорок миль вокруг, терпящие бедствие не могли разглядеть ничего, кроме безграничного океана. Он представлял обширную клокочущую, ревущую водную равнину, яростно перекатывавшую громаднейшие валы с белыми гребнями. Ни единого клочка земли! Ни одного корабля!

Надо было во что бы то ни стало затормозить движение вниз – помешать шару опуститься в страшную пучину океана. Пассажиры, находившиеся внутри маленькой корзины, очевидно, должны были действовать без промедления.

Но все усилия были напрасны. Шар опускался все ниже и ниже, не переставая при этом стремительно двигаться вперед, по направлению ветра, дувшего с северо-востока на юго-запад.

Положение было отчаянное!

Несчастные явно уже не могли управлять шаром. Любые попытки были тщетны. Воздушный шар сжимался все сильнее. Газ быстро улетучивался через прорвавшуюся оболочку, и задержать его не было никакой возможности.

Падение заметно ускорялось, и около часа дня корзина с пассажирами висела всего в шестистах футах над поверхностью океана. Оставалось одно, что можно было сделать в данную минуту, – и это было сделано.

Пассажиры были людьми, наделенными незаурядной энергией, умевшими смотреть в глаза любой опасности и даже смерти. Невзирая на всю безнадежность положения, ни один из них не жаловался.

Они решили бороться до последнего мгновения.

Корзина, привязанная к шару, представляла собой простой короб, сплетенный из ивовой лозы, и если бы воздушный шар спустился еще ниже, то не было бы опять-таки никакой возможности удержать его на поверхности воды.

В два часа воздушный шар висел почти в четырехстах футах от поверхности океана.

В это время раздался громкий голос, в котором не слышалось никакого страха. Ему ответили не менее энергично.

– Все ли выброшено?

– Остались только ваши десять тысяч франков золотом, Сайрес!

– В воду!

Тяжелый мешок полетел в море...

– Ну как, шар поднимается?

– Едва-едва... но сейчас опять начнет опускаться!

– Что еще можно выкинуть?

– Ничего!

– Как – ничего? А наша корзина!

– В море корзину! Будем держаться за веревки.

Это было единственное и самое последнее средство облегчить воздушный шар.

Веревки обрезают, корзина полетела в воду, и воздушный шар снова поднялся на две тысячи футов.

Все пять пассажиров подтянулись по веревкам к кольцу и, глядя в бездонную пропасть, повисли в петлях сетки, охватывавшей воздушный шар.

Всякому известно, какой чувствительностью обладают воздушные шары. Достаточно бросить самую легкую вещь, чтобы произвести заметное перемещение по вертикали. Аппарат, плывущий в воздухе, похож в этом отношении на математически точные весы. Понятно, что после всякого значительного облегчения воздушный шар должен быстро подняться на большую высоту. То же произошло и в настоящем случае.

Но после минутного колебания в верхних слоях атмосферы воздушный шар вновь начал снижаться. Газ вырывался через образовавшуюся дыру, зачинить которую было невозможно.

Несчастные сделали все, что могли. Теперь в их распоряжении не осталось уже решительно никаких средств.

В четыре часа шар снова снизился до пятисот футов над поверхностью воды.

Раздался звонкий лай. Лаяла собака, взятая одним из пассажиров; пес тоже уцепился за петли сетки возле своего хозяина.

– Топ что-то увидел! – воскликнул кто-то.

Вслед за этим раздался громкий возглас:

– Земля! Земля!

Действительно, шар по-прежнему несло ветром на юго-запад; с рассвета он уже преодолел сотни миль, и перед путниками возник довольно высокий берег.

Но этот клочок суши находился милях в тридцати под ветром; следовательно, чтобы до него добраться, нужно было еще некоторое время продержаться в воздухе, и то при условии, что ветер понесет шар прямо по направлению к земле, видневшейся на горизонте.

Ужасное положение!

Пассажиры уже ясно могли разглядеть сушу, до которой надо было добраться во что бы то ни стало. Они не могли понять, что это: остров или какой-нибудь материк, так как несчастные не могли сообразить, в какую часть света занес их свирепый ураган.

Но какова бы ни была эта земля, обитаемая или нет, гостеприимная или нет, во всяком случае надо было до нее добраться!

Скоро стало очевидно, что шар не может дольше держаться...

Уже гребни огромных валов несколько раз захлестывали нижний край сетки, что, разумеется, еще больше увеличивало вес всей конструкции, и шар с трудом летел, словно птица, у которой в крыльях свинец.

Спустя полчаса земля была уже на расстоянии всего одной мили, но воздушный шар ослабел, вытянулся, покрылся множеством больших складок, и газ сохранялся в нем только в самой верхушке. Пассажиры, уцепившиеся за сетку, были слишком тяжелы для шара, утратившего способность парить, и скоро они, наполовину погруженные в море, оказались под ударами свирепых водяных валов. Оболочка воздушного шара превратилась в мешок, и завывающий ветер погнал ее, точно парус.

Быть может, ее таким образом пригонит к берегу?!

Земля была уже всего на расстоянии двух кабельтовых, когда под вопли пассажиров воздушный шар, который, казалось, уже не в силах был подняться, сделал внезапный рывок и, как бы мгновенно облегченный потерей значительной части своего веса, снова поднялся на высоту пятисот футов и там попал в струю воздушного течения, которое, вместо того чтобы нести шар прямо по направлению к берегу, потащило его почти параллельно. Спустя еще две минуты его пригнало ближе к берегу, и он рухнул на песчаное взморье.

Пассажиры, помогая друг другу, успели высвободиться из петель сетки, охватывавшей оболочку шара. Воздушный шар, освободившийся от груза и подхваченный новым порывом ветра, как подстреленная птица, сохранившая еще признаки жизни, скоро исчез в пространстве.

В корзине помещались пятеро пассажиров и собака, а между тем на берег выбросило только четверых.

Не хватало одного человека!

Вероятно, этого несчастного смыло волной, поэтому облегченный шар поднялся в последний раз и, таким образом, через несколько минут очутился у берега.

Едва четверо несчастных, потерпевших крушение, успели ступить на твердую землю, как ими овладела мысль о пропавшем товарище. Они закричали:

– Вероятно, он сумеет доплыть до берега! Надо спасти его!

Они побежали к воде.

II. Отважное бегство

Что же, наконец, это было за общество, состоявшее из уместившихся в гондоле пяти-шести пассажиров, выкинутых ураганом на какой-то неведомый берег? Это были вовсе не ученые-аэронавты или любители воздушных экспедиций, а пленники, наделенные невообразимой отвагой и сумевшие бежать при самых страшных обстоятельствах. Тысячу раз они могли погибнуть. Воздушный шар с его прохудившейся оболочкой давно мог похоронить их в пучине океана...

Но судьба хранила несчастных, и, бежав из Ричмонда, осажденного войсками генерала Гранта, они 20 марта очутились в семи тысячах миль от столицы Виргинии, главного укрепленного пункта южан во время страшной американской междоусобной войны². Это воздушное путешествие продолжалось пять дней.

Вот, между прочим, при каких обстоятельствах произошло бегство пленников.

В феврале 1865 года, во время одной из атак, тщетно предпринимавшихся генералом Грантом с целью завладеть Ричмондом, несколько офицеров попали во власть неприятеля и были задержаны в городе. Один из самых замечательных людей, состоявших при главном штабе федералистов, тоже очутился в плену. Его звали Сайрес Смит.

Родом из Массачусетса, он был инженер, весьма сведущий человек, которому правительство Соединенных Штатов поручило провести железную дорогу, имевшую важное значение во время Гражданской войны. Смит представлял тип американца из северных штатов: он был худощавый, поджарый, лет около сорока; сидящие волосы были коротко острижены, бороды он не носил, оставил только густые усы. Облик Смита с его чеканным профилем напоминал один из тех живописных типов, которые словно для того и существуют, чтобы быть помещены на медали; глаза его смотрели живо, но улыбка редко трогала его губы. Смит принадлежал к числу тех инженеров, которые в начале карьеры с удовольствием работают молотом и заступом. В этом человеке изобретательность ума сочеталась с умелыми руками. Мускулы были великолепно развитыми и крепкими. Смит был столько же человек дела, сколько человек мысли; он всегда действовал свободно, отважно, не страшась препятствий и не опасаясь неудач. При своем образовании и опыте он никогда не унывал; ни при каких обстоятельствах не терялся; всегда и везде сохранял твердость духа, пылкость желаний и могущество воли. Девизом этого человека могли бы быть слова Вильгельма Оранского, сказанные еще в семнадцатом веке: «Если я действую, то не испытываю надобности в мечтаниях, если упорно преследую цель, то не нуждаюсь в успехе».

Вместе с этим Смит был олицетворенное мужество и отвага. Он участвовал во всех сражениях этой жестокой междоусобной войны. Начав под командой Гранта³ в качестве добровольца, он дрался при Падьюке, Белмонте, Питсбург-Лендинге, при осаде Коринфа, при Порт-Гибсоне, Блэк-Ривер, Чаттануге, Уайлдернессе, на Потомаке – словом, всюду и с одинаковой храбростью.

Это был солдат, достойный генерала Гранта, отвечавшего на вопрос о людских потерях: «Я никогда не считаю своих убитых!»

Смит сотни раз мог попасть в число этих несчастных жертв, которых не считал жестокий Грант. Он охотно принимал участие во всех сражениях, но судьба ему благоволила, пока наконец он, весь израненный, не был захвачен на поле сражения при Ричмонде.

² Имеется в виду Война Севера и Юга (отсюда – южане и северяне, федералисты) – Гражданская война 1861–1865 гг. в Северной Америке. Северяне боролись за освобождение негров, южане были сторонниками рабства. Война закончилась 26 мая 1865 г. победой северян. (Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, примеч. ред.)

³ Грант Улисс (полное имя Улисс Симпсон Грант; 1822–1885) – американский государственный и военный деятель, генерал; 18-й президент США; во время Гражданской войны главнокомандующий армией Севера.

В один и тот же день со Смитом попал в руки южан и другой замечательный человек. Это был не кто иной, как почтенный Гедеон Спилетт, корреспондент всемирно известной газеты «Нью-Йорк геральд», которому поручено было следить за всеми военными передвижениями в северных армиях.

Спилетт принадлежал к разряду тех удивительных английских или американских репортеров, которые ни перед чем не останавливаются, когда дело идет о том, чтобы добыть какую-нибудь точную информацию и в самом скором времени передать ее в свою газету. Газеты Соединенных Штатов, в том числе и «Нью-Йорк геральд», представляют большую силу и имеют множество корреспондентов. В первом ряду таковых журналистов был Спилетт.

Спилетт – человек весьма достойный, отважный, способный, готовый, что называется, в огонь и в воду; постоянно следящий за событиями целого мира, объехавший весь свет, солдат и в то же время артистическая натура, решительный во всяком деле; не обращающий внимания ни на усталость, ни на опасность, когда нужно было поставить новости, годные для оживления газетных столбцов; жаждавший всего курьезного, неизвестного, невозможного; поглощенный беспрестанным поиском новых приключений и происшествий, – был один из тех неутомимых наблюдателей, которые описывают виденное под градом пуль и картечи, составляют статьи под ударами ядер и которым всякая опасность – истинное счастье.

Он участвовал во всех сражениях в первых рядах, с револьвером в одной руке, с записной книжкой – в другой, и осколки бомб не заставляли дрожать его карандаш. Он не отягощал телеграфные провода бесконечными депешами, как то делают многие корреспонденты, когда им говорить совершенно не о чем, но каждое его замечание – краткое, точное, ясное – отлично уясняло общий ход какого бы то ни было события. Иногда он отпускал удачные остроты. В находчивости у него тоже не было недостатка. Например, после боя при Блэк-Ривер, желая во что бы то ни стало удержать за собой место у окошка телеграфной конторы, чтобы вовремя передать в свою газету сведения о результате сражения, он в продолжение двух часов телеграфировал первые главы *Библии*. Это, разумеется, обошлось газете в две тысячи долларов, зато она первой узнала об исходе битвы.

Спилетт был высокого роста. Ему было не более сорока лет. Светлые, с рыжеватым оттенком бакенбарды обрамляли его лицо. Глаза у него были живые и зоркие – глаза человека, привыкшего сразу оценивать подробности окружающей действительности. Он отличался крепким сложением и закалился в разных климатических условиях, как кусок раскаленной стали в холодной воде.

Спилетт целых десять лет неутомимо исполнял обязанности корреспондента «Нью-Йорк геральд», которую он обогатил и своими репортажами, и своими рисунками, потому что этот человек так же хорошо владел карандашом, как и пером. В ту минуту, как его захватили в плен, он на ходу описывал происходившее сражение. Последняя фраза в его записной книжке была такая: «Южанин в меня прицеливается... и...» Но южанин промахнулся, Спилетт остался цел и, по своему обыкновению, выпутался из беды, не получив ни малейшей царапины.

Смит и Спилетт, до сих пор знавшие друг друга только понаслышке, оба были доставлены в Ричмонд. Инженер скоро оправился от своей раны и во время выздоровления познакомился с корреспондентом. Эти два человека понравились друг другу и подружились. Скоро у обоих возникла мысль бежать из плена, присоединиться к армии Гранта и сражаться в его рядах за федеральное единство.

Американцы решили рискнуть при первой благоприятной возможности.

Но хотя в самом городе они и пользовались совершенной свободой, Ричмонд так строго охранялся, что бегство казалось почти невозможным.

Между тем к Смицу явился в Ричмонд его слуга, готовый идти за своим господином и в ад, и в рай. Это был негр, родившийся в поместье, принадлежавшем инженеру, родители его были рабами, но Смит, отрицавший рабство, уже давно отпустил его на волю. Раб, получив

свободу, не захотел покинуть своего господина; он был ему так предан, что не задумался бы пожертвовать для него жизнью. Это был парень тридцати лет, здоровый, ловкий, проворный, смелый, кроткий, иногда наивный, всегда веселый, услужливый и добрый. При крещении его нарекли Навуходоносором⁴, но все звали его Набом, и он так привык к своей короткой кличке, что на нее только и откликался.

Когда Наб услышал, что господин его очутился в плену, он, недолго думая, покинул Мас-сачусетс, добрался до Ричмонда и благодаря всевозможным проискам и хитростям, двадцать раз подвергаясь опасности лишиться жизни, пробрался наконец в осажденный город.

Невозможно описать то удовольствие, с каким Смит встретил своего верного слугу, и радость Наба при виде своего любимого господина.

Но Наб, очутившись в Ричмонде, скоро увидел, что покинуть город несравненно труднее, чем войти, потому что пленники находились под строжайшим надзором. Надо было ждать какого-нибудь необычайного стечения обстоятельств, чтобы попытаться бежать, но такой случай трудно было предвидеть.

Между тем Грант продолжал решительные военные действия.

⁴ Католические и в особенности протестантские священники в Соединенных Штатах любили давать библейские имена детям рабов, принявших христианство.

Взятие Питерсберга стоило ему очень дорого. Военные силы генерала, увеличенные войсками Бутлера, застряли под Ричмондом, не добившись никаких результатов, и ничто пока не предвещало скорого освобождения пленных. Американский корреспондент, которому скучная и однообразная жизнь в неволе не доставляла никаких интересных новостей, достойных быть занесенными в записную книжку, умирал от тоски и был готов на все, чтобы только выбраться из ненавистного города. Он несколько раз пытался бежать, но безуспешно.

Осада продолжалась, и, в то время как пленники измышляли различные средства побега, стремясь присоединиться к войскам генерала Гранта, некоторые из осажденных, в свою очередь, хотели выйти из города и примкнуть к действующей армии. К числу таких принадлежал и ярый сторонник южан Джонатан Форстер. Дело в том, что если пленники не могли покинуть город, то южане и подавно не имели возможности сделать это, потому что их кругом обступала армия северян. Ричмондский губернатор уже довольно долго не мог никак связаться с главнокомандующим Ли⁵, а между тем необходимо было дать знать о положении города и тем ускорить движение вспомогательной армии. В таких стесненных обстоятельствах Джонатану Форстеру пришла в голову остроумная мысль – подняться на воздушном шаре, перелететь осадную линию и таким образом пробраться к армии южан.

Губернатор разрешил сделать эту попытку. Вскоре был сооружен аэростат, предоставленный в распоряжение Форстера, которого должны были сопровождать еще пять человек. Все они запаслись оружием, на случай если придется защищаться, спустившись на землю, и провизией, на случай если воздушное путешествие продлится несколько дней.

Отлет был назначен на 18 марта. Аэронавты намеревались отправиться ночью и при умеренном северо-западном ветре рассчитывали за несколько часов добраться до лагеря генерала Ли.

Но северо-западный ветер задувал все сильнее и сильнее, и с 18-го числа уже можно было заметить, что он переходит в ураган. Наконец поднялась такая буря, что отлет Форстера был отменен; начальство решило, что невозможно рисковать воздушным шаром и людьми, которые намеревались пуститься в это воздушное путешествие.

Шар, наполненный газом и привязанный на главной площади Ричмонда, был приготовлен к отправке при первых признаках наступления тихой погоды, и весь город с большим нетерпением ожидал, когда утихнет буря.

Но ни 18, ни 19 марта буря не только не успокоилась, но, напротив, с каждым часом становилась свирепее. Воздушный шар, привязанный толстыми веревками, поминутно мог сорваться, так его мотало во все стороны.

Ночь с 19 на 20 марта прошла без малейших признаков перемены к лучшему; к утру ураган рассвирепел пуще прежнего. Об отлете нечего было и думать.

В этот самый день Смит повстречался на одной из улиц Ричмонда с человеком, которого он до этого времени ни разу не видел. Это был моряк Пенкроф, мужчина лет тридцати-сорока, здоровый, сильно загорелый, с живыми и беспрестанно мигающими глазами, но с чрезвычайно добрым выражением лица. Пенкроф был уроженец северных штатов, избороздивший на своем веку все моря земного шара. Во время своих многочисленных путешествий он испытал немало необыкновенных приключений, какие только могли выпасть на долю существа двуногого и лишенного перьев⁶. Бесполезно прибавлять к характеристике моряка, что он был предприимчивый малый, готовый отважиться на что угодно, – человек, которого трудно было чем-либо поразить.

⁵ Роберт Эдвард Ли (1807–1870) – генерал армии Конфедеративных Штатов Америки, командующий Северовиргинской армией и главнокомандующий армией Конфедерации.

⁶ Имеется в виду высказывание древнегреческого философа Платона, определившего человека как «двуногое существо без перьев».

Пенкроф в начале 1865 года прибыл по делам из Нью-Джерси в Ричмонд вместе с мальчиком пятнадцати лет, Гербертом Брауном, сыном своего капитана, – сиротой, которого он любил как родного. Так как Пенкроф не успел покинуть Ричмонд до начала военных действий, то он, к великому своему огорчению, тоже был задержан и ныне также думал лишь о том, как бы поскорее бежать из города. Моряк немало слышал об инженере Смите; он знал, как жаждет этот отважный человек освободиться из плена. Пенкроф смело подошел к инженеру и, не отрекомендовавшись, прямо сказал ему:

– Господин Смит, а не надоел ли вам Ричмонд?

Инженер пристально поглядел на незнакомца. Пенкроф, не дождавшись ответа, прибавил вполголоса:

– Не хотите ли бежать?

– Когда? Как?.. – быстро спросил инженер, и можно было с уверенностью сказать, что этот вопрос вырвался у него совершенно нечаянно, так как он еще не знал, к какой партии принадлежит неизвестный.

Но, пристально поглядев на открытое лицо моряка, он перестал сомневаться, точно ли перед ним честный человек.

– Кто вы? – спросил отрывисто инженер.

Моряк отрекомендовался.

– Ну и каким же способом вы предполагаете бежать? – спросил Смит.

– А вот на этом шаре, который без толку болтается на площади и словно поджидает нас!..

Пенкрофу не нужно было объяснять далее. Инженер с первого слова все понял. Он схватил моряка за руку и потащил к себе.

Тут Пенкроф объяснил свой, в сущности, очень простой план. Чтобы привести его в исполнение, надо было рискнуть только... жизнью. Ураган, правда, уже разошелся в полную силу, но такой искусный и отважный инженер, как Смит, сумел бы направить воздушный шар по верному маршруту. Что касается Пенкрофа, то он, нисколько не колеблясь, отправился бы в это воздушное путешествие – разумеется, вместе с Гербертом. Моряк видал на своем веку не такие бури и умел с ними справляться.

Смит слушал Пенкрофа, не произнося ни единого слова, но глаза его блестели. Случай к бегству представился, и инженер был не из тех, кто мог бы этот случай упустить. Проект моряка был очень опасен, но все-таки исполним. Несмотря на строгий надзор, ночью можно было подойти к шару, тихонько забраться в корзину, а затем – обрезать канаты, которые удерживали воздушное судно. Конечно, риск был, и немалый, но были и шансы на успех, и если бы не эта буря... Впрочем, если бы стояла хорошая погода, то шар давно бы уже улетел и пленникам не представилось бы возможности бежать...

– Но я здесь не один!.. – сказал Смит.

– Сколько же человек вы хотели бы взять с собой? – спросил моряк.

– Двоих: моего друга Спилетта и слугу Наба.

– Значит, вас трое, – ответил Пенкроф, – а с Гербертом и со мной – пятеро. Шар должен был поднять шестерых...

– Итак, решено. Мы отправимся, – заявил Смит.

В это «мы» заочно включался и американский корреспондент, но Спилетт, как мы уже сказали, был не из тех, кто отступает, и когда ему рассказали о плане моряка, он его беспрекословно одобрил. Он был поражен, как это ему уже давно не пришла в голову такая простая мысль – улететь на шаре южан.

Что касается Наба, то верный слуга хотя и не привык к воздушным путешествиям, но готов был всюду следовать за своим господином.

– Сегодня вечером, – сказал Пенкроф, – мы все пятеро, не выдавая наших намерений, будем шататься по площади... так, будто любопытства ради!

– Вечером, в десять часов, – уточнил Смит. – Дай только бог, чтобы буря не стихла прежде нашего отлета...

Пенкроф, простясь со Смитом и Спилеттом, вернулся к себе на квартиру, где оставался юный Герберт.

Смелый мальчик знал уже о замысле моряка и не без тревоги ждал результата его свидания с инженером.

Ураган не стихал. Ни Джонатан Форстер, ни его товарищи не могли и думать об отлете в хлипкой корзине в такую страшную погоду. День был ужасный: яростные порывы бури с каждым часом усиливались.

Инженер только одного боялся: чтобы воздушный шар, который то и дело порывами ветра бросало к земле, не был поврежден и не разорвался на тысячу мелких кусков. В продолжение нескольких часов он бродил взад и вперед по совершенно пустой площади, наблюдая за каждым движением шара. Пенкроф, заложив руки в карманы и мучительно зевая, как человек, совершенно не знающий, каким образом развеять скуку, тоже посматривал на шар, опасаясь, что оболочка шара не выдержит или что его вот-вот сорвет порывом разбушевавшейся стихии и он взвоется под облака.

Наступил вечер. Сгустились глубокие сумерки. Густой туман стелился по земле. Падающий снег сменялся стеной дождя. Погода стояла очень холодная. Над Ричмондом как будто повисла давящая мгла. Жестокая буря, казалось, породила вынужденное перемирие между осаждавшими и осажденными: пушечный гром замолк при страшных раскатах урагана.

Городские улицы совсем опустели. В такую ужасную погоду не было никакой нужды сторожить воздушный шар и охранять площадь, посреди которой он бился и рвался во все стороны. Очевидно, все благоприятствовало бегству пленников; но страшно было при одной мысли о воздушном путешествии сквозь бушующий ураган...

– Тьфу ты пропасть, как задувает! – сказал Пенкроф, прижимая шляпу, когда сильный порыв ветра хотел сорвать ее с головы. – Ну да что ж! Будет и урагану когда-нибудь конец!

В половине десятого Смит и его товарищи с разных концов пробрались на площадь, где газовые фонари погасли от сильного ветра, и пятеро заговорщиков очутились в совершенной темноте. Трудно было разглядеть даже громаду воздушного шара, совсем прибитого ветром к земле. Концы канатов, тянувшихся от сетки, были закреплены у мешков с балластом, и, кроме того, корзина оказалась привязанной толстым канатом, который был продет в кольцо, забитое в булыжник мостовой.

Беглецы сошлись у корзины. Их никто не видел, но темнота была такая, что и они с трудом могли разглядеть друг друга.

Смит, Спилетт, Наб и Герберт, не говоря ни слова, разместились в маленькой корзине, а Пенкроф по приказанию инженера поспешно отвязывал мешки с балластом.

В несколько минут он кончил работу и тоже забрался в гондолу.

Воздушный шар держался теперь на одном канате, и все ждали последнего приказа Смита.

В эту самую минуту какой-то пес одним сильным прыжком вскочил в корзину. То был Топ, пес инженера, который, сорвавшись с цепи, кинулся за хозяином.

Смит, боясь, что шар может не поднять шестерых, хотел вытолкнуть пса на землю.

– Эге! Одним пассажиром больше! Ну, не беда! – сказал моряк, выкидывая из корзины два мешка с песком.

Затем Пенкроф отвязал последний канат, и шар, который вначале повело вбок, со страшной силой рванулся, задев, разрушил две печные трубы и скоро пропал из виду.

Ураган бушевал со всей силой. Смит не мог и думать о том, чтобы спуститься ночью. С наступлением дня за густыми облаками нельзя было разглядеть ни малейших признаков земли.

Только через пять дней после отправления, когда ураган начал понемногу стихать, беглецы увидели под ногами безграничное море.

Читатель уже знает, как из пяти человек, отправлявшихся в ночь на 20 марта, четверо были выброшены 24 марта на какой-то пустынный берег, в шести тысячах миль от Ричмонда⁷. И тот, кого не было, тот, кого четверо спасенных должны были прежде всего найти, был Сайрес Смит.

⁷ 5 апреля 1865 г. генерал Грант взял Ричмонд. Армия южан была побеждена. Генерал Ли отступил к западу, и американское единство восторжествовало. (*Примеч. автора.*)

III. Исчезновение Смита

Смит, под которым оборвались петли сетки, охватывавшей воздушный шар, был смыт волной. Его собаки тоже не было. Верное животное добровольно кинулось в воду на помощь своему хозяину.

– Вперед! – крикнул Гедеон Спилетт.

И все четверо, несмотря на усталость, начали поиски.

Бедняга Наб при мысли потерять того, кто был ему дороже всех на свете, плакал от бешенства и отчаяния.

Между тем моментом, когда Смит исчез, и тем, когда его товарищи были выкинуты на твердую землю, не прошло больше двух минут. Таким образом, они еще могли надеяться вовремя прийти ему на помощь.

– Искать! Искать! – кричал Наб.

– Да, Наб, – отвечал Гедеон Спилетт, – и мы найдем его!

– Живого?

– Живого!

– Он умеет плавать? – спросил Пенкроф.

– Да! – ответил Наб.

– Кроме того, с ним Топ!..

Моряк, прислушиваясь к реву морских волн, только покачивал головой.

Инженер пропал к северу от берега, на расстоянии около полумили от того места, куда выкинуло его товарищей. Если бы он мог добраться до ближайшего берегового пункта, ему бы нужно было проплыть самое большее полмили.

Было уже около шести вечера. Поднялся густой туман; наступившая ночь была очень темна. Потерпевшие крушение шли вперед, направляясь по северному берегу совершенно неизвестной земли, о географическом положении которой они могли лишь гадать.

Они с трудом передвигали ноги по песчаной, усеянной камнями почве, лишенной, казалось, всякой растительности. Почва – неровная, сильно изрытая – местами была усеяна небольшими ямами, которые очень утомляли путешественников. Из каждой ямы то и дело вылетали большие птицы и, устремляясь в разные стороны, пропадали в темноте. Другие, более проворные на лету, поднимались целыми стаями и проносились, словно тучи.

Моряк по крикам птиц догадался, что это были чайки и поморники. Пронзительные крики птиц перекрывал ужасный рев бушующего моря.

Время от времени несчастные останавливались, громко кричали и прислушивались, не ответит ли кто.

Они рассчитывали, что, подойдя ближе к тому месту, где пропал инженер, смогут услышать лай Топы, даже если сам Смит будет не в состоянии подать голос.

Но ничего не было слышно, кроме шума морских валов и неустанный клокотания прибоя.

Маленький отряд снова двинулся дальше, исследуя извилины побережья.

Пройдя таким образом минут двадцать, путешественники вынуждены были остановиться, увидав перед собой белые гребни пенящихся волн. Дальше земли не было. Они очутились на оконечности острого мыса, через который валы перекатывались с ужасным ревом.

– Это мыс, – сказал моряк. – Надо вернуться назад, но держась правой стороны, – тогда мы придем на настоящую землю.

– А если он там! – возразил Наб, показывая на пенящиеся в темноте волны.

– Ну, покличим еще, может, он услышит!

И все в один голос стали громко кричать.

Никто не отвечал.

Они подождали временного затишья и снова начали звать.

Снова никакого ответа.

Тогда они направились обратно, в противоположную от мыса сторону, по совершенно такой же песчаной и каменистой почве.

Пенкроф заметил, что берег чем дальше, тем становится круче, что почва поднимается, и ему казалось, что утес, на котором они теперь находились, должен был соединяться длинной полосой земли с высоким побережьем, неясно видневшимся в темноте.

Птицы реже попадались на этой части берега. Море уже не так волновалось, не так шумело, и даже можно было видеть, что движение валов в этой части океана заметно уменьшалось. Тут почти не слышно было прибоя морских волн.

Моряк по всем этим признакам заключил, что берег, начиная от мыса, образует род небольшой полукруглой бухты, которая была защищена выдававшимся мысом со стороны открытого моря.

Но, следуя в этом направлении, путешественники двигались к югу, то есть в противоположную сторону от той части берега, куда мог бы добраться Смит. Они прошли уже полторы мили, а на побережье все еще не было видно никакого поворота, который направил бы их на север. Путешественники, несмотря на всю усталость и изнеможение, шли по изрытой почве с таким же мужеством, каждую минуту надеясь, что вот-вот они наткнутся на этот желанный крутой поворот к северу.

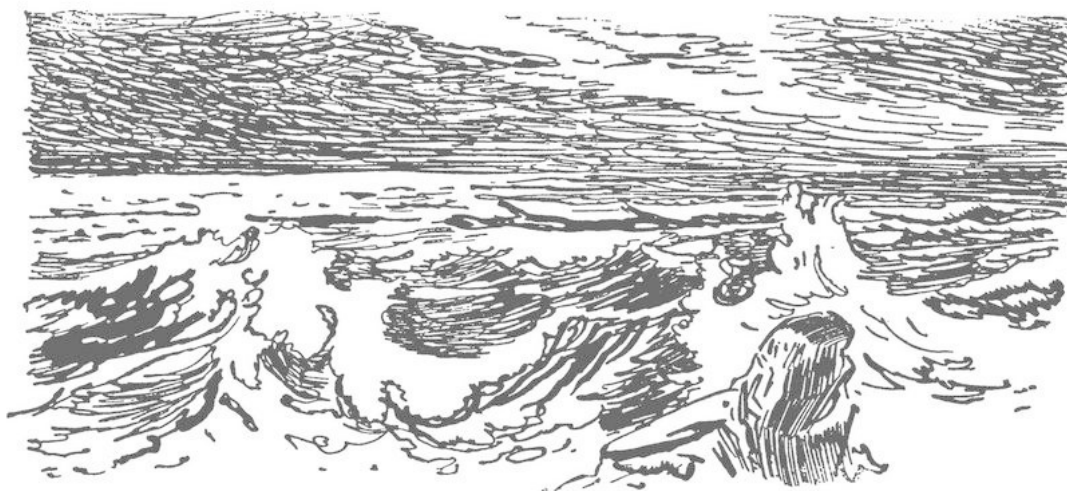
Каково же было их отчаяние, когда, пройдя около двух миль, они снова были задержаны морем, очутившись на каком-то высоком мысе, образуемом крутыми скользкими скалами.

– Мы, господа, на островке! – сказал Пенкроф. – И прошагали его с одного конца в другой!

Замечание моряка было справедливо. Они были выброшены не на материк и даже не на остров, а на небольшой островок, который в длину имел не больше двух миль и ширина которого тоже, по-видимому, была не очень велика.

Принадлежал ли этот пустынный, усеянный камнями, без всяких признаков растительности островок к какому-нибудь большому архипелагу или только предоставлял убежище стаям морских птиц?

Трудно было решить.

Путешественники, стоя на сравнительно небольшом возвышении и глядя на все окружающее сквозь облака густого тумана, не могли сказать почти ничего определенного насчет положения острова. Когда наши путники увидели его сквозь туман из гондолы воздушного шара, они не могли хорошенько его рассмотреть и определить, велик ли он. Однако Пенкрофу, привыкшему на море рассматривать предметы в самые темные ночи, казалось, что на западе возвышается какая-то темная, неясная масса, которую он принимал за высокий берег материка или большого острова.

Но теперь, в ночной тьме, невозможно было понять, что это за остров. Покинуть островок тоже было нельзя, так как его со всех сторон окружало море.

Поиски инженера поневоле пришлось отложить до наступления утра.

– Молчание Смита еще ничего не доказывает, – говорил Спилетт. – Быть может, его выкинуло волной, он ушибся, впал в беспамятство и не в состоянии отвечать на все наши крики... Но мы не должны отчаиваться.

У Спилетта мелькнула мысль развести где-нибудь костер, который послужил бы инженеру сигналом. Но напрасно они все четверо искали дрова. На островке, кроме камней и песка, решительно ничего нельзя было найти.

Невозможно себе представить огорчение Наба и его товарищей.

Оставалось ждать рассвета. Инженер или спасся и уже находился где-нибудь на острове, или же безвозвратно погиб в страшной пучине морских вод.

Долгими и мучительными показались им ночные часы. Погода стояла холодная. Потерпевшие воздушное крушение сильно продрогли в своих одеждах, насквозь промокших от морской воды.

Но никто из них не замечал этого холода. Никому целую ночь даже не приходило в голову присесть и отдохнуть. Побеждая усталость и не желая расстаться с надеждой отыскать любимого товарища, они ходили взад и вперед по пустынному островку, возвращаясь постоянно к той части северного побережья, которую они считали ближайшим местом последней катастрофы. Они с замиранием сердца прислушивались, кричали, снова прислушивались.

В атмосфере царила мертвая тишина; шумевшее море начинало понемногу успокаиваться, и голоса их должны были разноситься на далекое расстояние.

Один раз им показалось, что на крик Наба откликнулись.

Герберт сказал Пенкрофу:

– Это эхо доказывает, что к западу недалеко от нас есть какая-то земля!

Моряк утвердительно кивнул. Глаза не могли обмануть его. Если он, Пенкроф, хорошо или худо мог увидеть землю или сколько-нибудь догадываться о ее существовании, это значило, что земля действительно была близко.

Отдаленное эхо было единственным ответом на все крики Наба; глубокая тишина господствовала на маленьком островке.

Между тем небо мало-помалу прояснялось. Около полуночи засверкали некоторые звезды, и если бы Смит находился в эту минуту возле своих товарищей, он сейчас бы увидел, что звезды эти не принадлежали к созвездиям Северного полушария.

Полярная звезда не показывалась на этом новом горизонте; созвездия, сверкавшие в зените, были совсем не те, какие можно всегда наблюдать в северной части Нового Света; ярко сверкавшее на горизонте созвездие Южного Креста указывало, что путники находятся в Южном полушарии.

Ночь прошла. Около пяти утра, 25 марта, небо в вышине стало слегка светлеть. На горизонте было еще темно. С первыми лучами солнца с моря надвинулся такой непроницаемый туман, что нельзя было решительно ничего разглядеть в двадцати шагах. Туманные облака сбивались в огромные массы, которые тяжело ползли над водой.

Это было совсем некстати.

Наконец дождались дня, но все-таки ничего не могли разглядеть вокруг.

Пенкроф и Герберт не сводили глаз с западной части горизонта, между тем как Наб и Спилетт с замирающим сердцем вглядывались в даль.

– Ничего не значит, что я не вижу берега, – сказал Пенкроф. – Я его чую... я чую, что он там... там... Это так же верно, как то, что мы теперь не в Ричмонде!

Туман скоро должен был подняться. Это предвещало хорошую погоду. Солнце уже согревало верхние слои атмосферы, и его животворные лучи рассеивались по поверхности маленького островка.

Действительно, около половины седьмого, спустя три четверти часа после восхода солнца, туман начал становиться прозрачнее. Он поднимался с поверхности воды и скапливался вверху. Скоро весь островок словно вышел из облака; затем блеснуло и море, без конца простиравшееся на востоке, но на западе ограниченное довольно высоким и крутым берегом.

Да, там берег какой-то земли.

Между островком и берегом с шумом проносилось быстрое течение. Было трудно, если не невозможно, переплыть этот пролив.

Но один из потерпевших крушение, недолго думая, кинулся в воду и поплыл, не посоветовавшись с товарищами и даже не сказав им ни единого слова.

Это был Наб. Он торопился переплыть на высокий берег, чтобы оттуда направиться на север. Никто не мог его удержать. Напрасно Пенкроф уговаривал негра вернуться.

Спилетт хотел последовать примеру Наба.

– Вы хотите переплыть этот пролив? – спросил моряк, подойдя к нему.

– Да, – ответил Геден Спилетт.

– Ну так послушайте меня, подождите, – сказал Пенкроф. – Наб и один может помочь своему господину. Надо быть большим силачом, чтобы перебраться тут вплавь, и вы рискуете, что вас унесет в открытое море, потому что течение очень быстрое и сильное. Коли я не ошибаюсь, это отливное течение. Вы видите на песке, что уровень воды понижается? Подождем немного, при малой воде мы, может, сумеем перейти вброд...

– Ваша правда, – ответил Спилетт. – Мне кажется, нам лучше не разлучаться.

Наб между тем отважно боролся с сильным течением. Он плыл наискосок. Плечи негра при каждом взмахе могучих рук выходили из воды. Полмили, отделявшие островок от земли, он переплыл за час, только течением его снесло на несколько сотен футов ниже того места, куда он рассчитывал попасть.

Наб вышел на берег у высокой гранитной скалы, быстро отряхнулся, затем пустился бежать во всю прыть и скоро пропал за вершиной одного утеса, который находился почти на одной высоте с северной оконечностью островка.

Товарищи Наба с тревогой смотрели на смелую попытку негра, и, когда он скрылся из виду, они обратили взоры на землю, где предстояло теперь искать приюта.

Они подобрали какие-то ракушки, валявшиеся на песке. Это было не бог весть что, но другой еды им пока не удалось найти.

Берег, возвышавшийся у них перед глазами, образовывал обширный залив, заканчивавшийся весьма острым, глубоко вдававшимся в море мысом. Не было ни малейших признаков растительности. Мыс прихотливым изгибом примыкал к высоким гранитным скалам. В северной части, напротив, залив был гораздо шире и образовал более пологий берег, тянувшийся с юго-запада на северо-восток и кончавшийся узким и длинным мысом. Между этими двумя крайними точками, в которые упиралась дуга упомянутой губы, расстояние было по крайней мере восемь миль. В полумиле от берега островок тянулся в море узкой полосой и казался каким-то громадным китообразным животным, лежавшим на мели. В самом широком месте он достигал четверти мили.

Та сторона побережья, которая находилась прямо против островка, представляла на первом плане плоский песчаный берег, усеянный темными скалами, которые в настоящую минуту мало-помалу вновь проступали в спадающей воде морского отлива. Далее возвышалось что-то похожее на отвесную гранитную крепостную стену, увенчанную каменным карнизом высотой по крайней мере в триста футов над морем. Эта стена тянулась вбок на протяжении трех миль, а затем круто заворачивала направо гранитной стеной, словно высеченной человеческими руками. По левую же сторону, выше мыса, прихотливо изрезанный береговой утес, выдвигаясь призматическими осколками обвалившихся скал, переходил в более пологий спуск и мало-помалу сливался с утесами южной оконечности.

На верхней площадке берега не было видно ни единого деревца; она напоминала Столовую гору мыса Доброй Надежды, только в значительно меньших размерах. По крайней мере, так казалось с маленького островка. Направо, за поворотом гранитной стены, виднелась какая-то растительность. Вдали легко было заметить развесистые зеленые кроны больших деревьев, древесная чаща тянулась вглубь берега и наконец вовсе пропадала из виду. Приятно было глядеть на эту зелень между нагромождением скал и песка: она несколько оживляла суровые очертания гранитных утесов.

Наконец, на дальнем плане, по направлению к северо-западу, на расстоянии около восьми миль, виднелась какая-то сверкающая белая вершина, сильно отражавшая солнечные лучи. Это была, вероятно, вершина какой-нибудь отдаленной горы, увенчанная вечными снегами.

Трудно было решить, является ли эта земля только островом, или она принадлежит какому-нибудь материку, но по одному виду этих беспорядочно нагроможденных скал всякий не колеблясь ответил бы, что она имеет вулканическое происхождение.

Спилетт, Пенкроф и Герберт, оставшись втроем на островке, внимательно осматривали землю, на которой, быть может, им придется жить много лет, а может, и умереть, если только эта земля не лежит близко от морских путей.

– Ну, – сказал Герберт, обращаясь к моряку, – что ты скажешь?

– Наперед трудно решить что-нибудь, – ответил Пенкроф. – Может, там хорошо, а может, и худо, как и везде. Посмотрим. Но вот отлив уже начался. Через три часа мы поищем проход, а уж там как-нибудь выпутаемся из беды. Главное – найти мистера Смита!

Пенкроф не ошибся. Через три часа, когда вода окончательно спала, большая часть песчаного слоя, образовавшего ложе пролива, совершенно обнажилась. Между островком и берегом остался только узкий проливчик, через который очень легко было перебраться на ту сторону.

Около десяти утра Спилетт и двое его товарищей сняли с себя одежду, связали всё в небольшие узлы и, положив их на головы, пошли вброд через пролив, имевший около пяти футов глубины. Герберт, для которого и это было очень глубоко, поплыл, как рыба, и раньше других очутился на берегу.

Таким образом, все трое без особых затруднений добрались до противоположного берега. Там солнце быстро их обсушило; они оделись в сухое платье, так как на него не попало ни единой капли воды во время переправы, и стали советоваться, с чего начать поиски.

IV. Устройство жилища

Прежде всего Спилетт попросил моряка подождать на этом месте, а сам, не теряя ни минуты, поднялся по берегу в ту сторону, куда несколькими часами раньше направился Наб, и скоро исчез за береговым утесом.

Герберт хотел последовать за Спилеттом.

– Останься, Герберт, – сказал ему Пенкроф. – Мы тем временем разобьем лагерь и поищем, нет ли здесь чего-нибудь съедобного, питательнее этих раковин. Когда наши друзья воротятся, им надо будет хорошенько подкрепить силы. Давай примемся сейчас за дело. В лесу найдутся дрова, в гнездах – птичьи яйца; стало быть, нам остается подумать об устройстве какого-нибудь жилья.

– Пойду посмотрю, нет ли в этих скалах какой-нибудь пещеры, – ответил Герберт. – Может, найду какую-нибудь расщелину, чтобы мы могли там приютиться на первых порах.

– Дело говоришь! – одобрил Пенкроф. – Ну, в путь, дружище!

Они начали пробираться у подножия громадной стены утеса, по плоскому песчаному берегу, который становился все шире и шире по мере того, как отступала вода.

Но вместо того, чтобы подняться на север, они начали спускаться к югу.

Пенкроф заметил, что в нескольких сотнях футов ниже того места, где они вышли на берег, перебравшись через пролив, в утесе есть узкая расселина, которая, по его мнению, служила выходом для какой-нибудь речки или источника. Необходимо было обосноваться где-нибудь рядом с пресной водой, к тому же моряк сообразил, что Смита течением могло принести к этому берегу.

Высокая стена утеса, как было сказано, выступала на триста футов над остальным берегом, но то была гладкая сплошная громада, и хотя у основания море ее кое-где и поразмыло, нельзя было заметить ни малейшей щели или трещины, которая могла бы послужить временным пристанищем. Это была отвесная стена, состоявшая из твердого гранита, остававшегося несокрушимым под ударами морских валов. Над ней летали различные морские птицы, преимущественно разные породы перепончатопалых, с длинным, сплюснутым и заостренным клювом; они кружили с пронзительным гогом и, видимо, нисколько не опасались людского присутствия, которое, вероятно, в первый раз нарушило их спокойствие в этой пустыне. Среди птиц Пенкроф заметил нескольких поморников, которых иногда называют морскими разбойниками, а также узнал небольших прожорливых чаек, которые гнездятся во впадинах гранита. Одним ружейным выстрелом в эти стаи можно было бы добыть порядочный запас дичи. Но чтобы выстрелить, надо иметь, во-первых, ружье, во-вторых, порох и дробь, а у Пенкрофа и Герберта ничего этого в настоящую минуту не было.

Впрочем, эти чайки и поморники малосъедобны: даже их яйца имеют отвратительный вкус.

Герберт, пройдя немного влево, скоро увидел обвитые водорослями скалы, которые за несколько часов перед этим еще были закрыты водой морского прилива. В скальных расщелинах, в мягких и скользких водорослях, лепились двустворчатые раковины, которыми не могли пренебречь голодные люди.

Герберт позвал Пенкрофа и объявил о своем открытии.

– А! Вот и устрицы! – воскликнул моряк. – Они на первых порах заменят мясо.

– Это вовсе не простые устрицы, – возразил молодой Герберт, внимательно разглядывавший раковины, приставшие к утесу, – это литодомы.

– А их едят? – спросил Пенкроф.

– Разумеется, едят.

– Ну, попробуем, что это за литодомы!

Моряк мог в этом случае положиться на Герберта, потому что юноша был весьма силен в естествознании. Он всегда чувствовал большую склонность к изучению этой науки. Отец Герберта старался развить эту склонность и отправил мальчика в Бостон к лучшим профессорам, к знаменитому швейцарскому натуралисту Агассису, который сильно полюбил прилежного ученика.

Впоследствии Герберту не разгодились эти познания.

Литодомы представляют собой удлиненные раковины, которые целыми гроздьями прирастают к гранитным утесам. Они принадлежат к роду моллюсков-бурильщиков, которые про сверливают для себя отверстия в самых твердых камнях; их раковины закруглены с двух сторон, чего нельзя заметить в обыкновенных раковинах.

Пенкроф и Герберт истребили порядочное количество литодомов, которые на солнце приоткрывали свои створки. Они ели их, как устриц, и нисколько не жаловались на недостаток перца или какой-нибудь другой приправы в этом роде, потому что литодомы имеют весьма острый вкус, словно кто-нибудь их уже наперчил.

Они скоро утолили голод, но вызвали жажду, начавшую сильно их мучить. Теперь требовалось поскорее найти где-нибудь ручей пресной воды, на что нельзя было наверное рассчитывать в этой причудливо изрытой почве. Пенкроф и Герберт, наевшись вволю, набрали полные карманы и носовые платки литодомов и с этим запасом вернулись назад по высокому берегу.

Пройдя шагов двести, они подошли к тому ущелью, где, по мнению Пенкрофа, должна была протекать, вровень с берегом, маленькая речка.

В этом месте береговой утес, казалось, был расколот действием подземных сил. У основания утеса находилась небольшая выемка, которая, вдаваясь глубоко в гранит, оканчивалась довольно острым углом. Речка имела в ширину около ста футов. Она почти прямо углублялась между двух гранитных скал, которые, казалось, понижались у верховья устья, затем круто заворачивала и в полумиле совершенно пропадала в густой чаще.

– Здесь вода, а там лес, – сказал Пенкроф. – Ну, Герберт, теперь не хватает только жилья!

В речке вода была чиста и прозрачна. Моряк тотчас сообразил, что во время отлива, при низком уровне моря, когда волны не заливают этой выемки, вода в устье должна быть пресная. Так оно и было. Успокоившись насчет воды, Герберт снова начал искать какое-нибудь временное убежище, но безуспешно. Стена везде была гладкая, сплошной гранит.

Но около устья речки, выше наносов приливного течения, гранитные обвалы образовали не то чтобы пещеру или грот, а ряд коридоров между громадами высоких скал; такие коридоры очень часто встречаются в гранитных скалах и носят название «дымовых труб».

Пенкроф и Герберт далеко прошли по этим коридорам.

В них было довольно светло, потому что солнечные лучи проникали в глубину длинных ходов через отдушины, образовавшиеся между скалами, которые каким-то чудом держались в равновесии.

Но вместе с лучами света врывался и ветер, а с ветром – пронизывающий холод!

Однако моряк надеялся, что, завалив часть подземных ходов, засыпав некоторые отдушины песком и камнями, в «Трубах» можно довольно уютно устроиться.

План этих «Труб» напоминал типографский значок &, который сокращенно обозначает латинские слова «et cetera» – «и прочее»⁸. Действительно, отгородив верхнюю петлю знака, через которую врывался ветер с юга и запада, можно было бы воспользоваться нижним ее коленом.

– Вот где предстоит работа! – сказал Пенкроф. – Если Смит еще жив и вернется к нам, он сумеет устроиться в этом лабиринте.

⁸ В современной практике & заменяет союз «и».

– Да, он жив! – воскликнул Герберт. – И к тому времени, когда он вернется, надо устроить хоть сколько-нибудь сносное жилище. В левом коридоре мы сложим печь и оставим одну отдушину для дыма.

– Мы это можем устроить, дружище, – ответил Пенкроф, – и эти «Трубы» нам пригодятся. Но прежде всего пойдем поищем горючий материал. Мне кажется, что древесина тоже пригодится, чтобы заложить отдушины, через которые черт свистит в дудку!

Герберт и Пенкроф двинулись вверх вдоль левого берега реки.

Течение было довольно быстрое, и по реке плыло несколько гнилых деревьев. С подъемом воды – а в эту минуту она уже значительно прибыла – сплавленные деревья могло отнести на значительное расстояние. Моряк взял на заметку, что этими постоянными приливами и отливами впоследствии можно будет пользоваться для перетаскивания тяжелых предметов.

Через четверть часа Пенкроф и Герберт подошли к крутому повороту, который делала река, углубляясь влево. Начиная с этого места она протекала по великолепному густому лесу. Несмотря на осеннюю пору, деревья стояли все еще совершенно зеленые, потому что они принадлежали к семейству хвойных, которые распространены во всех странах земного шара, начиная с северных и до тропических.

Молодой натуралист сейчас же заметил множество деодаров, кедров, произрастающих в гималайской зоне, от них по всему лесу распространялся приятный смолистый аромат. Промеж высоких, красивых деревьев стояли небольшие ветвистые сосны, широко раскидывавшие свою крону. Пенкроф, ступая по высокой траве, слышал, как у него под ногами сухие ветки ломались и трещали, словно какой-нибудь фейерверк.

– Ну, дружище, – сказал он, обращаясь к Герберту, – хотя мне и неизвестны названия этих огромных деревьев, я, по крайней мере, могу отнести их к разряду горючих, а это для нас в настоящую минуту самое важное!

– Да, разумеется, уж и этого одного более чем достаточно! Здесь мы наберем порядочный запас! – сказал Герберт и тотчас же принялся за работу.

Работа пошла очень быстро. На земле всюду валялся хворост, так что не было никакой необходимости лазить и обламывать ветки.

Но, несмотря на такое богатство горючего материала, у Пенкрофа и Герберта не было решительно никакого средства, чтобы доставить его к месту назначения.

Чрезвычайно сухая древесина должна была отлично гореть, так что следовало перетащить как можно больший запас дров к «Трубам», однако для этого усилий двух человек было совсем недостаточно.

Герберт поделился с моряком своими опасениями.

– Э! Дружище, – ответил Пенкроф, – непременно есть какое-нибудь средство доставить этот лес! Всегда на всякое дело можно найти средство! Если бы у нас была двухколесная тележка или какое-нибудь небольшое судно, тогда нечего было бы придумывать и не было бы работы голове!

– А река? – сказал Герберт.

– Хорошо придумано! – ответил Пенкроф. – Река лучше всяких тележек, ее и везти не надо – сама идет!

– Но так как вода еще прибывает, – заметил Герберт, – то тележка наша потащит дрова совсем не в ту сторону, куда мы хотим их сплавлять...

– В таком случае нам придется подождать отлива, и тогда мы легко доставим их к «Трубам». А прежде мы заготовим побольше древесины.

Моряк в сопровождении Герберта направился к опушке леса, подступавшего к излучине реки. Каждый, сообразно своим силам, перетаскивал небольшие деревья в одно место и связывал между собой. На берегу реки в густой траве, где, видимо, никогда еще не ступала нога человека, тоже имелось немало хвороста.

Пенкроф тотчас же начал придумывать способ для укладки и сплава будущих дров.

Отыскав на берегу небольшое углубление в скале, размытой течением, моряк при помощи Герберта разместил там несколько довольно толстых бревен, которые были прочно связаны сухими лианами. Таким образом, они соорудили нечто вроде деревянного плота, куда они понемногу перетаскивали все собранные дрова; скоро образовалась такая груда, словно тут работало по крайней мере двадцать человек.

В один час все было уже готово, и надо было только ожидать, когда вода пойдет обратно.

Чтобы не стоять сложа руки в ожидании отлива, Пенкроф и Герберт решились подняться на верхнюю площадку скалы и с этой высоты хорошенько осмотреться.

К счастью, в двухстах шагах за поворотом реки сплошная стена понижалась к лесной опушке и в этом месте представляла нечто вроде лестницы, которой можно было воспользоваться.

Моряк и Герберт начали подниматься вверх, и так как оба они были мускулистые и крепкие, то за несколько минут добрались до верхней площадки, возвышавшейся над устьем реки.

Путники бросили взгляд на неизмеримый океан. Они с волнением осматривали всю северную часть берега, где произошла ужасная катастрофа. В этом именно месте исчез Смит. Они пристально вглядывались, не плывет ли где обрывок оболочки воздушного шара, за который мог бы уцепиться несчастный товарищ.

Но нигде ничего!

На берегу тоже не было видно ни Спилетта, ни Наба. Вероятно, они ушли так далеко, что отсюда их нельзя было заметить.

– Мне как-то не верится, – воскликнул Герберт, – чтобы такой отважный человек, как господин Смит, мог утонуть! Он непременно добрался до берега.

Моряк с грустью покачал головой.

Он уже не рассчитывал снова увидеть Смита, но, не желая огорчать Герберта, сказал:

– Конечно, конечно. Наш инженер из тех, которые умеют выпутаться из беды там, где всякий другой наверняка погибнет!..

Они осматривались с большим вниманием. Перед ними тянулась песчаная полоса, ограниченная справа от устья реки грядой подводных скал. Эти темные, едва показавшиеся из воды каменные глыбы напоминали гигантских морских животных, разлегшихся среди пенных бурунов; за линией рифов сверкала на солнце морская гладь. С юга панораму замыкал остроконечный высокий мыс, и нельзя было определить, продолжается ли за ним суша, или же она вытянута с юго-востока на юго-запад, образуя некий длинный полуостров. С северной стороны берег, просматривавшийся далеко, плавно изгибался, образуя полукруглую бухту. Ее края были низкими, пологими, без гранитных скал, с широкими песчаными наносами, обнажавшимися при отливе.

На западе взору их прежде всего предстала гора со снежной вершиной, которая возвышалась в шести или семи милях. С первых ее откосов, на протяжении двух миль от берега, виднелись обширные, поросшие лесом пространства, словно испещренные темно-зелеными пятнами – это были купы вечнозеленых деревьев. Далее, между лесом и плоской возвышенностью, зеленел обширный луг, прихотливо усеянный множеством деревьев. Слева, между густыми зарослями, кое-где сверкала река, и казалось, что ее извилистое русло ведет к южной части горы, где поток, вероятно, брал свое начало. В том месте, где моряк соорудил плот, речка протекала между двумя высокими гранитными стенами; по левому берегу стена шла сплошная и обрывистая; справа, напротив, она мало-помалу понижалась: каменный вал постепенно переходил в отдельные скалы, а скалы – в нагромождения булыжника почти до самой вершины.

– Что это, остров? – проговорил моряк.

– Если остров, то очень большой! – ответил мальчик.

– Остров, каков бы он ни был, все-таки остров! – заметил Пенкроф.

Но этот важный вопрос еще нельзя было решить окончательно. Что касается самой земли, то было ясно, является ли она островом или частью какого-нибудь материка, все-таки она весьма живописна и плодородна.

– Мы и за то должны благодарить судьбу, что она занесла нас на плодоносную землю! – сказал Пенкроф.

– Да, слава богу, что так случилось! – ответил мальчик.

Долго еще Пенкроф и Герберт разглядывали ту неведомую землю, куда их забросила судьба, но, даже составив первое впечатление, ни тот ни другой все же не могли вообразить, что ждет их тут.

Затем они повернули назад, следуя по южному краю гранитного плато, обрамленного длинными фестонами причудливых утесов, которые принимали иногда самые странные формы. Тут было множество птиц, гнездившихся в скалах и ущельях.

Герберт, скакавший с одного камня на другой, спугнул большую стаю пернатых.

– А! – воскликнул он. – Это не поморники и не чайки!

– Как же называются эти птицы? – спросил Пенкроф. – Похожи как будто на голубей.

– Да, это дикие голуби, их еще называют скалистыми, – ответил Герберт. – Я их сразу распознал по черной кайме на крыльях, по белому хвосту и голубовато-пепельному цвету перьев. Но дело в том, что этих скалистых голубей можно есть, – я, по крайней мере, знаю, что яйца их превосходного вкуса... Лишь бы только нашлись они в гнездах!

– Если найдутся, то мы не станем ждать, пока вылупятся голубята, а сейчас же состряпаем из них яичницу! – весело сказал моряк.

– В чем же ты рассчитываешь жарить свою яичницу? – спросил Герберт. – В собственной шляпе?

– Ну уж нет! Я таких фокусов еще не выучился показывать, – ответил Пенкроф. – В таком случае, дружище, мы, так и быть, сварим яйца всмятку, и я берусь управиться с самыми крутыми!

Пенкроф и Герберт стали очень внимательно осматривать все трещины и неровности гранитного утеса и действительно нашли в углублениях множество яиц. Они набрали несколько дюжин, уложили в шейный платок моряка и затем начали спускаться со стены, так как надо было вовремя поспеть к плоту с дровами.

Когда они пришли к излучине реки, было около часа дня. Течение уже перешло в обратное. Надо было пользоваться отливом, чтобы сплавить заготовленную древесину.

Пенкроф не решался пустить плот по течению и не хотел сам на нем плыть, а потому необходимо было как-нибудь иначе управлять им и удерживать его в струе течения. Разумеется, моряк недолго раздумывал, когда дело коснулось канатов и снастей. Он быстро сплел из сухих лиан длинную веревку в несколько сажен. Этот канат он привязал к плоту, и, в то время как Герберт гнал плот вперед, моряк, держа в руке конец каната, направлял его по течению.

Выдумка оказалась вполне удачной. Огромный ворох хвороста и сухих деревьев, придерживаемый моряком, быстро подвигался вперед. Следуя по высокому и крутому берегу, нечего было опасаться, что плот сядет на мель. Пенкроф и Герберт часа за два пригнали плот к устью реки, поставив его в нескольких шагах от «Труб».

V. Потеря огня

Как только плот разгрузили, первым делом Пенкрофа было приспособить «Трубы» для сколько-нибудь уютного жилья. Для этого следовало заделать ряд коридоров, через которые врвался снаружи холодный ветер. Песок, камни, переплетенные ветки, смоченная глина были использованы для герметического заделывания проходов трубы, открытой южному ветру. Они изолировали верхнюю петлю знака &. Сбоку был оставлен только один узкий и извилистый проход для выхода дыма и усиления тяги воздуха в устроенном очаге. Таким образом, жилище в скалах было разделено на три или на четыре комнаты, если только можно назвать комнатами мрачные берлоги, в которых не стал бы селиться никакой дикий зверь. Но зато здесь было сухо и можно было встать во весь рост, по крайней мере в главной комнате, занимавшей середину «Труб». Земля в комнатах была засыпана мелким песком, и вообще, в ожидании лучшего в них можно было устроиться довольно уютно.

Пенкроф и Герберт, усердно работая, ни на минуту не переставали разговаривать.

– Наши товарищи, – говорил Герберт, – может, найдут лучшее помещение, чем наше?

– Да, может быть, – ответил моряк. – Но уж лучше синица в руке, чем журавль в небе, говорит пословица.

– Ах! – повторял Герберт. – Если бы они привели Смита! Если бы они нашли его! Как бы мы были счастливы!

– Да! – проговорил Пенкроф. – Это был истинно честный и хороший человек!

– Был?.. – произнес Герберт. – Разве ты не рассчитываешь его увидеть?

– Боже сохрани! Рассчитываю!.. – ответил моряк.

Между тем работа быстро подвигалась к концу, и Пенкроф был очень доволен.

– Ну, – говорил он, – теперь наши друзья могут вернуться. Их ждет уютное помещение.

Оставалось еще устроить печь и приготовить обед.

Дело, в сущности, простое и легкое. В глубине первого левого коридора «Труб», у самого отверстия уже устроенного небольшого очага, были выложены широкие плоские камни, выбранные из обвалов скалистого берега. Это делалось для того, чтобы дым не уносил тепло наружу и в самих «Трубах» можно было постоянно поддерживать нужную температуру. В одной из комнат был свален порядочный запас всякого хвороста и дров, и моряк уже уложил на камнях очага несколько небольших поленьев попеременно с мелкими сухими ветками.

В то время как Пенкроф занимался укладкой топлива, Герберт спросил, есть ли у него спички.

– Разумеется, есть, – ответил Пенкроф, – и прибавлю: к счастью, есть, потому что без спичек и без трута мы пропадем.

– Отчего? Разве нельзя добыть огонь по способу дикарей, – сказал Герберт, – посредством трения одного куска сухого дерева о другой?

– Ну, на это плохая надежда! Попробуй-ка сам, только сотрешь себе ладони и увидишь, что это вовсе не так легко.

– Однако этот способ весьма прост и часто используется на островах Тихого океана.

– Я не спорю, – ответил Пенкроф, – но дикари, надо полагать, умеют за это взяться или же выбирают какое-нибудь особенное дерево, потому что я не раз пытался добыть огонь таким способом и у меня ровно ничего не получалось. А потому я, признаюсь, предпочитаю спички. Да где же они?

Пенкроф стал искать в жилете спичечницу, которую постоянно носил при себе как отчаянный курильщик, но ее там не оказалось.

Моряк обшарил карманы панталон и, к величайшему изумлению, не нашел и в них коробки со спичками.

– Вот глупость! Больше чем глупость! – сказал он, глядя на Герберта. – Спичечница выпала из кармана, я ее потерял! А у тебя, Герберт, разве нет огнива или чего-нибудь для добывания огня?

– Нет, Пенкроф!

Моряк с досады почесал лоб и вышел из «Труб» в сопровождении Герберта.

Они с величайшим вниманием шарили в песке, на утесах, где собирали дрова, на берегу маленькой речки, но напрасно. Спичечница была медная и не сразу бросалась в глаза.

– Пенкроф, – сказал Герберт, – не выкинул ли ты свою спичечницу из корзины, когда мы всё бросали в море?

– Нет-нет, не выкидывал, – ответил моряк. – Впрочем, потом нас так потрянуло, что такая маленькая вещь очень легко могла выпасть из кармана. Ведь выпала же трубка! Проклятая спичечница! Где она может быть?

– Знаешь что, – сказал Герберт, – теперь вода спала, пойдем поскорее к тому месту, где нас выбросило на берег.

Едва ли можно было отыскать маленькую спичечницу, которую во время прилива могло отнести куда-нибудь в сторону и забить между камешками. Однако не мешало попытать счастья. Пенкроф и Герберт, не теряя ни минуты, быстро направились на оконечность той самой косы, где их выбросило на твердую землю. Это место находилось на расстоянии пары сотен шагов от «Труб».

Там они самым тщательным образом осмотрели все камушки, щели и трещины скалистого берега. Но безуспешно. Если бы спичечница и упала в этом месте, ее могло далеко отнести сильным прибоем морских волн. По мере того как вода отступала, моряк обыскивал все проходы между скал, но ничего не мог найти.

Это была тяжелая и непоправимая потеря.

Пенкроф не мог скрыть беспокойства. Он морщил лоб, на лице у него выступили капли пота. Он не произносил ни единого слова. Герберт хотел его утешить, заявив, что спички, весьма вероятно, уже давно размокли в морской воде и что, стало быть, все равно уже воспользоваться ими будет нельзя.

– Нет, – ответил Пенкроф. – Они лежали в медной спичечнице, которая очень плотно закрывалась, так что вода попасть внутрь не могла. Но как, в самом деле, нам теперь быть?

– Найдем какое-нибудь средство добыть огонь, – сказал Герберт. – Смит или Спилетт, вероятно, выручат нас.

– Да, – ответил Пенкроф, – но до того времени мы все-таки останемся без огня и встретим товарищей самым скудным обедом!

– Неужели ни у кого из них не найдется ни огнива, ни спичек? – воскликнул Герберт.

– Сомневаюсь, – ответил моряк, покачивая головой. – Во-первых, Наб и мистер Смит не курят. Что же касается корреспондента Спилетта, то он скорее сберег свою записную книжку, чем коробку со спичками...

Герберт ничего не ответил. Потеря спичечницы, очевидно, очень его тревожила, но мальчик все-таки не терял надежды тем или другим способом добыть огонь. Пенкроф, человек более опытный, думал об этом иначе. Во всяком случае, он решил, что остается одно: ждать возвращения Наба и Спилетта.

Приходилось поневоле отказаться от крутых яиц, которые он рассчитывал сварить; обед же из сырого мяса не представлял ничего приятного.

На обратном пути моряк и Герберт, на тот случай, если огня решительно неоткуда будет добыть, запаслись ракушками и молча направились к «Трубам».

Моряк все еще не терял надежды найти пропавшую спичечницу, и в продолжение всей ходьбы глаза его не отрывались от земли. Он прошел даже левый берег реки, начиная с устья

и до поворота, где был привязан плот. Он взбирался на верхнюю площадку, забегал во все стороны, искал в высоких травах на лесной опушке – все тщетно.

Было уже пять часов вечера, когда Герберт и Пенкроф вошли в «Трубы». Незачем прибавлять, что даже самые темные углы ходов были тщательно обысканы, и надо было окончательно отказаться от дальнейших поисков.

Около шести, когда исчезали последние солнечные лучи за западной возвышенностью, Герберт, ходивший взад и вперед по песчаному берегу, известил моряка о возвращении Наба и Спилетта.

Их было только двое!..

У Герберта болезненно забилося сердце. Моряк не ошибся в своих предсказаниях... Смирта не удалось найти.

Гедеон Спилетт, подойдя к товарищам, сел на скалу, не произнеся ни единого слова. Изнуренный продолжительной ходьбой и мучимый голодом, он не имел сил заговорить.

Что касается Наба, то его покрасневшие глаза показывали, сколько он плакал, а слезы, снова полившиеся из его глаз при вопросе о Смите, слишком ясно свидетельствовали, что у него не осталось ни малейшей надежды...

Между тем Спилетт, немного отдохнув, начал рассказывать о ходе поисков.

Они с Набом прошли вдоль берега больше восьми миль, и следовательно, гораздо дальше того места, где пропали инженер и его пес. Никакого следа! На всей этой прибрежной полосе нельзя было найти ни свежавывернутого булыжника, ни какого-нибудь знака или черты на песке, ни отпечатка ботинка. По всему было видно, что на этот берег не ступал еще ни один человек. Море представляло собой такую же пустыню, как и берег. Там, в нескольких сотнях футов от берега, Смит, вероятно, и нашел могилу.

В эту минуту Наб встал и голосом, показывавшим, как много еще у него сохранилось надежды, закричал:

– Нет! Нет! Он не умер! Нет! Это неправда! Он умер? Полноте! Я или другой кто-нибудь, может быть! Но он! Никогда! Этот человек может одолеть любую опасность!.. – Затем, как бы вдруг ослабев, негр прошептал: – Ах! Я не могу больше думать об этом!

Герберт подбежал к нему.

– Наб, – сказал мальчик, – не отчаивайтесь, мы найдем его. Успокойтесь! Съешьте чего-нибудь, ведь вы голодны! Пожалуйста, умоляю вас!

И с этими словами Герберт подал несчастному негру несколько пригоршней ракушек.

Наб уже не ел несколько часов, но он отказался. Потеряв своего господина, он не мог или не хотел больше жить на свете.

Что касается Спилетта, то он с большим аппетитом истреблял этих моллюсков, затем растянулся на песке у подножия скалы. Он совершенно изнемог от усталости, но был спокоен.

– Господин Спилетт, – сказал Герберт, обращаясь к корреспонденту и взяв его за руку, – мы здесь нашли помещение, где вы можете устроиться лучше, чем тут. Уже наступает ночь. Пойдите отдохнуть немного! Завтра мы увидим...

Спилетт встал и в сопровождении мальчика направился к «Трубам».

В эту минуту Пенкроф подошел к корреспонденту и самым спокойным тоном спросил, не завалилась ли у него как-нибудь случайно спичка.

Спилетт остановился, поискал у себя в карманах и, не найдя ничего, сказал:

– У меня были, но ведь я все выкинул...

Тогда моряк позвал Наба и задал ему тот же вопрос. Но и у негра спичек не оказалось.

– Проклятие! – воскликнул моряк, не будучи уже в состоянии долгие сдерживать своей досады.

Спилетт услышал это и подошел к Пенкрофу.

– Нет ни единой спички? – спросил корреспондент.

– Да, и, стало быть, мы будем без огня...

– Ах! – воскликнул Наб. – Если бы здесь был мой господин! Он бы научил нас, что делать! Все четверо словно замерли на месте. Они не решались даже глядеть друг на друга.

Герберт первый прервал молчание.

– Мистер Спилетт, – сказал мальчик, – ведь вы курите, вы всегда носите при себе спички! Может, вы плохо искали? Посмотрите еще в карманах! Одна спичка может нас спасти!

Корреспондент, не говоря ни слова, снова принялся тщательно шарить во всех карманах своих панталон, жилета, пальто и, к великой радости Пенкрофа, а также к чрезвычайному своему изумлению, почувствовал какую-то деревянную палочку, забившуюся за подкладку жилета. Он через материю держал пальцами маленький кусочек дерева, но не знал, как его оттуда вытащить. Это наверняка была спичка, и вытаскивать ее надо было крайне осторожно, чтобы как-нибудь нечаянно не отломить фосфорной головки.

– Позвольте мне это сделать! – сказал Герберт.

И мальчик с большой ловкостью, осторожно вытащил этот маленький кусочек дерева, эту крошечную и вместе с тем драгоценную безделицу, которая имела для несчастных такое важное значение. Спичка была совершенно цела...

– Спичка! Спичка! – закричал Пенкроф. – О! Это для нас теперь лучше всякого клада!

Он взял спичку и в сопровождении товарищей вошел в «Трубы».

С этим маленьким кусочком дерева, который в обитаемых землях изводится с таким равнодушием целыми сотнями, надо было при настоящих обстоятельствах обращаться с величайшей осторожностью.

Моряк прежде всего удостоверился, что спичка совсем сухая. Затем он сказал:

– Мне нужна бумага.

– Вот бумага, – сказал Гедеон Спилетт, подавая вырванный не без некоторого колебания листок из записной книжки.

Пенкроф взял бумагу и присел на корточки. Затем он под кучу хвороста подложил несколько охапок травы, листьев и сухого мха и устроил все таким образом, чтобы воздух мог свободно притекать снизу и сухое дерево могло быстро воспламениться.

Далее Пенкроф свернул бумажный листок конусом, как это делают курители трубки во время сильного ветра, и воткнул ее в середину мха. Затем он взял шершавый камешек и не без замиранья сердца тихо чиркнул спичкой, задержав дыхание.

Первое соприкосновение не произвело на фосфор никакого действия. Пенкроф не имел духу чиркнуть сильнее, боясь отломить головку спички.

– Нет, не могу! – воскликнул он. – У меня дрожит рука... Спичка не загорается... Не могу... И не хочу!..

И моряк поднялся и передал спичку Герберту.

Разумеется, мальчику ни разу в своей жизни не приходилось так сильно волноваться, как теперь. Должно быть, так же волновался Прометей, намереваясь похитить огонь у богов. Однако, преодолев колебания, Герберт быстро чиркнул спичкой о шероховатый камень.

Послышался слабый треск, и фосфор вспыхнул голубоватым пламенем, распространяя острый дым. Герберт тихо повернул спичку, чтобы увеличить пламя, и затем всунул ее в бумажную трубочку.

В несколько секунд загорелась бумага, а за ней тотчас же вспыхнули мох и вся растопка.

Через несколько минут затрещали сухие ветки и веселое пламя ярко засверкало среди мрака коридоров.

– Ну, – воскликнул Пенкроф, отходя от огня, – никогда еще на своем веку я не испытывал такого волнения!

Огонь пылал все ярче. Дым свободно выходил через узкую отдушину. Сильной тягой мало-помалу уносило сырость, и в «Трубах» начала распространяться приятная теплота.

Надо было позаботиться о том, как сберечь драгоценный огонь; следовало сохранить в золе несколько горячих угольков.

Но это, разумеется, было уже не столь трудно. Стоило только внимательно присматривать, так как в дровах недостатка не было и запасы топлива можно было возобновлять заблаговременно.

Пенкроф, конечно, прежде всего воспользовался огнем для приготовления ужина более питательного, чем моллюски. Герберт принес две дюжины яиц.

Спилетт, прислонившись в углу, молча глядел на все эти приготовления.

Жив ли еще Смит? Если жив, то где он теперь? Если уцелел после своего падения, каким образом объяснить, что он до сих пор не нашел средства уведомить об этом своих товарищей? Вот какие мысли мучили корреспондента.

Что касается Наба, то он бесцельно шатался взад и вперед по плоскому песчаному берегу.

Пенкроф, умевший готовить пятьдесят два кушанья из яиц, не мог теперь во всем блеске показать свое искусство; ему приходилось довольствоваться самым простым способом: положить их в горячую золу и испечь на медленном огне.

Через несколько минут яйца были готовы, и моряк предложил Спилетту отведать его стряпню.

Таков был первый ужин на неведомой земле.

Печеные яйца были превосходны, а так как яйцо содержит вещества, самые необходимые для питания человека, то все совершенно достаточно подкрепили свои силы.

Ах, если бы возвратился тот, кого не хватало теперь среди них! Если б все пятеро пленников, бежавших из Ричмонда, собрались сейчас вместе, в этом закутке среди скал, у ярко горевшего костра, на сухом песчаном полу, они от души возблагодарили бы Небо. Но увы! Среди них не было Сайреса Смита, изобретательного и предприимчивого ученого, признанного их главы, — он погиб, и они даже не могли предать земле его прах.

Прошел день 25 марта. Наступила ночь. Между скал и утесов завывал сильный ветер, и слышался монотонный прибой у берега. Небольшие голыши, гонимые взад и вперед морскими волнами, перекачивались с оглушительным шумом.

Корреспондент, записав в книжку последовательно все происшествия дня, а именно: появление новой земли, исчезновение инженера, разведку на берегу, волнения по поводу спички и прочее, — забрался в темный угол галереи и, изможденный и усталый после долгих поисков, уснул.

Герберт тоже очень скоро погрузился в сон. Что касается моряка, он то дремал, то просыпался и, так сказать, спал вполглаза, ни на минуту не отходя от огня и то и дело подкладывая новые поленья в тлеющий очаг.

Только один из спасшихся беглецов не хотел отдохнуть в «Трубах». То был несчастный Наб, который, несмотря на все просьбы товарищей, всю ночь блуждал по берегу, призывая своего господина.

VI. Охота

С наступлением утра начали осматривать уцелевшее имущество.

Оказалось, что, кроме одежды, которая на них была в момент катастрофы, ровно ничего не осталось.

Правда, у Спилетта случайно уцелели записная книжка и карманные часы, но больше ничего – ни ружья, никакого инструмента, ни даже перочинного ножика.

Робинзон Крузо и Швейцарский Робинзон⁹ – герои Дефо и Висса – точно так же, как Селькирк и Рейналь¹⁰, выкинутые при Хуан-Фернандесе или близ Оклендского архипелага, никогда не находились в такой абсолютной бедности. Они обыкновенно получали хоть какую-нибудь поддержку со своего корабля, севшего на мель, или в виде семян, или в виде рогатого скота, или в виде каких-нибудь орудий, запасов, или, если корабль разбивался, море приносило им обломки и разные вещи с этого корабля.

Отважным же американцам, потерпевшим крушение в воздухе, неоткуда было ждать поддержки. С пустыми руками приходилось до всего доходить и только благословлять Небо, что под ногами была твердая земля!

Да, если бы Смит был вместе с ними, если бы этот инженер, с его изобретательным умом и со всеми своими практическими познаниями, находился тут, быть может, положение их не было бы таким отчаянным. Но увы! Они не рассчитывали увидеть когда-нибудь Сайреса Смита и должны были до всего доходить сами.

Прежде чем обосноваться в этой части берега, следовало разведать, что это за земля: принадлежит ли она к какому-нибудь континенту, живет ли кто там, или это всего лишь берег какого-нибудь пустынного острова.

По мнению Пенкрофа, удобнее было отложить на несколько дней такие изыскания. Надо было заготовить съестных припасов и добыть более удобоваримой пищи, чем яйца и ракушки. Исследователи, которым предстояло столько лишений, должны были прежде позаботиться о подкреплении физических сил.

«Трубы» на первых порах могли быть довольно сносным убежищем; к тому же в них горел огонь, и поддерживать его вовсе было не трудно, если оставлять постоянно в золе несколько горячих углей. Далее, в скалах и на плоском песчаном берегу не было недостатка в ракушках и яйцах. У берега летали сотни голубей, и надо было только поскорее придумать способ, как изловить их, или же просто пустить в ход палки и камни. В соседнем лесу, быть может, росли какие-нибудь съедобные плоды. Наконец, пресной воды тоже было вдоволь.

Все решили остаться на несколько дней в «Трубах», чтобы подготовиться к экспедиции для исследования прибрежной полосы и окрестностей.

Наб больше других стоял за это решение. У него были свои соображения и предчувствия, и он вовсе не стремился покинуть тот берег, где так недавно разыгралась столь страшная катастрофа.

Ему казалось просто невозможным, чтобы такой человек погиб столь нелепой смертью, чтобы волна смыла его и он утонул так близко от берега! Нет, пока море не выбросит на берег тело Сайреса Смита и пока он, Наб, собственными глазами не увидит его, не потрогает, он не поверит в гибель хозяина! В сердце Наба не угасала надежда. Быть может, он сам убедил себя в этом, но такой самообман был достоин уважения, и Пенкроф не решался противоречить Набу. Сам же он был уверен, что инженер Сайрес Смит нашел себе могилу в морской пучине,

⁹ Имеется в виду герой романа Йохана Висса «Швейцарский Робинзон», где рассказывается о швейцарской семье, пережившей кораблекрушение и обживающей необитаемый остров. Эту книгу Жюль Верн любил с детства.

¹⁰ Селькирк и Рейналь – реальные люди, подолгу жившие в одиночестве на пустынном острове.

но с Набом, конечно, спорить было бесполезно. В своей привязанности к Сайресу Смиту он был подобен верному псу, который не может покинуть место, где умер хозяин, он настолько погрузился в скорбные переживания, что вряд ли был в силах перенести утрату.

Утром 26 марта Наб с первыми лучами солнца направился на север и снова стал осматривать то место, где пропал несчастный Смит.

Завтрак в этот день состоял исключительно из голубиных яиц и морских моллюсков. Герберт недалеко от «Труб», в углублении утеса, отыскал соль, осевшую вследствие испарения морской воды, и такая находка была теперь как нельзя более кстати.

После завтрака Пенкроф спросил корреспондента, не хочет ли он отправиться в лес, куда они вместе с Гербертом уже собрались, рассчитывая добыть там какой-нибудь дичи. Но все трое после нескольких минут размышления решили, что одному надо остаться дома – во-первых, чтобы поддерживать огонь, а во-вторых, присматривать за Набом, чтобы в случае нужды оказать ему помощь.

Итак, Спилетт остался.

– Ну, пойдем на охоту, Герберт! – сказал моряк. – Охотничьи припасы мы наберем по дороге, а ружье вырубим в лесу.

Но в ту самую минуту, как они уже совсем собрались в путь, Герберт заметил, что трут весь вышел, и сказал моряку, что надо его чем-нибудь заменить.

– Чем заменить? – спросил Пенкроф.

– Какой-нибудь жженой тряпкой, – ответил мальчик. – В случае нужды и этим можно заменить трут.

Моряк согласился с Гербертом. Единственным неудобством было то, что приходилось пожертвовать куском платка. Однако дело того стоило, и они подпалили большой клетчатый платок Пенкрофа. Эту тряпку оставили в центральной комнате, в небольшом углублении утеса, куда не могли проникнуть ни ветер, ни сырость.

Было уже девять часов утра. Погода, видимо, должна была перемениться к худшему: дул юго-восточный береговой ветер. Герберт и Пенкроф, бросив последний взгляд на струйку дыма, вырывающуюся из вершины утеса, стали подыматься по левому берегу реки.

Войдя в лес, Пенкроф на первом же дереве сломал две довольно толстые ветки, которые должны были послужить охотникам дубинами; Герберт постарался обточить их концы. Чего бы они не отдали за какой-нибудь нож!

Затем охотники пошли далее по высоким травам, следуя вдоль берега. За поворотом на юго-запад река мало-помалу сузилась, над тесным руслом нависали густые деревья.

Чтобы не сбиться с дороги, Пенкроф решил не уходить далеко от речки, которая всегда могла привести их обратно к тому месту, откуда они вышли. Но пробираться по берегу было очень трудно: на каждом шагу попадались гибкие ветви деревьев, нагнувшиеся к самой воде; всюду торчали лианы и колючки кустарников, которые беспрестанно приходилось сбивать палками. Герберт то и дело с проворством молодой кошки проскальзывал промеж сухих, изломанных пней и часто надолго пропадал в лесной чаще. Но Пенкроф всякий раз окликал его и просил далеко не отходить.

Моряк между тем с большим вниманием вглядывался в рельеф незнакомой местности. Довольно пологий левый берег едва заметно становился выше. В иных местах почва была влажная и болотистая. Чувствовалось, что под ней находится целая сеть маленьких ручейков, которые вливались в реку. В иных местах речушка протекала среди лесной чащи. Противоположный берег был более высокий и неровный, его изгибы вторили очертаниям ложбины, по которой пролегалo русло реки; холм, поросший роскошными деревьями, расположенными по его уступам, образовал род занавеса, за которым скрывалась даль. По этому берегу было еще труднее идти, потому что рельеф там был значительно круче и деревья, совсем склонившиеся над водой, держались только благодаря толстым и здоровым корням.

Не стоит повторять, что этот лес, а равно и весь берег, обследованный Пенкрофом и его спутниками, не посещало еще ни одно человеческое существо. Пенкроф лишь изредка замечал следы зверей, породы которых он не мог определить. По мнению Герберта, следы эти, вероятнее всего, принадлежали какому-нибудь страшному зверю, которых, несомненно, тут было очень много. Но не было ни зарубок на древесных стволах, ни кострищ от погасших костров, ни отпечатка человеческой ноги – словом, ничего, что доказывало бы, что эти земли, лежащие среди Тихого океана, посещал когда-либо человек.

Герберт и Пенкроф, встречая на каждом шагу преграды, молча и весьма медленно продвигались вперед, так что за целый час прошли не больше одной мили.

До сих пор ничто еще не предвещало удачной охоты. Дичи было немного, птицы кое-где пели и порхали под ветками высоких деревьев; при приближении людей они с испугу уже немного подымались со своих мест, словно инстинктивно чуя опасность. В числе прочих пернатых Герберт в болотистой части леса заметил птицу с длинным заостренным клювом, которую по строению тела он принял за зимородка. Но ее оперение было более грубым и имело металлический оттенок.

– Это, должно быть, жакамар, – сказал Герберт, стараясь поближе подойти к птице.

– Удобный случай отведать этого жакамара, – ответил моряк, – но он, кажется, не выкалывает большой охоты попасть на вертел.

В эту самую минуту камень, метко пущенный мальчиком, попал как раз в крыло; но удар был слаб, потому что жакамар обратился в бегство и через минуту совсем пропал из виду.

– Эх, как неудачно! – воскликнул Герберт.

– Ну ничего, дружище, – ответил моряк. – Удар был очень ловок, и птица его не переживет! Не огорчайся, завтра она будет наша.

Исследование продолжалось. По мере того как охотники продвигались вперед, различные деревья казались все великолепнее, но на них еще нигде не было видно ожидаемых съедобных плодов. Пенкроф напрасно искал глазами драгоценные пальмы, которые в Северном полушарии произрастают до сороковой параллели, а в Южном полушарии только до тридцатой, – здешний лес состоял исключительно из хвойных деревьев, похожих на те, какие растут на северо-западном берегу Америки, и громадных елей, вышиной около пятисот пятидесяти футов.

В эту минуту целая стая небольших птиц, с красивыми перьями, с длинным и ярким хвостом, рассыпалась по зеленым ветвям, оставляя на лету нежный пух, который покрыл землю. Герберт поднял несколько пушинок и, внимательно рассмотрев их, сказал:

– Это куруку.

– Ну, я предпочел бы цесарку или глухаря... Можно ли есть этих куруку, вот вопрос...

– Да, конечно можно, – ответил Герберт. – Их мясо даже очень нежно. Если я не ошибаюсь, они близко подпускают и их можно бить просто палкой... Проверим эти сведения на деле!

Тихо крадась по траве, они подходили ближе к тому дереву, нижние ветки которого были сплошь покрыты маленькими птичками. Куруку, сидя на дереве, выслеживали насекомых, составляющих исключительную пищу этих маленьких пернатых. Снизу видно было, как их оперенные лапки крепко обхватывали молодые побеги.

Охотники подползли к самому стволу дерева, выпрямились и, размахивая палками наподобие кос, начали сбивать целые ряды куруку, которые, казалось, вовсе не думали о том, чтобы перелететь повыше, а преспокойно поджидали палочные удары. Когда уже около сотни их лежало на земле, остальные спохватились и улетели.

– Вот дичь, совсем под стать таким охотникам, как мы! – сказал Пенкроф. – Их можно было брать прямо голыми руками!

Моряк нанизал всех убитых птиц, как полевых жаворонков, на гибкий прут, и охотники пошли далее.

В этом месте река слегка заворачивала и таким образом делала крюк к югу, но этот поворот, вероятно, недалеко шел, потому что река брала начало в горе и питалась, конечно, тающими снегами, покрывшими центральную белую вершину.

Главная цель настоящей экскурсии состояла в том, чтобы доставить в «Трубы» возможно больше дичи. До сих пор еще нельзя было сказать, чтобы цель эта была достигнута. Моряк весьма деятельно производил свои поиски и ужасно сердился всякий раз, когда какая-нибудь птица, которую он едва только успевал заметить, пропадала в густой траве.

О, если бы с ним была собака!

Но Топ пропал в одно время со своим господином и, вероятно, с ним же и погиб...

Около трех часов пополудни охотники заметили другую стаю птиц, сидевших на дереве и истреблявших какие-то ароматные ягоды. В лесу вдруг раздался какой-то крик, похожий на звук трубы или рожка. Эти странные пронзительные звуки издавались сидевшими поблизости глухарями.

Скоро прилетело еще несколько пар глухарей, отличавшихся желтовато-коричневым оперением.

Пенкроф решил во что бы то ни стало поймать одного из них, величиной с добрую курицу, но это оказалось делом нелегким. Глухари были чрезвычайно осторожны и не подпускали к себе близко.

После нескольких совершенно безуспешных попыток Пенкроф сказал своему юному спутнику:

– Если нельзя их убить, так попробуем поймать на удочку!

– На удочку?! – с удивлением воскликнул Герберт. – На удочку, как какого-нибудь карпа?

– Да, как карпа, – серьезно отвечал моряк. – Гляди и учись, дружище!

Пенкроф нашел в траве с полдюжины глухариних гнезд – в каждом гнезде по два или по три яйца. Он эти гнезда не тронул и в надежде, что пернатые хозяева не замедлят возвратиться в свои убежища, задумал расставить удочки с крючками. Моряк отвел Герберта подальше от гнезд и принялся за работу.

Герберт хотя и сомневался в успехе предприятия старого товарища, но тем не менее с живейшим интересом следил за всеми приготовлениями.

Удочки были сделаны из тоненьких лиан, достигавших от пятнадцати до двадцати футов длины. Толстые, крепкие шипы с загнутым острием были собраны с кустарника вроде акации и прикреплены вместо крючков. Все это было сделано с ловкостью, достойной ученика Исаака Уолтона¹¹. Что касается приманки, то ею должны были служить большие красные черви, которых немало попадалось в траве.

Закончив приготовления, Пенкроф лег в траву, осторожно прополз до глухариних гнезд, расположил около них свои удочки, затем взял в руку концы лиан и притаился вместе с Гербертом за огромным деревом.

Оба терпеливо ожидали.

Чем далее, тем все более и более сомневался Герберт в успехе остроумной выдумки моряка.

Прошло добрых полчаса.

Наконец глухари, как и предвидел Пенкроф, возвратились к своим гнездам.

Бедные птицы беззаботно прыгали, что-то поклевывали на земле и нисколько не подозревали о присутствии охотников.

¹¹ Исаак Уолтон (1593–1683) – английский писатель, наиболее известен как автор трактата о рыбной ловле «Искусный рыболов» («*The Compleat Angler*»).

Герберт все еще не верил в успех, но начал, однако, волноваться. Он сдерживал дыхание и боялся шевельнуться.

Пенкроф, вытаращив глаза и разинув рот, словно собирался проглотить глухаря живьем, тоже не без волнения следил за прыжками будущей добычи.

Глухари прогуливались между роковыми крючками и не обращали на них ни малейшего внимания.

Пенкроф начал легонько пошевеливать лианами, и насаженные на шипы черви задвигались, как живые.

Это движение тотчас же было замечено глухарями, и они устремились на приманку.

Три глухаря, отличавшиеся особой жадностью, не замедлили проглотить и червей, и крючки.

Пенкроф быстро дернул лианы. Хлопанье крыльями показало ему, что птицы попались на удочки.

– Ура! – воскликнул моряк, кидаясь к добыче. Он без труда схватил глухарей. – Ура!

Герберт захолопал в ладоши.

– В первый раз вижу, как ловят птиц на удочку! – воскликнул мальчик. – Молодец, Пенкроф! Отлично придумал! Вот выдумка так выдумка!

– Это выдумка не моя, дружище, – отвечал скромный моряк, – это выдумано прежде меня. погоди, придет еще и наш черед изобретать!

Глухари были связаны попарно за лапки, и Пенкроф, очень довольный тем, что возвращается не с пустыми руками, отправился с Гербертом в обратный путь.

Следуя вдоль берега реки, они достигли своего приюта около шести часов вечера.

VII. Инженер найден

Спилетт, неподвижно стоя на берегу моря, смотрел на надвигавшиеся с востока тучи. Ветер уже был очень силен и с наступлением вечера все более и более крепчал. Небо имело весьма зловещий вид.

Герберт вошел в «Трубы», а Пенкроф приблизился к Спилетту, который так задумался, что не заметил его приближения.

– Ночь будет бурная, – сказал моряк, – настоящий праздник для буревестников!

Спилетт обернулся, увидел Пенкрофа и спросил:

– Как вы думаете, на каком расстоянии от берега маленького островка волна унесла нашего товарища?

Моряк не ожидал этого вопроса. Он с минуту подумал и ответил:

– Самое большее – в двух кабельтовых.

– Если мы предположим, что товарищ наш погиб, то трудно допустить, чтобы та же участь постигла и Топа. Наконец, если оба они утонули, так почему же не выбросило на берег ни тело Смита, ни труп его собаки?

– Тут удивляться нечего, господин Спилетт, – отвечал моряк. – Море ведь очень бурлило тогда. К тому же заметьте, что течением их могло отнести очень далеко.

– Так вы полагаете, что товарищ наш утонул? – снова спросил Спилетт.

– Да, я полагаю.

– А я другого мнения, – сказал Спилетт. – Я знаю, что вы опытнее меня, Пенкроф, но это исчезновение Смита и Топа представляется мне весьма загадочным!

– Я желал бы усомниться в их гибели, – отвечал моряк, – но, к несчастью, я в ней уверен, твердо уверен!

С этими словами Пенкроф направился к «Трубам».

Очаг пылал; Герберт подкинул охапку сухих сучьев, и яркое пламя осветило темные изгибы коридора.

Пенкроф занялся приготовлением обеда.

Принимая во внимание, до какой степени все утомились и изнурены, моряк отложил в сторону куруку и ошипал двух глухарей, которых насадил на вертел и начал жарить.

Было уже семь часов вечера, а Наб все еще не вернулся.

Это продолжительное отсутствие несколько тревожило Пенкрофа. Он опасался, не постигло ли негра какое-нибудь несчастье на незнакомой земле.

– Край неизвестный, – проговорил моряк, – всего можно ожидать... Кроме того, бедняга в такой кручине, что, пожалуй, еще наложит на себя руки!

Герберт совершенно иначе смотрел на дело. По его мнению, долгое отсутствие негра предвещало только хорошее. Он, вероятно, нашел след пропавшего и с новым усердием продолжал поиски.

– Разве Наб не возвратился бы, если бы потерял всякую надежду? – говорил мальчик. – Он, верно, нашел какой-нибудь след! И пошел по этому следу! Кто знает, может, он уже отыскал Смита и теперь они вместе пробираются к нам!

Спилетт и Пенкроф молча слушали рассуждения Герберта.

Спилетт несколько раз кивнул, как бы в знак согласия. Бравый моряк не шевельнулся. Он был убежден, что Смита найти нельзя, но негр действительно мог далеко зайти и потому запоздать с возвращением.

Герберт, рассуждая о возможности встречи Наба со Смитом, не был, однако, спокоен. Его начало одолевать какое-то тяжелое предчувствие. Он несколько раз вставал со своего места и говорил:

– Не пойти ли мне навстречу Набу?

На что Пенкроф отвечал:

– Это бесполезно, дружище. В такую темь и непогоду ты и в двух шагах не заметишь Наба. Лучше подождать. Если завтра Наб не возвратится, мы вместе отправимся его разыскивать.

Спилетт согласился с мнением моряка. Он еще заметил при этом, что им следует держаться, насколько позволят обстоятельства, вместе, и Герберту пришлось отказаться от своего намерения.

Это так огорчило подростка, что по щекам его скатились две крупные слезы.

Спилетт не мог удержаться, чтобы не поцеловать великодушного мальчика.

Непогода разыгралась. Юго-восточный ветер яростно свирепствовал. Слышно было, как морские волны бились о прибрежные скалы. Дождь лил стенами. Мелкие камни, усеивавшие берег, с громом перекатывались; песок, вздымаемый порывами урагана, смешивался с ливнем. Воздух был наполнен водяной и минеральной пылью. Между устьем реки и отвесом утеса кипел прибой. Дым, вгоняемый бурей обратно в узкое отверстие остроконечной скалы, распространялся по коридору и едва позволял дышать.

Поэтому Пенкроф, как только изжарились глухари, поспешил погасить огонь, сохранив только несколько тлеющих угольев под пеплом.

Дождались и восьми часов, а Наба все еще не было.

Впрочем, теперь можно было предполагать, что разыгравшаяся буря застала его в дороге и он вынужден был искать убежища где-нибудь в расселине скалы или в пещере и там ожидать, когда утихнет непогода или, по крайней мере, настанет рассвет.

Ужин состоял из одних глухарей, но мясо их было превосходного вкуса, и все охотно его ели. Пенкроф и Герберт, изнуренные долгой ходьбой, отличались волчьим аппетитом.

После ужина каждый удалился в уголок, где ночевал в предыдущую ночь, и расположился на покой.

Буря все более и более свирепела.

– Каково гудёт! – проговорил Пенкроф.

– По счастью, наши «Трубы» прочны! – заметил Герберт.

«Трубы» действительно были прочны. То были громадные глыбы гранита.

Однако некоторые из этих громад, казалось, сотрясались. Пенкроф это чувствовал, приложив руку к стене.

«Авось выдержит и не завалится! – думал моряк. – У страха глаза велики, и потому мы теперь всего боимся...»

Утешая себя таким размышлением, моряк прислушивался к раскатам камней, обрывававшихся с вершины плато и падавших на берег.

Несколько каменных обломков с грохотом свалились на «Трубы», разбились о них, и осколки запрыгали по стенам утесов.

Два раза Пенкроф тихонько поднимался со своего места и вскарабкивался к отверстию коридора для наблюдений.

Он убедился, что их убежищу не угрожают обвалы, и, успокоившись, снова улегся.

Герберт давно уснул и, невзирая на вой урагана, спал глубоким сном.

Уснул наконец и Пенкроф, который привык во время своих морских странствий ко всяким бурям и с ними освоился.

Один Спилетт никак не мог успокоиться и сомкнуть глаз.

Его мучили угрызения совести. Он не мог простить себе, что не отправился вместе с Набом на поиски. Он не верил, что Смит утонул, но тот мог подвергнуться опасностям на берегу... Что могло задержать так долго Наба?

Волнуемый этими вопросами, Спилетт вертелся с боку на бок и почти не обращал внимания на ярость урагана. По временам его утомленные веки смыкались, но неотступная тревога тотчас же заставляла его очнуться.

Время шло. Было уже два часа ночи, когда Пенкроф вдруг почувствовал, что его кто-то сильно тербит.

– Что такое? – воскликнул моряк, просыпаясь.

Спилетт, наклонившись над ним, говорил:

– Слушайте, Пенкроф, слушайте!

Моряк прислушался, но ничего не услышал, кроме шума волн и воя ветра.

– Ветер шумит, – сказал он.

– Нет, – отвечал Спилетт, снова прислушиваясь, – нет... мне слышалось...

– Что?

– Собачий лай!

– Собачий лай? – воскликнул моряк, быстро вскакивая со своего места.

– Да, да... лай...

– Невозможно, господин Спилетт, невозможно! – проговорил Пенкроф. – В такую бурю трудно расслышать собачий лай... Вам просто почудилось...

– Не почудилось, Пенкроф! Погодите, погодите!.. Слушайте!.. Слышите?..

Пенкроф начал вслушиваться, и ему показалось, что действительно в минуту затишья донесся отдаленный собачий лай.

– Ну что, слышите? – спросил Спилетт, схватив руку моряка и крепко ее сжав.

– Да... да... – отвечал Пенкроф с величайшим волнением.

– Это Топ! Это лает Топ! – воскликнул Герберт, просыпаясь и вскакивая со своего ложа. – Скорее! Скорее!

Все кинулись к выходу.

Им чрезвычайно трудно было выйти из своего убежища, потому что ветер с силой отбрасывал их назад. Наконец кое-как они выбрались и, ухватившись за выступы утеса, огляделись.

Кругом царствовала совершенная темнота. Море, небо, земля – все сливалось в один непроницаемый мрак.

В продолжение нескольких минут Спилетт и его товарищи не могли двинуться с места; дождь поливал их немилосердно, песок ослеплял, ветер чуть не срывал с утеса. Затем, когда снова наступило короткое затишье, они опять услышали отдаленный собачий лай.

– Лай доносится издалека, – проговорил моряк.

– Это Топ! – воскликнул Герберт. – Кому ж тут лаять, кроме Топа, в этом пустынном и необитаемом краю?

– Это так, – сказал Пенкроф, – но чего он лает словно на одном месте? Если бы Наб был с ним, он бы поспешил к нам...

– Может быть, Наб где-нибудь спрятался, пока не утихнет ураган? – заметил Спилетт.

– Погодите! – сказал Пенкроф и юркнул в отверстие, служившее дверью в «Трубы».

Менее чем через минуту моряк возвратился с зажженным сосновым суком в руках.

– Подадим сигнал! – сказал он.

И, подняв зажженный сук, начал махать им в воздухе, испуская громкий, пронзительный свист.

Лаявший пес словно ожидал этого сигнала: лай усилился, заметно начал приближаться, и скоро большая собака очутилась около Спилетта и его товарищей, которые поспешили войти в коридор.

Пенкроф кинул охапку сухих сучьев на тлеющие угли, и тотчас же вспыхнул яркий огонь.

– Это Топ! – воскликнул Герберт.

Да, это действительно был Топ, превосходный экземпляр породы англо-нормандских гончих, отличавшийся изумительным чутьем, удивительной быстротой бега и необычайной неутомимостью.

Но собака прибежала одна. Ее не сопровождал ни хозяин, ни Наб!

Каким же образом Топ очутился на дороге к их убежищу?

– Каким бы чутьем его ни наделила природа, он не мог почуять нас за сто миль, например, или даже за двадцать, – сказал Спилетт.

– В самом деле, почему он направился именно к «Трубам»? – ответил Пенкроф. – Чутье, да еще в такую темь и бурю, не могло тут помочь!

– И заметьте, что Топ на вид вовсе не изнурен и даже не испачкан тиной... На нем нет ни песчинки, ни пятнышка! – заметил Герберт.

Он привлек собаку к себе и взял ее голову в обе руки.

Топ благосклонно позволил эту вольность и ласково потерся мордой о колени мальчика.

– Если собака нашлась, то найдется и ее хозяин! – сказал Спилетт.

– О, если бы он нашелся! – воскликнул Герберт. – Пойдемте же искать! Скорее! Скорее! Топ нас проводит!

Пенкроф не стал выдвигать возражений. Он понимал, что предположения о гибели Смита могли оказаться ошибочными.

– В путь! – скомандовал моряк.

Перед отправлением на поиски он погасил огонь и тщательно присыпал горячие угли пеплом.

Топ, издавая отрывистый тихий лай, как бы торопивший в дорогу, прежде всех кинулся к выходу. За Топом последовали Герберт и остальные.

– Я на всякий случай захватил с собой, что осталось от ужина, – сказал моряк, с величайшим трудом пробираясь по утесу.

Ярость урагана достигла высочайшей степени. Ни малейшего просвета не было на темном небе.

– Экая темь! – проговорил Пенкроф. – Поди-ка найди тут дорогу!

– Мне кажется, самое лучшее будет следовать за Топом, – сказал Спилетт.

Так и сделали. Вперед побежала собака, за ней последовали Спилетт и Герберт, а позади всех моряк.

По пути разговаривать не было возможности. Дождь уже утих, но ураган свирепствовал с прежней яростью.

К счастью для наших путников, ветер дул в спину и песок, вздымаемый вихрем, не забивал им глаза. Они шли даже быстрее, чем желали, потому что их подгоняло ветром.

Надежда найти пропавшего товарища удваивала их силы. Они были уверены, что Наб ожидает где-нибудь поблизости и прислал за ними Топа, что Наб около своего господина и зовет их...

Но зачем зовет?

Жив ли еще Сайрес Смит, или требуется только отдать последний долг его останкам?

Обойдя крутой склон, по которому небезопасно было спускаться в темноте, Герберт, Спилетт и Пенкроф остановились, чтобы перевести дух.

Навес утеса защищал их от дождя и ветра, и здесь они могли несколько минут отдохнуть от мучительной ходьбы или, говоря точнее, пятнадцатиминутного бега.

Тут они могли снова разговаривать. Когда Герберт произнес имя Смита, Топ тотчас же потихоньку залаял и завизжал, как бы желая дать понять, что его хозяин был спасен.

– Он жив, Топ, а? – воскликнул Герберт, наклоняясь к верной собаке. – Спасся?

Топ снова залаял, будто подтверждая.

– Пойдем! Пойдем скорее! – воскликнул Герберт. – Они нас ждут!

Снова пустились в путь.

Было уже около половины третьего ночи.

Начинался утренний прилив.

– Теперь новолуние, – сказал моряк, – прилив будет очень сильный, особенно при таком ветре.

Громадные валы с ревом бились о подводные камни и перекатывались через островок. Плоская часть мыса совершенно скрылась под водой.

Как только моряк и его спутники вышли из-за скал, ветер снова погнал их с ужасной силой. Они не шли, а почти бежали, следуя за Топом, который бодро устремился вперед.

Они поднимались к северу; с правой стороны с оглушительным шумом разбивались волны, а с левой лежала незнакомая земля, окутанная непроницаемым мраком.

К четырем часам утра они прошли, по их расчету, около пяти миль.

Тучи несколько рассеялись, дождь перестал, но порывы ветра стали холоднее.

Пенкроф, Герберт и Спилетт, плохо защищаемые от холода промокшим легким платьем, дрожали, как в лихорадке, но ни у кого из них не вырвалось ни единой жалобы.

Они решили во что бы то ни стало следовать за Топом и достигнуть места, куда вело их умное животное.

Около пяти начало светать. На востоке в вышине, где тучи сгрудились не так плотно, обозначилась светлая полоса. Пенистые гребни волн окрасились желтоватым цветом. Края облаков стали жемчужно-серыми, а вскоре ниже, под темной плотной полосой тумана, высветился морской горизонт. По воде пробежали тусклые блики, и гребни волн опять стали белыми. Слева начали проступать очертания береговой линии.

В шесть часов рассвело.

Тучи с необычайной быстротой неслись по небу.

Моряк и его спутники в это время находились уже милях в шести от своего убежища.

Они пробирались теперь по очень плоскому берегу, защищенному от моря рядом скал, которые прилив покрыл до самых вершин. Земля, видневшаяся слева, усеянная песчаными холмами, поросшими волчецом, представляла дикую пустошь. Там и сям возвышались редкие деревья. Далеко позади, на юго-западе, виднелась опушка леса.

– Топ чего-то вдруг начал волноваться! – сказал Герберт.

Действительно, собака бросалась то вперед, то назад, подбегала то к Герберту, то к Спилетту, то к моряку, словно приглашая их ускорить шаг.

– Топ поворачивает! – снова вскричал Герберт.

В самом деле, Топ повернул от берега и пустился бежать между песчаных холмов.

– За ним! За ним! – воскликнул Герберт, спеша за псом.

Местность казалась совершенно необитаемой.

Песчаные холмы, окруженные бесчисленным множеством прихотливо разбросанных холмиков, представляли собой нечто вроде песчаного лабиринта, по которому можно было пробираться только с чутьем Топы.

Пройдя еще минут пять, Спилетт и его товарищи очутились против углубления, вырытого в песчаном холме.

Топ остановился и громко залаял...

– Сюда! Сюда! – воскликнул Герберт, бросаясь в пещеру.

Спилетт и Пенкроф последовали за мальчиком.

В пещере был Наб. Он стоял на коленях около тела, распростертого на ложе из сухой травы! То был Сайрес Смит...

VIII. Возвращение домой

Наб не шевельнулся.

Моряк крикнул ему:

– Жив?

Наб не отвечал.

Спилетт и Пенкроф побледнели. Герберт в ужасе стиснул руки, не смея двинуться с места.

Бедный негр, поглощенный горем, не видал, как вошли товарищи, и не слышал вопроса моряка.

Спилетт стал на колени около безжизненного тела, приложил ухо к груди инженера и стал прислушиваться, бьется ли у него сердце.

Наб приподнял голову и посмотрел на всех невидящим взглядом.

Отчаяние не могло больше изменить лицо человека. Наб был неузнаваем.

Он думал, что господин его умер.

Спилетт поднялся и крикнул:

– Он жив!

Пенкроф, в свою очередь, опустился на колени около Смита и тоже приложил ухо к его груди.

– Что? – прошептал Герберт.

– Дышит, – ответил моряк.

– Где бы достать воды? – спросил Спилетт.

Герберт кинулся на поиски.

В сотне шагов он нашел прозрачный ручей.

Но чем зачерпнуть воды? Мальчик намочил свой носовой платок и бегом возвратился в пещеру.

Спилетт приложил смоченный платок к лицу инженера, и это тотчас же произвело благотворное действие; глубокий вздох вырвался из груди Смита, и губы его пошевелились, словно он хотел что-то сказать.

– Мы его спасем! – проговорил Спилетт.

Эти слова словно воскресили Наба. Он вскочил и быстро, но бережно раздел своего господина, чтобы осмотреть, нет ли где раны.

Не только раны – не было даже ушиба, даже на руках не было ни единой царапины. Было просто невероятно, что на теле утопавшего не осталось никаких следов борьбы со стихией, когда Смиту пришлось преодолеть линию рифов.

– Это удивительно! – сказал Спилетт. – Хоть бы одна ссадинка! А ведь он должен был перебираться вплавь через подводные камни.

– Через целую каменную гряду! – прибавил моряк.

– Это выяснится после, – сказал Спилетт. – Когда Смит поправится, он нам расскажет все свои приключения. Теперь надо постараться привести его в чувство. Давайте его растирать.

– Чем? – спросил Герберт.

– А вот моей курткой, – сказал моряк.

Растирание очень скоро оказало воздействие. Инженер пошевелил руками и начал дышать ровнее.

Смит лишился чувств от потери сил и истощения, и, не явись вовремя Спилетт с Пенкрофом и Гербертом, он бы, наверное, погиб.

– Вы вообразили, что господин ваш мертв? – спросил у Наба моряк.

– Да! Я был уверен, что он мертв! Если бы Топ вас не нашел, если бы вы сюда не пришли, я похоронил бы его, а потом сам бы умер на его могиле!

– Вот уж действительно можно сказать, что жизнь вашего господина висела на волоске! Наб, расскажите-ка теперь, как вы его нашли.

Тогда Наб рассказал все подробно и по порядку.

Накануне, покинув «Трубы», он двинулся по берегу в северо-западном направлении и достиг участка, который уже обследовал прежде.

– У меня, признаюсь, не было уже никакой надежды, – говорил негр, – но я все еще не мог уйти и бродил между скал, все искал следы на песке. Я знал, что прилив стирает все следы, и потому искал выше, куда волны не доходят. Я не думал, что господин мой жив. Я хотел только найти его тело и своими руками предать его земле.

Я долго искал, но все поиски остались безуспешны. Берег был такой пустынный и дикий, что сюда отроду, казалось, не заходил человек. Миллионы ракушек, которыми был усеян берег, все до одной были целехоньки. На всем пространстве, куда ни глянь, не было видно никаких признаков, что когда-нибудь кто-либо приставал в этих местах.

Я решил подняться на несколько миль выше; я думал, что, может, течением тело занесло куда-нибудь дальше. Когда труп плавает на небольшом расстоянии от пологого берега, то волны почти всегда рано или поздно выбрасывают его на берег... Я это знал и хотел увидеть в последний раз своего господина.

Я прошел еще мили две вдоль берега, осмотрел во время отлива всю цепь подводных скал, а когда начался прилив – всю высокую часть, ничего не нашел и уж совсем отчаялся... Было уже около пяти часов вечера. Вдруг я заметил следы на песке...

– Следы? – воскликнул Пенкроф.

– Да, – отвечал Наб.

– И эти следы начинались у самых подводных скал? – спросил Спилетт.

– Нет, они начинались с того места, куда прилив не доходит, а около подводных скал их, верно, смыло волнами. Когда я увидел эти следы, – продолжал Наб, – я чуть не сошел с ума! Они были очень отчетливы и вели прямо к песчаным холмам. Я кинулся в этом направлении. Я то бежал, то двигался едва не на цыпочках... боялся как-нибудь сбиться со следа или стереть эти отпечатки. Не прошло и пяти минут, как наступила темнота, но я услышал лай собаки. Это был Топ, и он привел меня в эту пещеру, где лежал мой господин!

Я бросился к телу, прислушивался, бьется ли еще сердце... Мне показалось, что уж все кончено! Я думал, что мне остается только похоронить его и самому умереть на его могиле.

И тут мне пришло в голову, что, может, и вы все пожелаете с ним в последний раз проститься. Я подумал: вдруг Топ сможет вас отыскать и привести сюда. Я подозвал его, несколько раз повторил ему имя Спилетта, которого он знает лучше других наших спутников, указал ему на юг, и Топ кинулся в ту сторону.

Я недаром положился на собаку: она отыскала вас и привела сюда.

Все выслушали рассказ Наба с величайшим вниманием.

– Одно удивительно... – сказал Спилетт.

– Что? – спросил Герберт.

– Ведь Смит должен был бороться с волнами, пока перебирался через подводные камни, а между тем на его теле нет ни единой царапинки! – отвечал Спилетт.

– Удивительно еще и то, – заметил Пенкроф, – как мог он попасть в эту пещеру. Ведь от берега будет добрая миля, а то и больше!

– Я сначала думал, что Наб перенес его сюда, – сказал Спилетт. – Ведь ты не переносил?

– Нет, не переносил, – отвечал негр.

– Ты, может, забыл?

– Нет, я хорошо помню все как было.

– Значит, Смит сам сюда добрался, – сказал Пенкроф.

– Очевидно, – отвечал Спилетт, – но невероятно!

– Когда он поправится, он нам все это объяснит, – сказал Герберт. – Он скоро очнется; растирание очень помогло! Смотрите! Смотрите! Он опять пошевелил руками!

– Дыхание почти ровное, – сказал Спилетт. – Тсс! Он что-то проговорил...

– У него вырвался стон!

Наб наклонился над своим господином и назвал его несколько раз по имени.

Но Смит не слышал верного слуги. Глаза его были еще закрыты. Жизнь возвратилась, но он еще не пришел в сознание.

– Экая досада, что нет огня и негде его достать! – сказал Пенкроф. – Я совсем упустил из виду, что огонь может нам понадобиться, не то бы захватил с собой жженую тряпку. Здесь вдоволь кремней – сейчас можно было бы развести какой угодно костер! У вас в карманах ничего не найдется, господин Спилетт?

– Ничего, – отвечал тот, обшаривая свои карманы, – ничего, кроме часов. Надо, значит, как можно скорее перенести Смита в «Трубы».

Все с этим согласились.

Смит приходил в чувство быстрее, чем ожидали. Вода, которой смачивали ему губы, заметно его оживляла. Пенкрофу пришла мысль вместе с водой вливать ему в рот сок, выжатый из мяса глухарей, которых он с собой захватил на всякий случай. Герберт сбегал на берег и принес две большие двустворчатые раковины.

– Давай сюда, мы составим ему микстуру! – сказал бравый моряк.

Он действительно составил нечто вроде микстуры, которую начал осторожно, по капле, вливать в рот инженера.

– Смотрите! Смотрите! – вскричал Герберт. – Он глотает!

Смит открыл глаза.

Наб и Спилетт наклонились над ним.

– Господин! Господин! – воскликнул Наб.

Смит его услышал. Он узнал Наба и Спилетта, потом Герберта и Пенкрофа и слабой рукой пожал их руки.

Из его уст вырвалось несколько слов – несколько слов, которые прежде он уже произносил невнятно и которые показывали, какие мысли его заботили. На этот раз эти слова были понятны.

– Остров или материк? – проговорил он.

– Есть о чем заботиться! – воскликнул моряк. – Лишь бы вы были живы, господин Смит, а остальное нам все нипочем! Кто его знает, остров это или континент? Потом увидим!

Смит сделал утвердительный знак и уснул.

– Пусть он спит, это отлично! – сказал Спилетт. – А мы пока придумаем, как его перенести отсюда в наши «Трубы».

– А вот мы пойдем посмотрим, не найдется ли чего, чтобы соорудить носилки, – сказал моряк.

С этими словами он вышел из пещеры в сопровождении Наба и Герберта, и все вместе отправились к высокому песчаному холму, увенчанному несколькими чахлыми, низкими деревцами.

По дороге Пенкроф не переставал повторять:

– Остров или материк! Заботиться об этом, когда душа чуть держится в теле... Что за человек!

Достигнув вершины песчаного холма, Пенкроф осмотрелся и сказал:

– Вот это деревцо годится нам на носилки. Не жалейте рук, молодцы, на инструменты надеяться нечего!

Все ревностно принялись за дело.

Они быстро обломали ветви с сосны, побитой ветром, сплели из ветвей носилки и устлали их листьями и травой.

– Кажется, годится? – сказал Пенкроф.

– Отлично перенесем! – воскликнул Герберт.

Работа была окончена в сорок минут, и к десяти часам моряк, Герберт и Наб возвратились к Смигу, от которого не отходил Спилетт.

Смит пробудился от сна или, скорее, от забытья. На щеках его, которые до сих пор были бледны как смерть, появилась легкая краска. Он немного приподнялся, поглядел вокруг и глазами, казалось, спрашивал, где он очутился.

– В состоянии ли вы выслушать меня, Смит? – спросил Спилетт.

– Нет, – отвечал инженер.

– Я полагаю, – сказал бравый моряк, – что прежде разговоров господину Смиту следовало бы снова подкрепиться. Это глухари, господин Смит, – прибавил он, подавая ему бульон, к которому примешал на этот раз крошки мяса.

Сайрес Смит подкрепился предложенной пищей, а то, чего не мог съесть больной, истребили его лекари, которые страшно проголодались.

– Завтрак скудный! – сказал Пенкроф. – Но не унывайте: дома нас ожидают припасы. Знайте, господин Смит, – прибавил он, обращаясь к инженеру, – что там, к югу, у нас есть дом и комнаты, постели и очаг... А в кладовой запасено несколько дюжин птиц, которых Герберт называет какими-то куруку. Ваши носилки готовы, и, как только вы почувствуете себя лучше, мы вас на них уложим и перенесем домой.

– Благодарю, дружище, – ответил Смит. – Еще час или два, и я в состоянии буду идти... Говорите, Спилетт! Рассказывайте!

Спилетт рассказал все, что с ними случилось: как они упали, как пристали к незнакомой земле, которая казалась совершенной пустыней, как нашли «Трубы» и устроились там, как разыскивали его; он, разумеется, не забыл упомянуть о преданности Наба и о сметливости Топа.

– Так разве не вы подняли меня на берегу? – слабым голосом спросил Смит.

– Нет, – отвечал Спилетт.

– Как далеко эта пещера от подводных скал?

– По крайней мере полмили, – ответил Пенкроф, – и если вы удивляетесь, что очутились здесь, то мы удивлены этим не меньше вас.

– Это действительно очень странно! – проговорил Смит, который постепенно все более и более оживлялся.

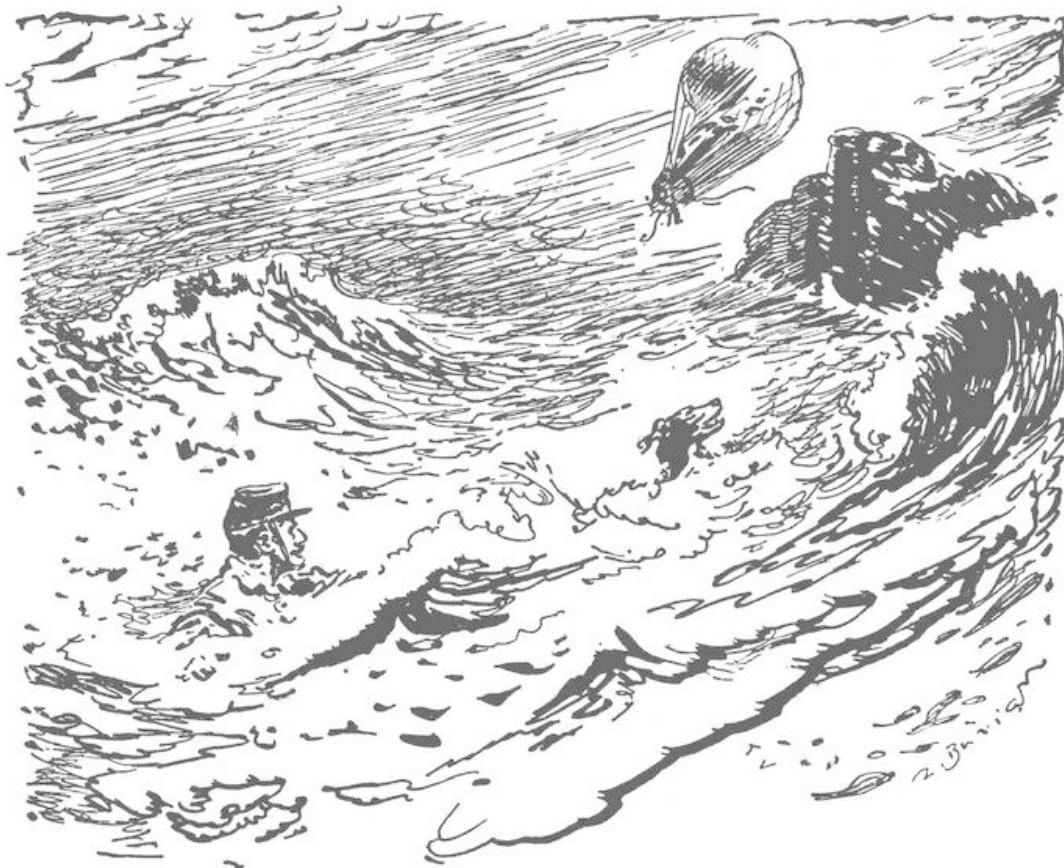
– Вы можете рассказать, что с вами было, когда вас унесло волнами? – спросил моряк.

Смит с минуту молчал, как бы стараясь собраться с мыслями и что-то припомнить, потом ответил:

– Я знаю, что меня выкинуло из сетки шара и я погрузился в воду на несколько саженей глубины. Когда я вынырнул на поверхность, кругом было темно, и во мраке я почувствовал около себя какое-то живое существо. Это был Топ, явившийся мне на помощь. Я поднял глаза. Воздушный шар уже исчез. Я очутился среди разъяренных волн, на расстоянии полумили от берега. Я пытался бороться с бушующим морем и поплыл. Топ вцепился зубами в мою одежду и поддерживал меня на поверхности. Вдруг быстрое течение подхватило и понесло меня на север. Напрасно я боролся со стихией, я чувствовал, что иду ко дну и увлекаю за собой Топа... С этой минуты я ничего более не помню.

– Однако вас, очевидно, выкинуло на берег, и у вас достало сил добраться до этой пещеры, потому что Наб отыскал вас здесь по вашим следам, – сказал Пенкроф.

– Да... очевидно... – проговорил задумчиво Смит. – Вы не встречали человеческих следов на этом берегу?

– Ни единого, – отвечал Спилетт. – К тому же если бы какой-нибудь местный избавитель и явился вам на помощь, он не бросил бы вас на произвол судьбы в этой пещере.

– Вы совершенно правы, дорогой Спилетт, – сказал Смит. Затем он обратился к негру: – Скажи мне, Наб, не ты меня принес сюда? Ты, может, забыл это? Ты ведь был тогда очень расстроен... Ты, может, не помнишь?... Но нет, это немыслимо!.. Сохранились эти следы?

– Сохранились, – отвечал Наб. – Да вот тут, у входа в пещеру, вот в этом месте... Другие смыло дождем.

– Пенкроф, – сказал Смит, – сделайте одолжение, возьмите мои башмаки и посмотрите, совпадут ли они с этими следами.

Моряк поспешил исполнить просьбу инженера.

Герберт и он, сопровождаемые Набом, направились к тому месту, где сохранились следы. Смит сказал Спилетту:

– Произошли какие-то необъяснимые вещи!

– Действительно необъяснимые! – отвечал Спилетт.

– Не будем теперь ломать над ними голову, дорогой Спилетт. Потолкуем об этом после. Минуту спустя Герберт, Наб и моряк возвратились.

– Сомневаться невозможно, господин Смит, – сказал Пенкроф, – ваши башмаки как нельзя лучше соответствуют отпечаткам. Следы, значит, ваши!

– Вероятно, я все перепутал и перезабыл! – отвечал Смит. – Я, видимо, добрался сюда бессознательно, как лунатик. Или, еще вернее, меня привел сюда Топ... Да, Топ вытащил меня из воды и привел сюда... Поди ко мне, Топ, поди, мой верный, добрый пес!

Великолепное животное с лаем кинулось к своему хозяину, который не поскупился на ласки.

– Значит, вся честь принадлежит Топу? – сказал моряк. – Молодец, Топ!

Около полудня Пенкроф спросил у Смита, как он себя чувствует – можно ли его перенести.

В ответ на это Смит сделал энергичное движение и встал.

Но он тотчас же должен был опереться на моряка, иначе не удержался бы на ногах и упал. – Отлично! Отлично! – проговорил Пенкроф. – Ну, носилки для господина инженера!

Носилки, покрытые мягким мхом и травой, были доставлены, товарищи уложили Смита и направились к «Трубам».

Пенкроф шел впереди, Наб позади.

До «Труб» было восемь миль, но так как идти быстро было нельзя и к тому же надо было делать частые остановки для отдыха, то моряк рассчитывал добраться до дому не раньше чем через шесть часов.

Ветер все еще дул с ужасной силой, но, по счастью, дождь уже перестал.

Лежа на носилках, Смит безмолвно, но внимательно осматривал места, по которым проходили, особенно верхнюю террасу. Несомненно, очертания этого побережья, пески, скалистые утесы и лес – все это запечатлелось в памяти инженера. Однако часа через два усталость взяла свое, он вытянулся на носилках и заснул.

В половине шестого караван достиг места, откуда уже виднелись «Трубы».

Смит спал глубоким сном и не проснулся.

Пенкроф, к величайшему своему изумлению, увидел, что страшная буря, свирепствовавшая накануне, почти совершенно изменила вид этой местности. Произошли значительные обвалы; огромные обломки утесов громоздились на берегу; густой ковер морских трав и водорослей покрывал песок.

Перед самым отверстием «Труб» почва была в глубоких рытвинах, где еще оставалась морская вода.

Пенкроф вдруг кинулся со всех ног в коридор, словно его поразила какая-то тревожная мысль.

Он почти в ту же минуту возвратился назад и, остановившись перед товарищами, смотрел на них, как бы не решаясь объявить о новой беде.

– Что такое, Пенкроф? – спросил Спилетт.

– Огонь погас!

Да, огонь погас, пепел превратился в грязь; жженная тряпка, заменявшая трут, исчезла...

Море проникло в глубину коридоров и все перевернуло, все разрушило в «Трубах»!

IX. Где же мы?

Печальное известие, сообщенное Пенкрофом, по-разному подействовало на его товарищей.

Наб, совершенно поглощенный радостью свидания со своим дорогим господином, едва его выслушал и нисколько им не озаботился.

Герберт очень встревожился и смутился.

Что касается Спилетта, то он преспокойно ответил:

– Ей-ей, Пенкроф, мне это решительно все равно!

– Все равно, господин Спилетт? Повторяю вам, что у нас нет огня!

– Экая беда!

– Нет и средства его добыть!

– Ну так что ж?

– Однако...

– Да разве Смит не с нами? – прервал Спилетт. – Разве у нас нет инженера Смита? Он найдет средство добыть огонь.

– Из чего?

– Из ничего!

Что было отвечать на это Пенкрофу?

Он сам разделял веру товарищей в Смита и его могущество.

Инженер был для всех идеалом, кладезем всех человеческих познаний, ума и находчивости. Они были убеждены, что лучше очутиться на необитаемом острове со Смитом, чем в самом оживленном городе без него. Они были уверены, что кто имеет счастье находиться со Смитом, тот ни в чем не будет терпеть нужды, что кто с ним, тому нечего ни унывать, ни отчаиваться. Если бы этим людям вдруг объявили, что вулканическое извержение сейчас разрушит землю, что земля сейчас провалится в бездну Тихого океана, они бы безмятежно ответили:

– Здесь Смит! Поговорите об этом с ним.

Но пока инженер еще лежал в забытьи, прибегнуть к его изобретательности было невозможно, а потому приходилось довольствоваться весьма скудным ужином.

– Глухари съедены? – спросил Герберт.

– До последней косточки! – отвечал Пенкроф.

– У нас ведь есть другая дичь в запасе.

– Как же будем ее жарить без огня? Да и дичи этой уж нет: ее, верно, унесло волнами.

Надо что-нибудь придумать...

– Прежде всего уложим удобнее Смита, – сказал Спилетт.

– Куда его лучше перенести?

– Лучше всего в средний коридор.

Смит был перенесен и уложен там на водорослях.

Инженер погрузился в глубокий сон.

– Отлично, что он уснул, – сказал Спилетт. – Это скорее всего восстановит его силы, лучше всякой пищи подкрепит.

Наступила ночь, ветер теперь дул с северо-востока; сделалось очень холодно.

– Ну, теперь у нас прохладно! – сказал Пенкроф.

Действительно, было прохладно. Море унесло перегородки, устроенные Пенкрофом в некоторых частях коридоров, и теперь везде дул сквозной ветер.

– Надо непременно чем-нибудь укрыть Сайреса, – сказал Спилетт.

Все, словно сговорившись, сняли с себя кто куртку, кто китель и тщательно укутали товарища.

В этот вечер ужин состоял из одних ракушек, собранных Гербертом и Набом в весьма изрядном количестве на берегу. Мальчик, впрочем, присоединил к этим моллюскам съедобные водоросли, которые нашел на высоких скалах, куда морские воды захлестывали только во время самых высоких приливов.

– Это что за трава? – спросил Пенкроф.

– Это водоросли, – отвечал Герберт.

– И что, ими будешь сыт?

– Да, Пенкроф. Это саргассы, водоросли из семейства фукусовых.

– А!

– Саргассы, если их подсушить, представляют собой очень питательное студенистое вещество вроде желе...

– Попробуем! – сказал Пенкроф.

Истребив значительное количество литодом, он принялся сосать саргассы.

– Право, недурно! – сказал Пенкроф.

Все остальные были того же мнения.

– Я читал, что на азиатских берегах туземцы охотно ими питаются, – сказал Герберт.

– Ну и на здоровье им! – сказал Пенкроф.

– Скажи по правде, – засмеялся Герберт, – тебе не нравятся эти саргассы?

– Отчего не нравятся?! Очень нравятся, только все-таки я бы желал, чтобы господин Смит поскорее поправился и выручил нас... Экий холодище!

Действительно, холод сделался очень сильным, и не было никаких средств помочь этому горю.

– Надо что-нибудь придумать! – повторял моряк. – Непременно надо что-нибудь придумать!

И он начал «придумывать».

Он нашел немного сухого мха и два камешка.

– Попытаемся!

Он усердно принялся ударять камнем о камень; скоро полетели искры, но мох был недостаточно сухой и никак не хотел воспламениться, и, кроме того, эти искры были вовсе не похожи на те, какие выбиваются из куска стали.

– Нет, из этого ничего не выйдет! – сказал огорченный Пенкроф. – Попробуем теперь тереть кусочки дерева, как делают дикари. Помогите-ка, Наб! Не очень-то я верю в это средство, а все-таки попытаться не мешает...

Бравый моряк и Наб выбрали две сухие деревяшки и принялись за дело.

Но как они ни старались, все понапрасну. Они только разогрели куски дерева и еще больше разогрелись сами.

После часовой работы с Пенкрофа полил градом пот, и он с горькой досадой отшвырнул от себя куски дерева.

– Я тогда поверю, что дикари этим способом добывают огонь, когда зимой будет жарче, чем летом! – сказал он. – Скорее загорятся мои руки, если их тереть, чем эти деревяшки!

– Ты напрасно сомневаешься, Пенкроф, – сказал Герберт. – Достоверно известно, что дикари именно этим способом добывают огонь...

– Ладно! Ладно!

– Но может быть, они используют для этого какое-нибудь особое дерево... А потом, нужна еще и сноровка. У нас, может, нет сноровки?..

– Ладно! Ладно!

Досада бравого моряка продолжалась недолго. Когда Герберт, подняв брошенные им деревяшки, в свою очередь принялся усердно тереть, Пенкроф не мог удержаться от смеха.

– Хочет нас с тобой перещеголять, Наб, да не перещеголяет! – сказал он. – Три, дружище, три!

– Я тру, – отвечал, смеясь, Герберт, – но я вовсе не имею претензии вас перещеголять. Я просто хочу согреться, потому что мне тоже надоело дрожать от холода. Ты увидишь, Пенкроф, что скоро мне будет так же жарко, как и тебе!

– На здоровье, на здоровье, дружище! – отвечал моряк. Затем он обратился к Спилетту: – Приходится сидеть без огня, господин Спилетт!

– Да, Пенкроф, – отвечал Спилетт, – но погодите, проснется Смит – и огонь тотчас же запылает!

В ожидании будущих благ Спилетт спокойно улегся в коридоре на песке и уснул.

Герберт, Наб и Пенкроф последовали его примеру, а Топ свернулся у ног своего господина.

На следующее утро, 28 марта, Смит проснулся около восьми часов.

Остальные уже были на ногах и ожидали, когда он откроет глаза.

Первые слова Смита были те же, что и накануне:

– Остров или материк?

Очевидно, эта мысль не покидала его ни на минуту.

– Мы сами не знаем, господин Смит, – ответил ему Пенкроф.

– Вы еще не знаете?

– Но мы узнаем, – прибавил Пенкроф, – когда вы нас поведете повсюду...

– Я надеюсь, что могу начать исследования, – отвечал Смит.

Он без особенных усилий поднялся.

– Вот это по-молодецки! – радостно воскликнул моряк.

– Я умирал от истощения, – сказал Смит. – Дайте чего-нибудь поесть, друзья, я сейчас же поправлюсь! Есть у вас огонь?

На последний вопрос ответ последовал не сразу.

– Ах, господин Смит! – сказал моряк после минутного молчания. – У нас нет огня, или, точнее говоря, у нас пропал огонь...

И Пенкроф подробно рассказал инженеру все, что случилось накануне.

Он развеселил Смита повествованием об одной-единственной спичке и о своих тщетных попытках добыть огонь по способу дикарей.

– Мы об этом подумаем, – сказал инженер. – Может быть, мы найдем что-нибудь похожее на трут. А если не найдем...

– Тогда что? – спросил моряк.

– Тогда мы попробуем сделать спички.

– Химические?

– Химические.

– Да! Дело, как видите, нетрудное, – сказал Спилетт, ударяя моряка по плечу.

Пенкроф не считал это дело легким, но не возражал.

Все вышли на воздух.

День распогодился. Яркое солнце всходило над морем, и его лучи рассыпали золото по граням огромной скалы.

Быстро оглядевшись, Смит сел на обломок каменной глыбы.

– Хотите? – спросил его Герберт, подавая ему пригоршню ракушек и водорослей. – Больше у нас ничего нет...

– Спасибо, дружок, – отвечал Смит, – этого совершенно довольно; по крайней мере, довольно на сегодняшнее утро.

И он с большим аппетитом принялся за эту скудную пищу, запивая ее свежей водой, зачерпнутой в реке в большую раковину.

Товарищи молча смотрели на него, пока он подкреплял силы.

Утолив кое-как голод, Смит скрестил на груди руки и сказал:

– Итак, друзья, вы еще не знаете, куда забросила вас судьба, на материк или на остров?

– Не знаем, – отвечал Герберт.

– Завтра узнаем, – сказал Сайрес. – До тех пор ничего нельзя сделать.

– Но у нас есть чем заняться! – вмешался Пенкроф.

– Что такое?

– Надо добыть огонь, – отвечал моряк, которого тоже преследовала неотвязная мысль.

– Добудем, Пенкроф! Я не знаю, показалось ли мне, или я точно видел вчера, когда вы меня несли сюда, гору, которая возвышается над окрестностью?

– Да, – отвечал Спилетт, – по дороге мы точно видели гору, и гора эта, по-видимому, довольно высока...

– Отлично, – сказал Смит. – Завтра мы взберемся на ее вершину и увидим, где мы очутились – на материке или на острове. А до тех пор, повторяю, делать нечего...

– А про огонь забыли? – снова напомнил моряк.

– Да будет вам огонь! – отвечал Спилетт. – Имейте немножко терпения, Пенкроф!

Бравый моряк посмотрел на Спилетта с таким видом, словно хотел сказать: «Если *вы* будете добывать этот огонь, то нам еще долго не доведется отведать жаркого!»

Он, впрочем, ничего не сказал.

Смит хранил молчание. Его, казалось, очень мало занимал вопрос об огне. В продолжение нескольких минут он о чем-то раздумывал, а затем сказал:

– Друзья мои, положение наше, быть может, бедственное, но во всяком случае чрезвычайно несложное и простое. Или мы на материке, или на острове. Если на материке, то ценой более или менее тяжелых трудов и лишений мы достигнем какого-нибудь обитаемого места. Если мы на острове и остров этот обитаем, мы попробуем выпутаться из беды с помощью местных жителей, а если этот остров необитаем, мы попытаемся выпутаться из беды сами.

– Вы справедливо заметили, господин Смит, дело простое и несложное! – ответил Пенкроф.

– Остров это или материк, мы узнаем, – заметил Спилетт, – а пока не можете ли вы сказать, Смит, куда, вы полагаете, закинул нас ураган? То есть в какую часть света?

– Трудно утверждать наверняка, – отвечал инженер, – но, по моим соображениям, мы, должно быть, где-нибудь в Тихом океане или очень от него близко. Вспомните, когда мы вылетели из Ричмонда, ветер дул с северо-востока, и сила родившего его урагана заставляет предполагать, что направление его не изменялось. А если направление ветра не изменялось и он дул с северо-востока на юго-запад, то мы должны были перелететь Северную Каролину, Южную Каролину, Джорджию, Мексиканский залив, Мексику и затем часть Тихого океана. По моим соображениям, наш шар пролетел не менее шести или даже семи тысяч миль, и, если бы ветер хоть немного изменил свое направление, он занес бы нас или на Маркизские острова, или на Туамоту, или даже – если бы ярость его была сильнее, чем я думаю, – к Новой Зеландии. Если последняя догадка оправдается, то нам легко будет добраться до своих мест. Если придется обратиться к англичанам или к маори, мы сговоримся и с теми и с другими. Если же, напротив, мы попали на какой-нибудь необитаемый остров Микронезии, то мы прежде всего осмотрим его с вершины горы и тогда решим, как и где здесь окончательно обосноваться.

– Окончательно обосноваться? – переспросил Пенкроф.

– Да. И обосноваться как людям, которым никогда отсюда не выбраться, – отвечал Смит.

– Никогда? – воскликнул Спилетт. – Вы говорите «никогда», любезнейший Сайрес?

– Я убежден, Спилетт, – отвечал инженер, – что гораздо разумнее предполагать самое худшее и, таким образом, не ожидать никаких сюрпризов, кроме приятных.

– Хорошо сказано! – воскликнул Пенкроф. – Я, однако, надеюсь, что мимо этого острова – если это остров – проходят какие-нибудь суда... Неужто нас забросило в самую пустынную часть океана? Уж это было бы, как нарочно, устроено на нашу беду!

– Пока мы не взберемся на гору, мы ничего не можем решить, – сказал Смит.

– Но разве вы так уже поправились, господин Смит, что завтра будете в состоянии взбираться на гору? – спросил Герберт. – Не будет ли это для вас слишком утомительно?

– Надеюсь, что нет, – отвечал инженер, – но с условием, что вы с Пенкрофом отличитесь на охоте и доставите мне сытное жаркое.

– Так как вы упомянули о жарком, господин Смит, то и я напомним вам об огне... Будь я уверен, что будет на чем жарить, я бы пошел за дичью и принес ее...

– Так несите, Пенкроф, – отвечал Смит, – а об остальном не беспокойтесь.

Итак, на общем совете было решено, что Смит и Спилетт останутся дома и проведут день в исследованиях берега и прибрежных утесов, а Наб, Герберт и моряк отправятся в лес, где запасутся топливом и постараются раздобыть всякой дичи, и пернатой и четвероногой, какая попадется.

– Счастливой охоты! – сказал на прощание Смит.

Охотники отправились около десяти утра. Герберт верил в свою удачу и весело шел вперед. Наб был рад выздоровлению инженера. Пенкроф шел бодро, но ворчал себе под нос:

– Думаю, по возвращении я найду тут огонь лишь в том случае, если его зажжет молния!

Они поднялись по берегу. Достигнув излучины реки, моряк спросил:

– С чего ж мы начнем? Поохотимся или будем заготавливать дрова?

– Сначала охота, – отвечал Герберт. – Вон Топ уж ищет!

– Охота так охота! – согласился Пенкроф. – А после мы сюда вернемся и сплавим топливо.

Герберт, Наб и Пенкроф, сделав себе по дубинке из молодых сосен, последовали за Топом, который резво рыскал среди кустов и высокой травы.

– Что, мы опять пойдем по течению реки или прямо в лес? – спросил Герберт. – Не лучше ли в лес?

– Пожалуй что и лучше, – отвечал моряк.

Мальчик поспешил вперед.

– А деревья все одинаковые, Пенкроф, – крикнул он, – все те же сосны!

Лес действительно не представлял разнообразия. В некоторых местах сосны были не так скучены, росли отдельными группами и достигали значительных размеров. Это последнее обстоятельство заставляло думать, что остров находился на более высокой широте, чем предполагал Смит. Попадались пролески и лужайки, загроможденные сухостоем, сучьями и поваленными деревьями, между которыми торчали почерневшие пни. За пролесками снова начиналась почти непроходимая чаща.

– Смотри-ка, какой тут запас топлива! – крикнул Герберт, кивая на сухой валежник и стараясь продраться сквозь чащу.

– Хоть бы на смех какая-нибудь тропка! – сказал Пенкроф, пробираясь следом за мальчиком. – Не спеши так, Герберт, надо пометать дорогу, а то как раз заблудимся на обратном пути.

Говоря это, моряк усердно начал работать руками и ногами, то обламывая верхушки молоденьких сосенок и нижние сучья, то разбивая сухие пни.

– Не знаю, много ли мы выиграли, что пошли не по течению реки, как в первый раз, а пустились прямо в лес, – сказал Пенкроф. – Вот мы уже больше часа шагаем, а еще не видали никакой дичи.

Солнце хотя еще не достигло своей высшей точки над горизонтом, но было уже довольно высоко. Исследователи начинали подумывать, не воротиться ли назад, когда раздалось восклицание Герберта:

– Пенкроф! Наб! Поглядите-ка, что я нашел!

– Что такое?

– Шишки! Съедобные орешки!

– Какие плоды? Давай сюда! Что за дерево?

– Это кедровая сосна, Пенкроф. Она дает шишки, а в них отличные плоды вроде миндаля. Попробуй! Они уже спелые!

– Хороши, очень хороши! – сказал Пенкроф, попробовав. – Подходи, Наб, и угощайся! – крикнул он негру.

– У нас водоросли вместо хлеба, – продолжал моряк, – ракушки вместо мяса и кедровые шишки на десерт! Что ж, какого ж вам еще обеда для людей, у которых нет ни единой спички?

– Жаловаться не следует, Пенкроф, – отвечал Герберт.

– Я не жалею, дружище, а говорю, как оно есть на самом деле. Я только хочу сказать, что с такого обеда сыт не будешь, а впрочем...

– Топ что-то нашел! – крикнул Наб и кинулся в густую чащу, где с лаем скрылся пес. Если попалась добыча, надо ее поймать, а не спорить, на чем ее жарить.

К лаю Тоба скоро присоединилось какое-то странное не то ворчанье, не то хрюканье.

– Скорее, скорее, Пенкроф! – крикнул Герберт.

– Иду, иду! – отвечал моряк, спеша изо всех сил.

Продравшись сквозь чащу, охотники увидели, что Топ напал на какого-то зверя и крепко вцепился ему в ухо. Это четвероногое, похожее на поросенка, имело около двух с половиной футов в длину, шерсть на нем была коричневого цвета, негустая и чрезвычайно жесткая. Лапы, которыми оно крепко упиралось в землю, были перепончатые.

– Посмотри-ка, Герберт, у него на ногах словно перепонки! – снова воскликнул моряк.

– Да, вижу, это, кажется, кабан или водосвинка... Самый крупный грызун из семейства полукопытных, до метра в длину...

Зверь не отбивался от собаки. Он тупо вращал глазами, заплывшими жиром.

– Может, этот зверь впервые видит людей? Ишь как одурел! – заметил Пенкроф.

Наб, прицелившись своей дубиной, хотел поразить животное, как вдруг оно неожиданно вырвалось из зубов Тоба, оставив ему кончик уха, испустило громкое хрюканье, ринулось на Герберта, опрокинуло его и исчезло в лесу.

– Ах ты, скверная тварь! – воскликнул Пенкроф.

– Догоним! Догоним! – кричал Герберт.

Все трое бросились по следам Тоба, но в ту самую минуту, как они настигли собаку, зверь скрылся в озере, окруженном громадными соснами.

Наб, Герберт и Пенкроф остановились.

Топ кинулся в воду, но зверь притаился в глубине и не показывался на поверхность.

– Подождем, – сказал Герберт, – он непременно покажется... он выплывет подышать...

– А не утонет? – спросил Наб.

– Нет, – отвечал Герберт. – У него на ногах перепонки. Подождем, он сейчас выплывет!

Топ держался на воде и тоже, очевидно, поджидал добычу.

– Нам лучше разделиться, – сказал Герберт. – Пусть каждый займет место на берегу этой лужи... Мы таким образомотрежем дорожку... Смотрите, как Топ плавает и разыскивает его!

Герберт не ошибся.

Спустя несколько минут зверь всплыл.

Одним скачком Топ очутился около него и помешал снова скрыться под водой.

Еще минуту спустя зверь был вытащен на берег, и Наб тут же прикончил его.

– Ура! – воскликнул Пенкроф. – Ура! Теперь, если добудем хоть один горящий уголек, этот грызун будет сгрызен до последней косточки.

Пенкроф взвалил зверя на плечи и сказал:

– Пора домой. Поглядите-ка, где солнце! Уж теперь часа два, надо полагать, или около того. Как-то мы теперь разыщем дорогу.

– Ты ведь помечал путь? – сказал Герберт.

– Помечать-то помечал, а заблудиться нетрудно.

– Топ нам поможет!

Топ действительно помог; благодаря умному, чуткому псу они ни разу не сбились с пути и через полчаса благополучно достигли излучины реки.

– Ну, теперь займемся дровами! – сказал Пенкроф. – Хоть без огня оно и ни к чему, а все-таки лучше запастись на всякий случай...

Они принялись за работу, живо ее окончили и отправились дальше.

Не доходя шагов пятидесяти до «Труб», Пенкроф вдруг остановился, снова испустил оглушительное «ура» и, протягивая руку, воскликнул:

– Герберт! Наб! Смотрите!

Из-за скал вырывались клубы дыма...

Х. На острове...

Несколько минут спустя охотники уже находились перед ярко пылавшим костром.

Около него сидели Смит и Спилетт.

Пенкроф стоял с добычей на плече, глядел на обоих и не говорил ни слова.

– Что, любезнейший Пенкроф?! – воскликнул Спилетт. – Огонь, как видите, разведен к вашему возвращению – настоящий, как следует, на котором вы отлично можете изжарить эту превосходную дичину и угостить нас на славу.

– Но кто же его зажег?.. – спросил Пенкроф.

– Солнце.

– Солнце?

– Да!

Спилетт говорил правду.

Пенкроф не верил собственным глазам. Он до того был изумлен, что не рассуждал, не соображал и не расспрашивал.

– У вас, значит, было зажигательное стекло, господин Смит? – спросил Герберт.

– Нет, дружок, но я себе смастерил нечто подобное.

И он показал прибор, которым заменил настоящее зажигательное стекло.

То были просто-напросто два круглых стеклышка, которые он снял со своих часов и с часов Гедеона Спилетта. Наполнив их водой и склеив края жирной глиной, он таким образом получил двояковыпуклое стекло. Поймав солнечные лучи, он направил луч на сухой мох и зажег его.

Пенкроф осмотрел прибор, затем, не говоря ни слова, поглядел на инженера.

Если он в эту минуту не считал Смита божеством, то уже, конечно, не считал его и обыкновенным смертным.

Наконец моряк обрел дар речи и воскликнул:

– Занесите это в вашу памятную книжку, господин Спилетт! Занесите непременно!

– Занесено! – ответил Спилетт.

Оправившись от изумления, моряк обратился к Набу:

– Надо приниматься за стряпню, Наб! Я подкину дров и приготовлю вертел, а вы пока потрошите дичину.

– А как ты будешь жарить ее? – спросил Герберт.

– Как обычного поросенка, – отвечал Пенкроф.

Скоро огонь весело затрещал, и от жаркого начал распространяться аппетитный запах.

Снесенные и разрушенные водой перегородки были снова поставлены, коридоры малопомалу нагревались, и в «Трубах» сделалось уютнее и теплее.

Инженер и его товарищ, остававшиеся дома, как видит читатель, не сидели сложа руки.

Смит почти совершенно поправился и пробовал свои силы, взобравшись на верхнюю площадку утеса.

Отсюда глаза, привыкшие верно определять видимые пространства и возвышенности, устремились на конус, который он намеревался на следующий день исследовать, и он долго рассматривал четко очерченную вершину.

– Мне кажется, – сказал он Спилетту, – что эта гора находится отсюда милях в шести к северо-западу и возвышается на три тысячи или на три тысячи пятьсот футов над уровнем моря. Следовательно, с ее вершины можно обозреть окрестности по крайней мере миль на пятьдесят. Я надеюсь, что завтра мы окончательно решим вопрос, где мы – на материке или на острове.

– Сегодня ужин на славу! – говорил Пенкроф, приглашая товарищей подкрепиться.

Жаркое было очень вкусно, особенно для голодных. Водоросли и найденные в лесу орехи заменили десерт.

Во время ужина инженер говорил мало. Он был занят мыслями, как лучше устроить на следующее утро исследование горы.

Раз или два Пенкроф начинал разговор об этих исследованиях и высказывал, как, по его мнению, всего лучше приняться за дело, но Смит, как человек методичный, не пускался по этому поводу в длинные рассуждения и в ответ на все речи моряка ограничивался только легким наклоном головы.

– Завтра, – говорил он, – мы узнаем что-нибудь положительное, и тогда видно будет, что нам делать.

Когда ужин был окончен, в костер подкинули несколько охапок сучьев, и обитатели «Труб», в том числе верный Топ, уснули глубоким сном.

Ничто не нарушило мирного спокойствия этой ночи, и на следующее утро, 29 марта, все проснулись бодрые, готовые предпринять экспедицию, которая должна была определенным образом решить их участь.

Все были готовы отправиться в путь.

– Я захватил с собой остатки дичи; хватит еще на целые сутки, – сказал Пенкроф.

– Да я надеюсь, что по дороге нам удастся пополнить свои припасы, – сказал Герберт.

– Оно, конечно, надеяться можно, а все-таки лучше запастись готовым, – отвечал моряк.

Так как стекла, с помощью которых Смит зажигал мох, были снова вставлены в часы, то Пенкроф решил воспользоваться женой тряпкой.

– Вот и трут готов! – сказал он.

Что же касается кремня, то в почве в нем не было недостатка.

Было семь часов утра, когда исследователи, вооруженные дубинами, покинули «Трубы».

Следуя совету Пенкрофа, решили отправиться уже знакомой дорогой, через лес, а вернуться по другому маршруту.

Они обогнули южный выступ утеса и пошли по левому берегу реки.

Дойдя до того места, где река круто заворачивала к юго-западу, Пенкроф остановился и сказал:

– Теперь надо поискать тропинку, которую мы проложили.

Тропинка, извивавшаяся чуть заметной нитью среди густой зелени, была найдена, и в девять часов утра Смит и его спутники достигли западной опушки леса.

Сначала шли по болотистой низине, потом почва стала сухой, песчаной: начался пологий подъем, который вел от берега вглубь этих незнакомых мест. В лесу, между высокими деревьями, промелькнуло несколько животных. Топ усердно их выгонял, но его хозяин тотчас же звал его к себе, так как еще не наступило время заниматься охотой. Инженер был из тех людей, которые, поставив задачу, ни на что не отвлекаются, пока не достигнут своей цели. Сейчас Сайрес Смит не обращал внимания ни на характер местности, по которой проходил, ни на ее природные богатства. Он думал только о том, как бы поскорее достигнуть вершины горы, на которую решил подняться, и прямо туда стремился.

В десять часов остановились немного отдохнуть.

При выходе из леса открылись очертания горы. Она состояла из двух конусов. Первый, усеченный на высоте около двух тысяч пятисот футов, поддерживался передними горами причудливой формы, которые разветвлялись, как когти громадной лапы, вцепившейся в почву. Между этими передними горами перекрещивалось множество глубоких, узких долин, покрытых деревьями; несколько зеленых групп росло у самого усечения конуса, что представляло издали подобие раскинутых букетов. Растительность была беднее на северо-восточном склоне горы, и тут виднелись довольно глубокие борозды – вероятно, застывшие потоки лавы.

Возле первого конуса стоял второй, слегка закругленный на вершине и несколько склонившийся набок. Вид его напоминал круглую шапку, надетую набекрень. Он, казалось, состоял из обнаженной земли, сквозь которую во многих местах прорезались красноватые скалы.

Смит хотел достигнуть вершины второго конуса и по гребням горных отрогов надеялся туда подняться без особых затруднений.

– Мы на вулканической почве, – сказал Смит. – Следуйте за мной. Мы начнем взбираться по склону вот этой передней горы. Склон состоит из уступов, и, следовательно, по нему легче достигнуть первой площадки.

Почва была изрытая и неровная. Там и сям виднелись перекатные валуны, многочисленные базальтовые¹² обломки, пемза, обсидиан¹³. Хвойные деревья возвышались здесь отдельными группами, а на несколько сотен футов ниже, в глубине узких ущелий, они сливались в густые рощи, почти непроницаемые для солнечных лучей.

Пока исследователи пробирались по нижним отрогам, Герберт, зорко осматривавшийся, указал на свежие следы, ясно обозначающие, что тут недавно проходило немало крупных животных.

– Хищных? – спросил Пенкроф.

– И хищных, и нехищных, – ответил Герберт.

– Что ж, может, эти звери неохотно уступят нам свои владения? – сказал Пенкроф.

– Тогда мы с ними потолкуем, – ответил Спилетт, которому уже случалось охотиться на тигров в Индии и на львов в Африке. – С ними не так трудно справиться, как обычно полагают. Но до охоты еще далеко, а пока следует быть настороже.

Между тем они мало-помалу поднимались вверх. Дорога очень удлинялась поворотами и преградами, которые надо было обходить. Случалось, что под ногами почва вдруг обрывалась, и путники неожиданно оказывались на краю глубоких провалов. Надо было возвращаться назад, искать какую-нибудь тропинку или по крайней мере место, где можно было ее проложить. Таким образом, напрасно тратилось много времени и сил.

В полдень маленький караван остановился позавтракать под тенью высоких елей, около ручейка, каскадом струившегося по камням наподобие водопада.

– Мы прошли полдороги до первой площадки и на площадке будем, вероятно, не раньше вечера, – сказал инженер. – Уже и отсюда можно кое-что разглядеть. Открывается широкий вид на море. Вот только справа острый мыс мешает определить, соединяется ли берег с землей...

Налево местность также просматривалась на несколько миль к северу, но от северо-запада и до того пункта, где находились исследователи, вид закрывала гора. На северо-западе панораму замыкал горный отрог причудливых очертаний, он казался застывшим потоком лавы, некогда извергнутой вулканом. Отсюда еще нельзя было разрешить вопроса, который так живо интересовал Смита.

В час они возобновили подъем.

Приходилось идти наискосок, держа курс на юго-запад, и снова углубляться в довольно густые заросли.

Выйдя из чащи, спутники попали на очень крутой подъем, по которому пришлось карабкаться. Хорошо, что он тянулся всего сажень пятнадцать. Наконец они достигли верхнего отрога, где было очень мало деревьев.

– Теперь нам надо повернуть к востоку, – сказал инженер. – Придется немало покружить, пока обойдем все обрывы. Смотрите хорошенько под ноги, а то можно сорваться.

Наб и Герберт шли впереди, Пенкроф позади, Смит и Спилетт между ними, в середине.

¹² *Базальт* – темный камень, очень плотный и твердый; масса его стекловидна и на вид кажется однородной. Встречается в причудливых формах – шашек, столбов, пирамид, шаров, досок и др. Вулканического происхождения.

¹³ *Обсидиан* – также камень вулканического происхождения, похожий на темный кремнь, – от бурого и темно-синего цвета до черного. Первобытные люди делали из него наконечники для стрел, ножи и др.

Здесь встретилось несколько пар птиц, похожих на фазанов. Герберт их назвал трагопанами и обратил внимание на красные мясистые наросты под горлом, как у индюков, и на крохотные цилиндрические выступы позади глаз. Самки, величиной с большую курицу, были коричневого цвета, а самцы имели великолепное красное оперение, усеянное беленькими пятнами, точно слезками. Спилетт так ловко подбил одного самца камнем, что уложил его на месте. Пенкроф, который успел уже проголодаться, то и дело посматривал на этого трагопана, представляя себе его отменный вкус.

Попадалось немало следов животных, и животные, посещавшие эти высоты, очевидно, должны были принадлежать к породам, отличающимся верной поступью и крепким сложением.

– Эти следы похожи на следы верблюдов или пиренейских серн, – сказал Герберт. – Смотрите, смотрите! Видите?

– Это не верблюды и не серны, – воскликнул Пенкроф. – Это бараны!

Все остановились шагах в пятидесяти от пяти или шести крупных животных.

– Смотрите, какие крепкие рога, – сказал Герберт, – как они загнуты назад и сплюснуты на концах... И какая славная бурая шерсть...

– Да ведь это бараны? – настаивал Пенкроф.

– Только не простые, не обыкновенные, – отвечал Герберт. – Это муфлоны.

– А годятся они на котлеты и жаркое? – спросил Пенкроф.

– Разумеется, – отвечал Герберт.

– Ну так я тебе говорю, что это бараны! – решил Пенкроф.

Животные, стоя неподвижно, смотрели удивленными глазами, словно впервые видели людей. Затем на них вдруг напал страх, они запрыгали по скалам и исчезли.

– До свидания! – крикнул им вслед Пенкроф.

При этом бравый моряк скорчил такую смешную мину, что Смит, Спилетт, Герберт и Наб не могли удержаться от смеха.

Они снова начали подниматься. На склоне горы причудливыми зигзагами виднелись потеки застывшей лавы. Путники не раз натыкались на дымящиеся вулканчики, которые приходилось аккуратно обходить. Иногда им встречались кристаллические друзы серы, вкрапленные в породы, которые вулкан выбрасывает перед началом извержения: крупнозернистые, сильно спекшиеся пуццоланы и беловатый вулканический пепел, состоящий из бесчисленных мелких кристаллов полевого шпата.

По мере приближения к первой площадке, образованной усечением нижнего конуса, восхождение становилось все более затруднительным.

К четырем часам им удалось миновать полосу деревьев. Густые рощи и даже отдельные группы деревьев исчезли, и только изредка кое-где попадались голые, уродливые сосны. Нельзя было не удивляться, как устояли они на высоте, где свободно должны бушевать свирепые ветры.

К счастью для инженера и его спутников, погода стояла прекрасная и тихая. Вокруг царило совершенное спокойствие. Они не видели солнца, потому что оно уже закатилось за верхний конус, заграждавший горизонт с запада. Огромная тень от этого конуса, протягиваясь до самого побережья, все более и более увеличивалась, по мере того как лучезарное светило склонялось ниже. С востока плыли легкие туманные облака, снизу подсвеченные лучами солнца и отливающие всеми цветами радуги.

Всего каких-нибудь пятьсот футов отделяли исследователей от плоской возвышенности, которой они хотели достичь и где намеревались расположиться на ночь, но приходилось делать столько поворотов и обходов, что эти пятьсот футов растянулись более чем на две тысячи. Земля беспрестанно обрывалась под ногами. Нередко склоны были так круты, что исследователи скользили по выветрившимся потокам лавы, где трудно было поставить ногу.

Близился вечер, и темнота мало-помалу покрывала местность, когда наконец Смит и его спутники, чрезвычайно утомленные семичасовым восхождением, достигли плоскогорья первого конуса.

– Здесь мы расположимся на ночь, – сказал Смит. – Давайте разобьем лагерь, а потом позаботимся о восстановлении сил. Сначала мы подкрепим их ужином, а затем сном. Мы уже, так сказать, на втором этаже.

Топлива было немного; однако им удалось собрать достаточно мха и сухих кустарников, торчавших по скалам.

Пока Пенкроф устраивал очаг, складывая несколько камней, Наб и Герберт занялись собиранием топлива. Они скоро возвратились, навьюченные хворостом. С помощью кремня и жженой тряпки Наб развел огонь, и яркое пламя отразилось на темных скалах.

Этот огонь был разведен не для стряпни, а для того, чтобы согреться. Убитого по дороге трагопана приберегли на завтра, а к ужину подали остатки дичи и орехи. В половине восьмого окончили скромную трапезу.

Тогда Смигу пришла мысль исследовать в этом полумраке широкое круглое основание, на котором покоился верхний конус горы. Он хотел узнать, можно ли обогнуть подножие конуса, на тот случай, если подъем окажется слишком крутым и невозможно будет взобраться на вершину. Этот вопрос очень тревожил инженера; было весьма вероятно, что сторона, куда кренился конус, была неприступна. А если нельзя по этому пути достигнуть вершины и обо-

гнуть подножие конуса, то надо будет отказаться от осмотра западных окрестностей и все труды пойдут прахом.

Инженер, не обращая внимания на усталость, предоставив Пенкрофу и Набу заниматься устройством ночной стоянки, а Спилетту – заносить в памятную книжку происшествя дня, пошел по краю плато, направляясь на север. С ним отправился Герберт.

Ночь была тихая, звездная и довольно светлая. Они шли молча.

В некоторых местах площадка расширялась перед ними, и они двигались вперед беспрепятственно. В других местах обвалы заграждали им путь, и приходилось пробираться по такой узенькой тропе, что идти рядом было невозможно. Наконец дело дошло до того, что, пройдя минут двадцать, Сайрес Смит и Герберт вынуждены были остановиться. Начиная с этого места откос обоих конусов сравнивался. Уступы, разделявшие части горы, исчезли. Обогнуть гору, поднимаясь под углом почти в семьдесят градусов, едва ли было возможно.

Инженер и Герберт вынуждены были отказаться от намерения обогнуть конус, однако им вдруг открылась иная возможность продолжить восхождение прямо вверх. Они увидели перед собой глубокую выемку. То была расселина верхнего кратера, представлявшая подобие горла громадной бутылки, откуда во время вулканического извержения вырывались расплавленные породы. Застывшая лава, отвердевшие шлаки образовали нечто вроде широких ступеней естественной лестницы. Достаточно было Смиту бросить один взгляд, чтобы осознать преимущество этого пути.

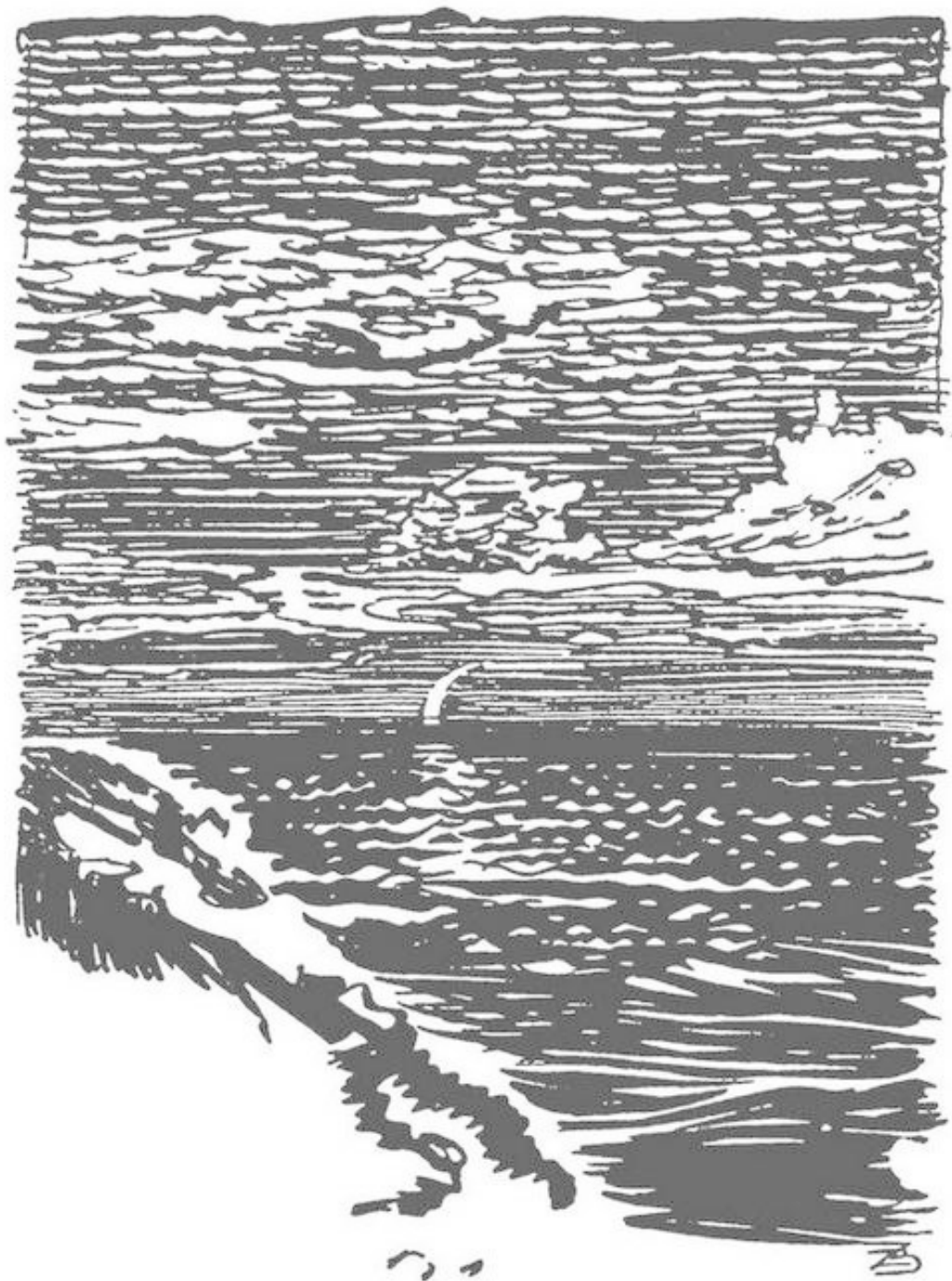

– Нам предстоит подняться на тысячу футов, – сказал Смит.

– Я боюсь, что внутри расселины нам встретятся выступы, которые преградят путь, – заметил Герберт.

– Будем идти, пока возможно, – отвечал Смит, – а там увидим!

По счастью, покатоści тут были не крутые, а очень пологие, очень извилистые и образовали внутри вулкана нечто вроде винтовой лестницы, по которой было довольно удобно подниматься.

Что касается самого вулкана, то он, несомненно, совсем погас. Ни единой струи дыма не вырывалось из боковых трещин. Никакого гула, грохотания не выходило из этого темного, громадного колодца, который, быть может, простирался на бесконечную глубину. Все тут было неподвижно, тихо, мертво. В воздухе не чувствовалось сернистых испарений. Вулкан не погрузился в сон – нет, жизнь здесь замерла.

– Кажется, попытка наша может увенчаться успехом, – сказал Смит. – Ты не очень устал, Герберт?

– Нет, нисколько.

Они продолжали подниматься по внутренним стенкам вулкана, когда вдруг кратер расширился над их головами. До сих пор они видели только клочок неба, обрамленный неровностями конуса, а теперь над ними с каждым шагом раскрывалось темно-синее небо, усеянное сверкающими звездами. И чем дальше они продвигались, тем больше звезд и созвездий Южного полушария появлялось в поле их зрения. В зените рдел Антарес из созвездия Скорпиона, чуть дальше сверкала звезда бета созвездия Центавра, которую считают ближайшей к Земле звездой. Воронка кратера все расширялась, и путники различили Фомальгаут из созвездия Южной Рыбы, созвездие Треугольника, и наконец, почти над самым Южным полюсом, засверкал Южный Крест, путеводная звезда этого полушария, которая, подобно Полярной звезде в Северном полушарии, указывает путь мореплавателям.

Было около восьми часов вечера, когда Смит и Герберт ступили на вершину горы, высшую точку вулканического конуса.

Кругом уже господствовала тьма, и глаз почти ничего не различал на расстоянии двух миль.

Была ли эта неизвестная территория окружена морем, или она соединялась на западе с каким-либо материком?

Этого нельзя было понять. На западе громоздились облака, сгущая темноту.

– Невозможно различить, где море, где земля! – сказал Смит.

Но вдруг на горизонте появился слабый свет, который медленно опускался по мере того, как туча поднималась к зениту.

То был серпик луны, уже готовый исчезнуть, но он достаточно высветил линию горизонта.

Смит увидел колеблющееся отражение этого света на водной поверхности.

Схватив руку Герберта, он выдохнул:

– Остров!

XI. Крестины острова

Спустя полчаса Смит и Герберт уже благополучно достигли своего ночного лагеря.

Не входя в долгие объяснения, инженер объявил своим товарищам, что земля, на которую их забросила судьба, является островом и что завтра надо будет об этом потолковать основательно и принять кое-какие меры.

– Мы, значит, теперь островитяне! – сказал Пенкроф.

Затем каждый устроился поудобнее на ночлег в базальтовой пещере, на высоте двух тысяч пятисот футов над уровнем моря, под тихим звездным небом, и новоявленные «островитяне» мирно и спокойно уснули.

На следующее утро, 30 марта, после скромного завтрака, состоявшего из жареного трагопана, инженер решил, что надо снова взобраться на вершину вулкана.

– Надо хорошенько осмотреть этот остров, где нам, может быть, придется провести всю оставшуюся жизнь, – сказал Смит. – Надо узнать, точно ли он необитаем... Как далеко отстоит от других земель. Не расположен ли он на пути судов, посещающих острова Тихого океана...

– Мы пойдем с вами, – сказал Спилетт.

– Как же не пойти? – сказал Пенкроф. – Всякому занятно поглядеть на место, где он будет пленником!

Около семи часов утра Смит, Герберт, Пенкроф, Спилетт и Наб покинули свой ночной лагерь.

Все были бодры и веселы. Никого, по-видимому, не смущала и не огорчала мысль о будущем, о предстоящих лишениях и, может быть, опасностях. Они верили в свои силы или, говоря точнее, в силы Смита.

Что касается Смита, то он надеялся на себя. Он был уверен, что добьется от дикой пустыни всего, что необходимо для их существования.

Особенно верил в инженера Пенкроф. С тех пор как Смит зажег мох с помощью стекол от часов, славный моряк стал на него смотреть как на олицетворенное божество и не смутился бы даже в том случае, если бы очутился с ним на голой скале среди волн. По его мнению, был бы Смит – и все остальное будет.

– Ба! – сказал он, шагая в гору. – Уж если мы улетели из Ричмонда без дозволения местных властей, так уплывем и с этого острова, где некому нас удержать!

Смит начал подниматься по той же дороге, по которой накануне поднимался с Гербертом.

Маленький караван обогнул конус, следуя по плоскогорью, образуящему уступы, и достиг громадной расселины.

Погода стояла великолепная. Яркое солнце всходило на безоблачном небе и заливало своими теплыми лучами восточный склон горы.

Начали подниматься по кратеру.

При тщательном осмотре днем он выглядел обширной воронкой, которая шла, постепенно расширяясь и поднимаясь на тысячу футов над плоскогорьем. Внизу трещины широкие, застывшие потоки лавы вились по склонам горы и доходили до равнин, пересекавших северную часть острова.

Внутренность кратера, наклон которого не превышал тридцать пять или самое большее сорок градусов, не представляла особых трудностей для восхождения. Исследователи заметили тут весьма древние следы лавы, которая, вероятно, до образования боковой трещины, открывшей ей новый путь, изливалась через вершину конуса.

Что касается вулканической трубы, посредством которой сообщались подземные слои с кратером, то глубину ее невозможно было определить глазом, так как она терялась во мраке.

– Совсем потух, кажется? – спросил Пенкроф.

– Вулкан?

– Да.

– Совершенно. В этом не может быть, как я уже сказал вам, ни малейшего сомнения.

Еще не было восьми часов, а Смит и его спутники уже стояли на вершине кратера, на коническом возвышении.

– Море! Со всех сторон море! – закричали они в один голос. – Мы островитяне!

Действительно, со всех сторон расстилалось безбрежное, необозримое водное пространство.

Быть может, Смит взбирался в это утро на вершину конуса с тайной надеждой открыть какой-нибудь берег, какой-нибудь соседний остров, которых он не мог видеть накануне ночью, но он не открыл ничего подобного. Перед его глазами на пространстве более пятидесяти миль сверкало море. Ни клочка земли вдаль. Нигде ни единого паруса. Всюду необозримая водная пустыня, и посреди – неизвестный остров...

Инженер и его спутники некоторое время стояли неподвижно и безмолвно обозревали океан.

– У вас зоркие глаза, Пенкроф, – сказал наконец Спилетт. – Присмотритесь-ка хорошенько: не видите ли чего?

– Ничего не видно, – отвечал моряк. – Уж если бы какая-нибудь земля была, так я бы ее увидал!.. Покажись она хоть как дымок или как облачко, я бы ее заметил!

Моряк говорил истинную правду. Он обладал удивительным зрением, и товарищи часто шутили, что судьба его наделила вместо глаз парой настоящих телескопов.

После долгого вглядывания в даль и обозревания водной пустыни взоры всех обратились на остров.

– Весь островок как на ладони! – сказал Пенкроф.

– Как велик он? – спросил Спилетт.

– Отсюда он не представляется большим, – сказал Герберт. – Он словно точка на этом необозримом океане!

Смит внимательно рассматривал окружность острова и думал.

– Друзья мои, – сказал он наконец, – я определил приблизительно, принимая в расчет высоту места, откуда производится наблюдение, величину острова. Я полагаю, что береговая линия простирается более чем на сто миль.

– Как же велика его поверхность? – спросил Спилетт.

– Ее определить трудно, – отвечал инженер, – потому что очертания острова чересчур прихотливы.

– Значит, если вы не ошибаетесь, то наш остров по величине почти равняется Мальте или острову Закинф на Средиземном море?

– Да, почти. Но наш остров отличается более неправильной формой, и здесь куда меньше мысов, стрелок, бухт и заливчиков. Фигура его престранная. Посмотрите сами!

– Да, очень странная фигура...

– Не срисуете ли вы ее?

– Пожалуй.

И Спилетт принялся за работу. Он быстро набросал карандашом в своей записной книжке очертания острова. Когда он закончил рисунок, все сошлись на том, что остров похож на какое-то фантастическое животное, на крылатое чудовище, покачивающееся на волнах Тихого океана.

Восточная часть была вырезана широким полукружием и обрамляла обширный залив, кончавшийся на юго-востоке острым мысом. На северо-востоке два других мыса образовали губу, а между ними извивался узкий заливчик, имевший большое сходство с полуотверстой пастью огромной акулы. С северо-востока на северо-запад берег закруглялся наподобие сплюс-

нутого черепа хищного животного, а затем поднимался, образуя небольшую возвышенность – нечто вроде маленького горба, который с вершины конуса был едва заметен. Отсюда берег шел довольно правильной линией и к северу, и к югу; далее в него глубоко врезалась узкая бухточка, и он тянулся в виде длинного хвоста, напоминавшего хвост исполинского крокодила. Этот хвост представлял собой настоящий полуостров, вытягивавшийся более чем на десять миль, считая от юго-восточного мыса острова, о котором мы уже упоминали, и закруглялся, образуя открытый рейд.

В самом узком своем месте, то есть между «Трубами» и глубокой бухточкой на западном берегу, остров, казалось, имел всего-навсего каких-нибудь десять миль ширины, но в длину, считая от северо-восточной части до хвоста, он простирался по крайней мере миль на тридцать.

Что касается внутреннего вида острова, то, насколько могли определить, южная часть, начиная от горы до побережья, была покрыта лесом, а северная – песчаная и бесплодная.

Между вулканом и восточным берегом Смит и его спутники, к немалому удивлению, открыли озеро, осененное зелеными деревьями.

– Вот уж никак не подозревал, что тут может быть озеро! – сказал Смит. – Когда смотришь с этой высоты, кажется, что оно находится на одном уровне с морем, но на деле оно, должно быть, возвышается футов на триста, потому что плоскогорье, служащее ему бассейном, не что иное, как продолжение берега.

– Значит, озеро пресное? – спросил Пенкроф.

– Разумеется, – отвечал инженер. – Оно, вероятно, питается водой с горы.

– Я вижу маленькую речку, которая впадает в это озеро! – воскликнул Герберт. – Вон там! И он указал на узкий ручей.

– Вижу, вижу, – сказал Смит. – Так как этот ручей впадает в озеро, то, весьма вероятно, существует и со стороны моря какой-нибудь спуск для воды, через который сбрасывается излишек. После увидим.

– Две трети острова покрыты лесами, – заметил Спилетт, – и, надо полагать, найдется немало речек и ручьев, текущих в море.

– Это не только вероятно, но почти несомненно, – отвечал инженер. – Посмотрите, какой цветущей и плодоносной представляется эта часть острова, как она богата самыми великолепными образчиками флоры умеренных поясов!

– А вот северная-то часть подгуляла! – сказал Пенкроф. – Одна дичь да голь!

– В северной части не видно никаких признаков проточных вод, – сказал Смит.

– Может быть, на северо-востоке, в болотистых местах, есть какие-нибудь стоячие воды? – заметил Герберт.

– Может быть, стоячие найдутся.

– На одном острове, а какие непохожие места! – сказал Пенкроф. – Тут песчаные холмы, пески, а там леса зеленеют, речки текут...

Вулкан находился не в центральной части острова, а возвышался на северо-западе и, казалось, представлял собой границу двух поясов.

На юго-западе, на юге и на юго-востоке первые уступы гор исчезали под массами зелени. На севере, напротив, можно было проследить все горные разветвления и горные подошвы, сливавшиеся с песчаными равнинами.

– В давно прошедшее время извержений лава текла по северной стороне, – сказал инженер. – Посмотрите, ее застывшие потоки тянутся до узкой оконечности острова, образующей на северо-востоке небольшой залив...

Смит и его спутники около часа пробыли на вершине горы.

Остров расстился под ними со всеми своими зелеными лесами, желтыми песками и голубыми водами. Они могли определить все его очертания. От их взоров укрывались только

почва, исчезающая под сплошной зеленью, речные русла, хоронившиеся в глубине густо поросших долин, да извивы узких ущелий, змеившихся у подножия вулкана.

– Нам остается разрешить весьма важный вопрос, – сказал Спилетт, – вопрос, который должен иметь огромное влияние на наше будущее.

– Какой это вопрос? – спросил инженер.

– Обитаемый это остров или необитаемый?

– Где там обитаемый! – сказал Пенкроф. – Уж кажется, мы смотрели в оба, а ни души не видали! До сих пор не попалось никакого следа человеческого. Хоть бы какой-нибудь бугорок, хоть бы развалинка или шалаш. Хоть бы какой отесанный колышек!

В самом деле, здесь не было ни деревень, пусть даже состоящих из жалких домишек, ни одиноко стоящих хижин, ни рыбацких сетей, ни лодок на берегу. В воздухе нигде не было видно дыма от костра, который указывал бы на присутствие человека. Правда, длинная, напоминавшая крокодилий хвост коса, протянувшаяся на юго-запад, отстояла от наблюдателей на тридцать миль, и даже зоркий глаз Пенкрофа не мог бы различить на таком расстоянии человеческие следы. Невозможно было также понять, не притаился ли среди лесных зарослей какой-нибудь поселок. Но обычно жители тихоокеанских островов, этих клочков суши, словно выплывших из морской пучины, селятся на побережье, а тут берега казались совсем пустынными.

– Не забывайте, Пенкроф, что даже ваши знаменитые «телескопы» на таком расстоянии не в силах заприметить жилье, – сказал Спилетт.

– К тому же здесь сплошные леса, – прибавил Герберт. – Если бы мы могли приподнять эту зеленую завесу, мы, может быть, увидели бы там какую-нибудь деревню...

– Все-таки мы пока еще не можем вывести положительного заключения, – сказал Спилетт.

– Предположим, что остров необитаем, – ответил Смит.

– Пожалуй. У меня другой вопрос.

– Какой?

– Посещается ли, по крайней мере, он время от времени туземцами с соседних островов?

– На этот вопрос трудно ответить.

– На целые пятьдесят миль в окружности не видно ни клочка земли! – заметил Пенкроф.

– Это еще ничего не значит, – отвечал Смит. – Пятьдесят миль можно легко переплыть и в малайской лодке, и в большой пироге. Все зависит от положения острова в Тихом океане, от того, как далеко он отстоит от больших архипелагов.

– Кстати, Смит, – сказал Спилетт, – как вы ухитритесь определить широту и долготу места? Без инструментов это дело нелегкое!

– Ну, это еще успеется. Прежде всего надо позаботиться о защите.

– От какой опасности?

– Хотя бы от нападения туземцев с соседних островов.

– Что ж, позаботимся, – сказал Пенкроф.

Обзор острова был окончен. Его очертания, приблизительная величина, расположение лесов и равнин были обозначены в общих чертах на плане Спилетта. Теперь оставалось спуститься с горы и приняться за исследование почвы.

– Надо поскорее узнать, какими минеральными и растительными ресурсами располагает этот остров, – сказал Смит.

– И чем богат здешний животный мир, – прибавил Герберт.

– Так в путь! – сказал Пенкроф.

Но Смит приостановился и сказал своим спокойным, торжественным голосом:

– Вот, друзья мои, маленький клочок земли, куда забросила нас судьба! Здесь нам предстоит жить, и жить, может стать, очень долго... Может случиться, что неожиданно явится

откуда-нибудь помощь, – вдруг какое-нибудь судно окажется в виду острова... Я говорю «случиться», потому что остров этот не имеет никакого значения: здесь нет даже никакой гавани, ни порта, где могли бы приставать корабли. Я полагаю, что он лежит далеко в стороне от морских путей, по которым обыкновенно следуют суда, то есть слишком далеко на юг от пути судов, посещающих архипелаги Тихого океана, и слишком далеко на север от пути тех, которые отправляются в Австралию, огибая мыс Горн. Мне бы не хотелось напрасно вас обнадеживать, тешить неверными мечтами...

– И хорошо делаете, любезный Сайрес, – с живостью перебил Спилетт. – Вы имеете дело с людьми, которые вам верят и на которых вы можете положиться. Правду я говорю, друзья?

– Я готов слушаться вас во всем, господин Смит! – вскричал Герберт, сжимая руку инженера.

– Кто ж не послушается моего господина? – воскликнул Наб. – Его всякий послушается!

– Не будь я Пенкроф, если я заленюсь или впаду в уныние! – сказал моряк. – Если вы только пожелаете, господин Смит, так мы устроим из этого островка вторую Америку! Мы понастроим тут городов, проведем железные дороги, установим телеграфные столбы... И когда все у нас будет готово и дела отлично пойдут, мы преподнесем новый остров Соединенным Штатам... Только я потребую одного...

– Чего?

– Чтобы мы уже теперь не считали себя потерпевшими крушение в воздухе, а называли себя колонистами, которые явились сюда, чтобы основать колонию!

Смит не мог не улыбнуться, и предложение моряка было принято единогласно.

Затем инженер поблагодарил товарищей за доверие и прибавил, что рассчитывает на их энергию и мужество.

– Ну, теперь в путь! – крикнул Пенкроф. – Домой, к «Трубам»!

– Погодите минутку, друзья мои, – сказал Смит. – Мне кажется, нам следовало бы дать какое-нибудь имя этому острову, а также окрестить и все мысы, бухты и ручьи, какие у нас перед глазами.

– Очень хорошо, – отвечал Спилетт. – Это облегчит нам наши будущие распоряжения, экскурсии и сообщения.

– Разумеется, – прибавил моряк. – Уметь сказать, куда идешь или откуда пришел, – это что-нибудь да значит! Видно, по крайней мере, что находишься в определенных местах...

– «Трубы» так и останутся «Трубами»? – спросил Герберт.

– Что ж, «Трубы» – имя хорошее... Когда я его придумал, мне показалось уже не так дико и пустынно кругом... А что касается прочих имен, то их тоже нетрудно придумать. Я полагаю, лучше всего нам назвать эти места, как называли их разные робинзоны, о которых читал мне Герберт: залив Провидения, мыс Кашалотов, мыс Обманутой Надежды...

– А может, еще лучше будет, если мы назовем: мыс Спилетта, залив Смита, мыс Наба? – предложил Герберт.

– Мыс Наба! – воскликнул негр, показывая все свои ослепительно-белые зубы. – Я Наб, и мыс будет Наб?

– Что ж, и это очень хорошо придумано, – решил Пенкроф. – Порт Наба! Это звучит недурно! Мыс Гедсона...

– Я предпочел бы все мысы, заливы и бухты окрестить знакомыми именами, которые бы нам напоминали нашу родину, – сказал Спилетт, – нашу Америку...

– Я охотно на это соглашаюсь относительно больших заливов и мысов, – отвечал Смит. – Мы назовем обширный восточный залив заливом Союза. Вот ту широкую выемку на юге – заливом Вашингтона, а гору, на которой теперь стоим, горой Франклина. Согласны?

– Согласны! – отвечали все в один голос.

– Озеро, которое расстилается внизу, мы назовем озером Гранта... Эти имена будут нам напоминать родину и великих граждан, которые ее прославили...

Но, – продолжал Смит, – маленьким бухтам, рекам и небольшим мысам, которые мы видим отсюда, мне кажется, надо придумать названия, соответствующие их форме и очертаниям. Мы таким образом скорее запечатаем их в своей памяти. Остров представляет странную фигуру, и всякому месту нетрудно придумать подходящее имя. Что же касается рек и речек, которые нам неизвестны, различных частей леса, которые мы будем исследовать позже, бухт, которые мы откроем впоследствии, то мы будем их называть по мере продвижения. Как вы думаете, друзья?

Предложение было принято.

Остров развертывался перед ними, как карта, и оставалось только пометить именами все его выступающие углы и выемки, впадины и возвышения.

– Записывайте, Спилетт, – сказал инженер.

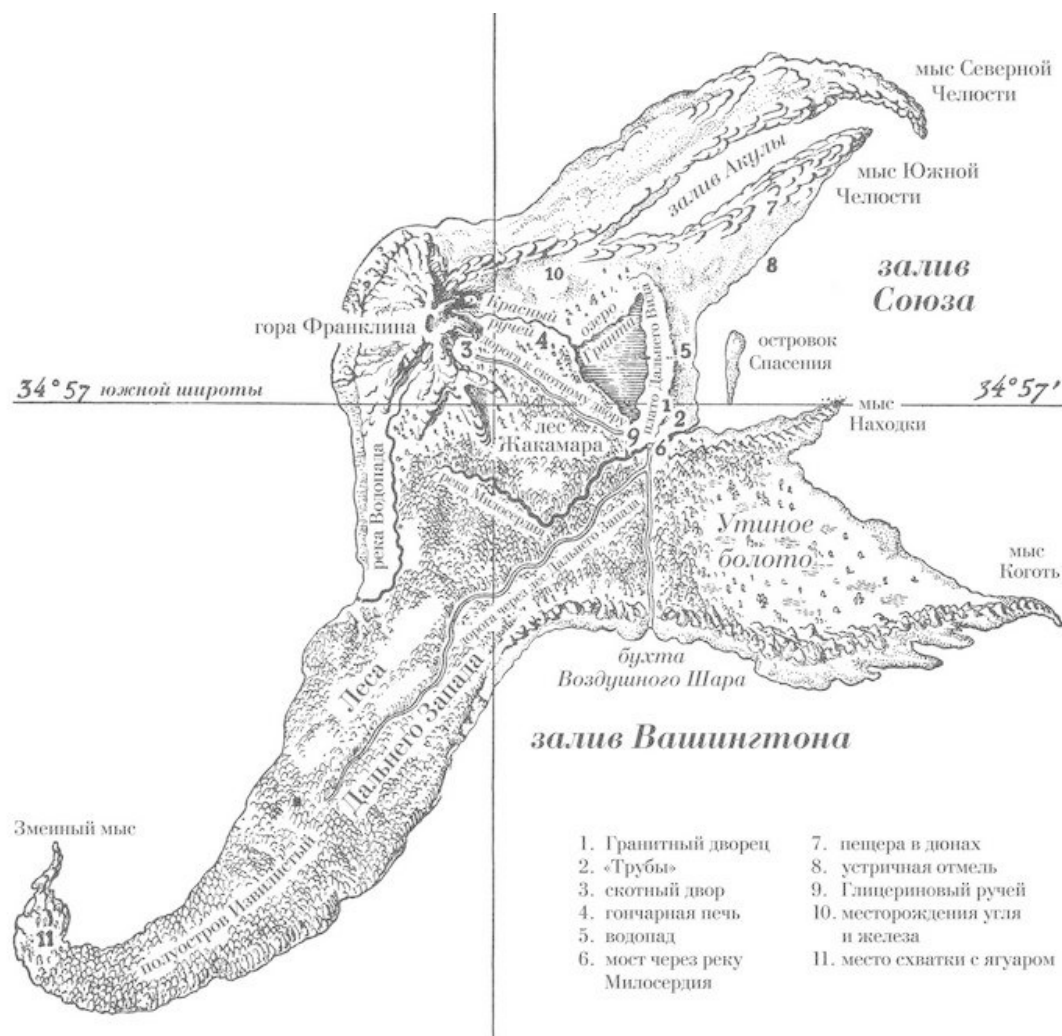
– Я готов.

Прежде всего отметили залив Союза, залив Вашингтона и гору Франклина.

– Этот полуостров на юго-западе, – сказал Спилетт, – предлагаю назвать Извилистым, а мыс, который заканчивает его, загибаясь хвостом, Змеиным. Посмотрите: ведь это совершенное подобие хвоста пресмыкающегося!

– Да будет по-вашему, – сказал инженер.

– А теперь окрестим другую оконечность острова, – сказал Герберт, – вот этот залив. Он чрезвычайно похож на раскрытую пасть, и, мне кажется, его хорошо бы назвать заливом Акулы.

– Отлично придумал, дружище! – воскликнул Пенкроф. – А коли мы еще назовем обе его части мысом Челюсти, так просто выйдет портрет!

– Да здесь два мыса, Пенкроф!

– Так что ж, что два? У нас будет мыс Северной Челюсти и мыс Южной Челюсти.

– Помечено, – сказал Спилетт.

– Теперь остается окрестить стрелку на юго-восточной оконечности острова, – сказал Пенкроф.

– То есть оконечность залива Союза? – спросил Герберт.

– Мыс Коготь! – воскликнул неожиданно Наб, который тоже желал окрестить какое-нибудь местечко.

И надо отдать Набу справедливость, он придумал совершенно подходящее название, потому что мыс весьма точно представлял собой подобие сильной когтистой лапы фантастического животного.

«Крестины» чрезвычайно развеселили Пенкрофа.

– А как же мы назовем речку, около которой нас выкинуло из шара и которая теперь снабжает нас пресной водой? – спросил Герберт.

– Речкой Милосердия, дружище! – отвечал моряк. – Непременно речкой Милосердия!

– А островок, на который мы сперва ступили?

– Островком Спасения!

– А площадку, которая возвышается над «Трубами» и откуда можно обозреть весь большой залив?

- Плато Дальнего Вида.
- А эти непроходимые леса, что покрывают полуостров Извилистый?
- Их можно окрестить лесами Дальнего Запада.
- На этот раз довольно, – сказал Смит.

Он определил положение острова относительно стран света как мог – по высоте и положению солнца, и оказалось, что залив Союза находится на востоке, равно как и все плато Дальнего Вида. На следующий день инженер намеревался точно определить север острова, заметив час восхода и захода солнца и определив половину времени, протекшего между этими двумя моментами.

Все собирались спускаться с горы, как вдруг Пенкроф воскликнул:

- Экие мы ветреники!
- Это почему? – спросил Спилетт, который уже закрыл свою записную книжку и встал.
- А сам наш остров еще не назван! Его-то мы и забыли!

Герберт хотел было предложить, чтобы остров назвали именем инженера, что, разумеется, одобрили бы все, но Смит не дал мальчику закончить фразу и сказал:

– Назовем его именем великого гражданина, друга, – гражданина, который в настоящую минуту борется за единство Американской Республики. Назовем его островом Линкольна!

В ответ на это предложение прогремело троекратное «ура».

В этот вечер, перед отходом ко сну, новые колонисты долго говорили о своей родной стране; они толковали о страшной ожесточенной войне, которая ее опустошает, и каждый из них был вполне уверен, что Юг будет скоро усмирен и что Север восторжествует, то есть восторжествует справедливость благодаря Гранту и Линкольну.

Разговоры эти происходили 30 марта 1865 года.

Колонисты не могли и предположить, что шестнадцать дней спустя в Вашингтоне будет совершено ужасное преступление – в Страстную пятницу Линкольна сразит пуля фанатика¹⁴.

¹⁴ 14 апреля 1865 г. Авраам Линкольн был смертельно ранен в театре.

ХII. Серный источник

Колонисты острова Линкольна бросили последний взгляд на развертывавшуюся под ними картину их нечаянно обретенных владений и начали спускаться с горы.

Они обогнули кратер, следуя по узкому выступу гребня, и через полчаса благополучно достигли первой площадки, где провели прошедшую ночь.

– По-моему, пора перекусить, – сказал Пенкроф. – Который час?

– А вот надо, кстати, проверить наши часы, – сказал Спилетт.

Часы его не залила морская вода, так как почтенный репортер был выброшен из шара на песок, куда морские волны не достигали. Часы эти были превосходные – настоящий карманный хронометр, и Спилетт весьма аккуратно заводил их каждое утро.

Что касается часов инженера, то они, разумеется, остановились, пока он находился в беспомощном состоянии и лежал у подножия песчаного холма, но не испортились. Смит завел их.

– Судя по высоте солнца, теперь должно быть около девяти часов, – сказал он. – Я так и поставлю.

Спилетт хотел было последовать его примеру, то есть поставить и свои часы на девять, но инженер остановил его руку и сказал:

– Нет, любезный Спилетт, вы своих не переводите. Ведь на ваших ричмондское время, да?

– Да.

– Следовательно, ваши часы поставлены по меридиану Ричмонда, а меридиан Ричмонда почти тот же, что и меридиан Вашингтона?

– Да.

– Ну так пусть ваши часы идут по часам Ричмонда. Заводите их, но не дотрагивайтесь до стрелок. Это может нам пригодиться!

«Как это может ему пригодиться?» – подумал моряк.

Колонисты принялись за еду, и так усердно, что истребили весь запас дичи и орехов. Это, впрочем, ничуть не тревожило Пенкрофа.

– Ничего, – говорил он, – по пути прихватим что-нибудь! Бедняге Топу сегодня осталось немного, и он, верно, постарается выследить какую-нибудь дичину в чаще.

Топ прыгал и вилял хвостом, как бы желая выразить свою готовность во всякое время служить по мере сил своим обществу.

– Знаете что, господин Смит? – сказал вдруг Пенкроф. – Хорошо бы наделать порошу да смастерить два-три ружья! Тогда бы мы вволю настреляли всякой всячины.

– Нельзя получить все сразу, Пенкроф, – сказал Спилетт. – Какой вы нетерпеливый!

– Да я не говорю, чтобы все сразу...

– Но со временем все будет – не беспокойтесь, дружище!

– Не отправиться ли к «Трубам» по другой дороге? – предложил Смит. – Мне бы хотелось поближе взглянуть на озеро Гранта, так великолепно осененное деревьями. Отправимся вот по этому склону. Здесь где-то берет свое начало ручей, который впадает в озеро.

Разговаривая, колонисты уже называли новоокрещенные места их именами, что всех забавляло и восхищало Герберта и Пенкрофа.

Бравый моряк, идя следом за своим питомцем, говорил ему:

– Каково, Герберт? Живо пошло в ход! Уж теперь нельзя заблудиться, дружище! Отправимся ли мы по дороге мимо озера Гранта, пойдем ли к реке Милосердия через леса Дальнего Запада, мы все-таки доберемся до плато Дальнего Вида и, значит, до залива Союза!

Колонисты договорились идти, не удаляясь друг от друга. По всей вероятности, в огромных лесах водились какие-нибудь хищные звери, и благоразумнее было не разлучаться.

Пенкроф, Герберт и Наб шли впереди, однако их опережал Топ, который шарил во всех ямках и уголках. Спилетт не расставался в пути с записной книжкой и карандашом, ежеминутно готовый записать все сколько-нибудь достойное внимания, а за ним следовал инженер, говоривший очень мало и беспрестанно наклонявшийся и поднимавший с земли то камешки, то былинки, то мох.

– Что это он подбирает? – бормотал Пенкроф. – Как я ни смотрю, не вижу ничего такого, что стоило бы прятать в карман...

Около десяти часов маленький караван спускался с последних уступов горы Франклина.

Почва не отличалась богатой растительностью; местами ее покрывали кустарники, и кое-где попадались деревья. Колонисты пробирались к лесной опушке по долине около мили длинной, по желтоватой, выжженной земле. Повсюду путники натыкались на извергнутые вулканические большие глыбы базальта, который, согласно данным Бишофа, охлаждался в земной коре триста пятьдесят миллионов лет. Однако следов лавы нигде не было видно, – вероятно, она изливалась главным образом по северному склону вулкана.

Смит надеялся беспрепятственно достигнуть ручья, который, по его мнению, должен был протекать между деревьями, где-нибудь неподалеку от лесной опушки, но вдруг он увидел, что Пенкроф и Наб притаились за выступом скалы, а Герберт быстро повернул назад.

– Что такое? – спросил Спилетт.

– Дым! – отвечал Герберт. – Мы видели дым... Вон там, между скалами... всего в каких-нибудь ста шагах от нас...

– Неужто в этих местах есть люди? – воскликнул Спилетт.

– Тише, – сказал инженер. – Нам лучше не показываться, прежде чем мы не узнаем, с кем придется иметь дело. Говоря по правде, я скорее боюсь, чем желаю встретить туземцев... Где Топ?

– Впереди.

– И не лает? Странно. Подойдем осторожнее...

Через несколько минут инженер, Спилетт и Герберт присоединились к Пенкрофу и Набу и тоже притаились за скалами из базальта.

Отсюда они очень ясно увидели дым, который вился столбом.

Смит тихонько свистнул, и чуткий Топ тотчас же явился.

Инженер сделал товарищам знак остановиться и вместе с Топом скрылся между скалами.

Колонисты не без тревоги ожидали результата этой разведки.

– И зачем он пошел один? – проворчал Пенкроф.

Вдруг раздался голос Смита. Он звал товарищей.

Все кинулись на зов и скоро нашли разведчика.

– Никого? – спросил Спилетт.

Затем все в один голос воскликнули:

– Что тут такое? Какой неприятный запах!

– Это сера! – сказал Герберт.

– Да, – отвечал инженер. – Мы напрасно тревожились, друзья. Этот огонь или, точнее, этот дым не дело рук человеческих, а дело природы. Здесь серно-щелочной источник, что весьма удобно: в случае воспаления гортани у нас будет чем полечиться!

– Отлично! – воскликнул Пенкроф. – Жаль, что я не болен... Сейчас бы полечился!

Колонисты направились к месту, откуда вырывался дым.

Они увидели между скал источник, от которого распространялся сильный запах сероводорода.

Смит попробовал воду и сказал, что она теплая и на вкус сладковатая.

– Какая температура? – спросил Спилетт.

– Около тридцати пяти градусов выше нуля, – отвечал инженер.

– Каким образом вы так точно определяете температуру, господин Смит? – спросил Герберт.

– Очень просто, мой милый. Опустив руку в эту воду, я не ощутил ни жара, ни холода, значит температура ее почти такая же, как и температура человеческого тела, то есть немного ниже тридцати семи градусов, или около девяноста пяти градусов по Фаренгейту. – И, обращаясь к остальным, Смит прибавил: – Так как сейчас мы не можем извлечь из этого источника никакой пользы, то нам, я полагаю, всего лучше идти далее.

Они направились к лесной опушке, которая зеленела в нескольких сотнях шагов.

– Я не ошибся, – сказал инженер, подходя к деревьям. – Смотрите, вот ручей!

Действительно, ручей катил свои быстрые, чистые воды между высокими красноватыми берегами.

– Судя по цвету берегов, – сказал Герберт, – здесь должна быть окись железа.

– По-моему, этот ручей следует окрестить Красным ручьем! – сказал Пенкроф.

Все охотно согласилось на предложение моряка.

Ручей, образовавшийся из вод, стекающих с гор, был широк, глубок и прозрачен. Он напоминал и тихую речку, и бурный поток: то спокойно растекался по песку, то бурлил и пенился по скалам, то с шумом падал, разметывая брызги. Он бежал то расширяясь – от тридцати до сорока футов, то сужаясь – мили полторы и вливался в озеро. Вода его была пресная.

– Если бы где-нибудь на берегу озера отыскалось местечко поудобнее и поуютнее наших «Труб», так Красный ручей нам бы очень и очень пригодился! – заметил Спилетт.

– Увидим, – ответил Смит.

Деревья по берегу ручья по большей части принадлежали к видам, которыми изобилуют умеренные широты Австралии, и мало походили на хвойные, встречавшиеся в прежде обследованной части острова в нескольких милях от плато Дальнего Вида. В эту пору года, в начале апреля, который в Южном полушарии соответствует нашему октябрю, они были еще покрыты листвой. Тут преимущественно росли казуарины и эвкалипты, и некоторые из них должны были доставить по весне сахарную манну, нисколько не отличающуюся от манны востока. Могучие австралийские кедры, возвышавшиеся на полянах, стояли в высокой траве, которую в Австралии называли туССок.

– Замечаете вы, что здесь вовсе не попадается кокосовых пальм, которыми так изобилуют все архипелаги Тихого океана? – сказал Смит.

– Да, – отвечал Герберт, – и это очень досадно: дерево полезное и орехи превкусные!

Что касается птиц, то их порхало бесчисленное множество. Черные, белые, серые какаду и попугаи всевозможных цветов, зеленые корольки, увенчанные алым хохолком, голубые лори – весь этот пернатый народец переливался различными красками, наполняя воздух оглушительным гомоном.

Вдруг в чаще раздались какие-то странные, дикие голоса. Колонисты услышали и звонкие птичьи трели, и кошачье мяуканье, и рык дикого зверя, и странные щелчки, как будто щелкал языком человек.

Наб и Герберт, забыв всякую осторожность, кинулись к месту, откуда слышались удивительные звуки. По счастью, они увидели не страшных зверей, а просто-напросто с полдюжины горных фазанов, известных под именем пересмешников. Несколько ловких ударов дубинкой прервали странный концерт и доставили превосходную дичь к обеду.

Герберт заметил великолепных голубей с золотистыми крыльями, одни с великолепным хохолком, другие с зеленым воротником, как их собратья на берегах залива Маккуори, но к ним невозможно было подобраться, точно так же как и к стаям грачей и сорок. Выстрел из ружья, заряженного мелкой дробью, положил бы на месте дюжину этих пернатых, но охотники

вынуждены были пока довольствоваться вместо всякого метательного оружия камнями, а вместо оружия огнестрельного – дубинкой.

– Плохо мы вооружены! – говорил Пенкроф с сокрушением, провожая глазами удаляющихся птиц.

– По-первобытному! – отвечал Герберт.

Не успел он произнести эти слова, как из чащи выскочило целое стадо четвероногих, скачками и прыжками перенеслось через заросли и умчалось.

– Кенгуру! – воскликнул Герберт.

– Я думал, какие-нибудь летучие звери! – удивился Пенкроф. – Они скакали футов на тридцать в высоту!.. Что ж, едят этих кенгуру?

– Если потушить на медленном огне, – сказал Спилетт, – так просто объединение!

Еще Спилетт не окончил фразы, как уже моряк, а за ним Наб и Герберт кинулись по следам кенгуру.

Напрасно звал их Смит, они его не слушали.

Разумеется, преследование не могло дать результатов. Через пять минут охотники остановились, с трудом переводя дух, а кенгуру исчезли в лесной зелени.

Топу посчастливилось не более.

– Господин Смит, – сказал Пенкроф, когда инженер и Спилетт к нему присоединились, – вы сами видите, что без ружей нельзя обойтись, и значит, непременно надо смастерить ружья... Возможное это дело?

– Это мы увидим потом, – отвечал инженер, – а пока смастерим луки и стрелы. Я уверен, вы в самом скором времени научитесь владеть этим оружием не хуже любого австралийского охотника.

– Луки! Стрелы! – сказал Пенкроф с несколько презрительной миной. – Такое оружие годится для детей!

– Не привередничайте, друг любезный, и не чваньтесь, – отвечал Спилетт. – Сколько веков проливали люди кровь с помощью этих самых луков и стрел! Порох ведь изобретен не так давно, а война, по несчастью, так же стара, как и род человеческий...

– Что правда, то правда, господин Спилетт, – отвечал моряк. – Я чересчур скор на слова. Как говорится, поспешу, да только людей насмешу! Уж вы, пожалуйста, извините!

Герберт, всегда готовый толковать о своей любимой науке, перевел разговор на кенгуру.

– Мы столкнулись с самыми резвыми кенгуру, – сказал он. – Это были великаны с длинной серой шерстью... Если я не ошибаюсь, есть кенгуру рыжие и черные, есть еще кенгуру горные, есть кенгуру-крысы, с которыми гораздо легче совладать. Насчитывают двенадцать видов кенгуру...

– Герберт! – сказал моряк наставительным тоном. – Для меня существует только один единственный вид кенгуру – кенгуру на вертеле, и именно этого-то вида у нас и не будет сегодня!

Спутники Пенкрофа не могли удержаться от смеха, услышав эту новую классификацию.

Доблестный моряк ничуть не скрывал своего огорчения по поводу неудавшейся охоты. Добытые фазаны не много его утешали.

– Поди-ка напитайся этими пересмешниками! – ворчал он, повертывая птиц. – Нечего на зуб положить!

Но судьба смиростивилась над ним.

Топ, понимая, что дело идет и о его собственном обеде, кидался во все стороны и всюду шарил; инстинкту помогал разыгравшийся аппетит.

Надо признаться, что, попадись в эту минуту какая-нибудь дичь, Топ, пожалуй, уступил бы искушению и ничего не оставил бы для охотников...

Но Наб наблюдал за собакой своего господина.

Около трех часов Топ исчез в кустах, и скоро оттуда раздалось глухое рычание, означавшее, что он с кем-то вступил в борьбу.

Наб кинулся на эти звуки и увидел, что Топ с жадностью пожирает какого-то зверька.

Топ так быстро управлялся со своей добычей, что Наб не узнал бы, какой зверь растерзан, если бы, по счастью, собака не попала на целый выводок и не положила на месте троих сразу. Два других зверька лежали, удушенные, на земле.

Наб с торжеством вышел из чащи, держа в каждой руке по грызуну – величиной с самого крупного зайца. Они были желтого цвета, испещрены зеленоватыми пятнами и почти бесхвостые.

Граждане Соединенных Штатов тотчас же их признали.

То были марасы, из породы агути, превосходящие размерами своих тропических собратьев, – настоящие американские длинноухие кролики, которые отличаются от агути тем, что у них по пять коренных зубов с каждой стороны челюсти.

– Ура! – воскликнул Пенкроф. – Жаркое есть! Теперь можно спокойно идти домой!

Прозрачные воды Красного ручья текли под сенью казуарин, банксий и громадных каучуковых деревьев. Великолепные лилейные растения доходили до двадцати футов в высоту. Другие древесные породы, неизвестные Герберту, склонялись над потоком, который журчал под их сводами.

Ручей все более и более расширялся, и Смит полагал, что они скоро достигнут его устья.

Действительно, выйдя из густой чащи роскошных деревьев, они увидели устье.

Исследователи находились на западном берегу озера Гранта. Перед ними открывался чудесный вид. Озеро обрамлял венок великолепных разнообразных деревьев. На востоке сквозь эту зеленую завесу, в некоторых местах живописно приподнимавшуюся, виднелся сверкающий горизонт моря.

– Настоящее маленькое Онтарио! – воскликнул Герберт.

Оно достигало почти семи миль в окружности, а площадь его равнялась двумстам пятидесяти акрам. С восточной стороны сквозь живописные просветы местами сверкало на солнце море. Северный берег озера изгибался плавной дугой, представлявшей контраст с резкими очертаниями южной его оконечности. На этом маленьком Онтарио собралось множество водяных птиц. В нескольких сотнях футов от южного берега из воды выступала одна-единственная скала, заменявшая собой «тысячу островов», которыми славится озеро того же названия в Соединенных Штатах. Здесь жили десятки зимородков-рыболовов; как только показывалась рыбка, они кидались, ныряли, испуская пронзительный крик, и снова появлялись с добычей в клюве. Далее, по берегам и на островке, расхаживали, бегали и кружились дикие утки, пеликаны, водяные курочки, красноголовки, шурки с язычком в виде кисточки и два или три образчика великолепных лирохвостов – хвостовые перья у них изящно загнуты в виде лиры.

Вода в озере была пресная, прозрачная и синеватая.

– Видите вы расходящиеся круги на воде? – спросил Пенкроф.

– Видим, – отвечали товарищи.

– Замечаете плеск там и сям на озере?

– Замечаем!

– Это знак, что тут рыбы вволю! Ура!

– Озеро чудесное! – сказал Спилетт. – Хорошо бы поселиться на его берегах...

– Поселимся, погодите! – отвечал Смит.

Колонисты, желая добраться к «Трубам» кратчайшим путем, спустились по южному берегу, не без труда проложили дорогу через заросли, которых еще не раздвигала рука человека, и направились к берегу.

Пройдя мили две, они увидели участок, покрытый густой травой, а дальше – безбрежное море.

Им предстояло еще перейти участок по диагонали, на протяжении мили, и спуститься до мыса, образуемого первой излучиной реки Милосердия, но инженеру хотелось исследовать, как и откуда изливается из озера вода, а потому они прошли еще около полутора миль к северу.

– Непременно где-нибудь существует спуск! – говорил Смит. – И вероятнее всего, мы отыщем его между гранитными скалами. Озеро это, по-моему, не что иное, как громадный водоем, мало-помалу наполнившийся от вод горного ручья. Да, излишек воды должен изливаться в море. Где-нибудь наверняка отыщется водопад или нечто в этом роде! Это обстоятельство очень важно...

– Почему? – спросил Герберт.

– Мы можем воспользоваться силой падения воды и что-нибудь тут устроить... Впрочем, прежде надо отыскать водопад.

Колонисты продолжали следовать по берегу озера и прошли еще милю, но так и не обнаружили, где спускается вода.

Было уже половина пятого.

– Пора домой, – сказал моряк, – а то останемся без обеда.

Маленький караван повернул назад и, пробираясь по левому берегу реки, благополучно достиг «Труб».

Пенкроф и Наб, принявшие на себя должность поваров, проворно развели огонь и быстро приготовили жаркое из мяса агути, которое всем чрезвычайно понравилось.

После обеда, когда все собирались отдохнуть, Смит вынул из карманов образчики различных минералов и сказал:

– Вот вам, друзья, железная руда, вот – пирит, вот – глина, вот – известняк, вот – уголь. Все это дает нам природа. Это ее доля работы. Завтра мы примемся за свою!

ХІІІ. Гончарная печь

– Ну, господин Смит, с чего же мы начнем? – спросил утром Пенкроф у инженера.

– С начала, – ответил Смит.

И действительно, колонисты должны были начать именно «с начала». У них пока еще не было ничего такого, с чем можно было бы приступить к заготовке самых необходимых инструментов, и они находились в условиях менее благоприятных, чем природа, которая, «тратя время, сберегает силы». Времени им как раз недоставало, так как они должны были сами заботиться о своем существовании, и хотя они располагали различными познаниями и у них не было необходимости изобретать что-то новое, но у них было далеко не все для того, чтобы приступить к обработке природного сырья. Их железо и сталь были пока что всего лишь природные ископаемые, посуда – глина, над которой должен был поработать гончар, из чего изготовить белье и одежду – им еще предстояло придумать.

Надо сказать, что каждый из колонистов был человеком в самом высоком значении этого слова. Инженер Смит не мог подобрать более умных, признательных и усердных помощников. Он уже их испытал. Он знал способности каждого из своих товарищей.

Гедеон Спилет, талантливый журналист, изучил самые разные предметы, чтоб иметь возможность говорить в своих статьях обо всем; его навыки и острый ум помогут обустроить колонию на острове. Спилетт сумеет справиться с любым заданием, а так как он заядлый охотник, то охота, которая до сих пор была для него развлечением, станет отныне его обязанностью.

Герберт – славный мальчик, его познания в естественных науках сослужат службу общему делу.

Наб, умный, ловкий и неутомимый, – это воплощенная преданность. Крепкий, наделенный железным здоровьем, он к тому же знал толк в кузнечном деле. Безусловно, его энергия и силы будут очень полезны колонии.

Пенкроф – моряк, избороздивший все моря и океаны, прекрасный плотник, который работал на корабельных верфях в Бруклине, бывал и подручным портного на государственных кораблях, садовником и землепашцем, когда приезжал на побывку домой, – словом, как и подобает моряку, он был мастер на все руки.

Поистине было бы трудно соединить пять человек, более пригодных к тому, чтобы помериться силами с судьбой, более уверенных, что выйдут из этой борьбы победителями.

Для начала, о котором говорил инженер, предстояло соорудить аппарат, который мог бы служить для обработки минерального сырья. Всякому известно то значение, какое имеет тепловая обработка. Следовало, значит, прежде всего приступить к устройству печи.

– А для чего нам печь? – спросил Пенкроф.

– Чтобы сделать глиняную посуду, которая нам нужна прежде всего, – ответил Смит.

– А из чего мы сделаем печь?

– Из кирпичей.

– А кирпичи?

– Из глины. За дело, друзья. Чтобы избежать всякой переноски, мы устроим мастерскую в том самом месте, где добывается глина. Наб позаботится о провизии, а в огне недостатка не будет.

– В огне, конечно, недостатка не будет, – ответил Спилетт, – но как раздобыть провизию, если нет оружия?

– Эх, если бы у меня был ножик! – воскликнул моряк.

– Ну, что ж тогда? – спросил Смит.

– Я бы живо смастерил лук и стрелы, и дичи у нас было бы сколько угодно!

– Да, ножик, острое лезвие, – сказал инженер, как бы рассуждая вслух.

В эту минуту взгляд его упал на Топа, который бегал по берегу. Вдруг взор Смита оживился.

– Топ, сюда! – крикнул он.

Собака прибежала на зов хозяина. Инженер обхватил руками шею пса, снял ошейник и, разломав его надвое, сказал:

– Вот вам два ножа, Пенкроф!

Моряк ответил громким «ура».

Ошейник Топа был сделан из тонкой пластинки закаленной стали. Нужно было сначала заточить пластинку о камень, а затем отшлифовать лезвие ножа с помощью мелкозернистого песчаника.

На берегу таких камней было в изобилии, и два часа спустя у колонистов имелось два инструмента, то есть две острые стальные пластинки, которые легко было вделать в рукоятки.

Приобретение первого орудия труда было большим торжеством для новой колонии. Приобретение действительно драгоценное и сделанное как нельзя более кстати.

Смит решил вернуться к западному берегу озера, где накануне они обнаружили глинистую почву и откуда он принес ее образцы. Все отправились по берегу реки Милосердия, перешли плато Дальнего Вида и, пройдя еще около пяти миль, достигли лужайки, расположенной в двухстах шагах от озера Гранта.

По дороге Герберт нашел дерево, из ветвей которого индейцы Южной Америки делают себе луки. Это дерево – крехимба – принадлежит к семейству пальмовых, но плоды его несъедобны. Длинные и прямые ветки были срезаны, очищены и обструганы; оставалось подыскать какое-нибудь растение, из которого можно было бы свить тетиву лука. Для этой цели годилось

растение из семейства мальвовых, принадлежащих к роду гибискуса, волокна которого обладают замечательной прочностью и не уступают сухожилиям животных.

Пенкроф смастерил несколько луков; доставало только стрел.

Стрелы легко было сделать из прямых и твердых веток, обрезав хорошенько сучки, но их надо было снабдить остриями, сделанными из какого-нибудь твердого вещества, которое могло заменить железо, а найти такое вещество было довольно трудно. Впрочем, Пенкроф не унывал: сказав себе, что он со своей стороны сделал все возможное, он положился на случай, который, по его мнению, должен был помочь ему выйти из затруднения. Колонисты пришли на место, найденное накануне.

Здесь почва состояла из красной глины, которая обычно пригодна для изготовления кирпича и черепицы. Ручная работа не представляла никаких затруднений. Надо было только смешать глину с песком, вылепить кирпичи и подвергнуть их обжигу. Обыкновенно для выделки кирпичей используют специальные формы, но колонистам пришлось лепить их руками.

Весь этот и следующий день были потрачены на такую работу. Глину смачивали водой, затем месили ногами и руками и, наконец, лепили бруски одинаковых размеров.

Опытный рабочий может сделать без помощи машины до десяти тысяч кирпичей за двенадцать часов, но пять мастеров острова Линкольна за целых два дня сделали не более трех тысяч. Приготовленные кирпичи были аккуратно сложены для просушки, на которую требовалось дня три или четыре, а затем их можно было обжигать.

2 апреля Смит принялся определять положение острова.

Еще накануне, приняв во внимание преломление лучей солнца около горизонта, он точно заметил час, когда солнце закатилось за горизонт. Поутру, на следующий день, он не менее точно заметил час, когда оно взошло. Между этим заходом и этим восходом солнца прошло двенадцать часов без двадцати четырех минут. Значит, в этот день через шесть часов двенадцать минут после своего восхода солнце должно вступить как раз на меридиан, и та точка на небе, которую оно будет занимать в данный момент, будет точкой севера¹⁵.

В назначенный час Смит заметил эту точку. Выделив затем два дерева, которые стояли за солнцем по одной линии, он, таким образом, точно определил полуденную линию, то есть получил неизменный меридиан для дальнейших наблюдений.

В продолжение двух дней колонисты запасались горючим материалом.

Около лужайки нарубили веток и собрали весь хворост, лежавший в лесу. При таком занятии, разумеется, дело не обошлось и без охоты, тем более что у Пенкрофа было около дюжины стрел с чрезвычайно прочными остриями. Эти острия доставил Топ. Он принес дикобраза, которого нельзя считать завидной добычей, но в настоящем случае он был для колонистов неоцененной находкой благодаря торчавшим на нем иглам. Эти колючки были прочно вделаны в концы стрел; боковые крылья стрел, необходимые для правильности их лета, делали из перьев какаду.

Спилетт и Герберт скоро стали весьма ловкими стрелками из лука. Что же касается зверей и пернатой дичи, как то: водосвинок, голубей, агути, глухарей и прочих, – то около «Труб» в них недостатка не было. Большую часть этих животных охотники били в лесной чаще, названной лесом Жакамара, в память птицы, которую Пенкроф и Герберт преследовали во время своей первой экскурсии.

Убитую дичь ели в свежем виде, а окорока водосвинок сберегали, прокоптив их в дыму сырых зеленых сучьев и предварительно приправив ароматной зеленью.

Пища эта, хотя и весьма питательная, но однообразная, несколько приелась, и колонисты с большим удовольствием заменили бы ее простым супом; но для этого надо было дожидаться горшка, в котором можно было бы варить мясо.

¹⁵ В это время года и на этой широте солнце восходило в 5 ч. 33 мин. утра, а заходило в 6 ч. 17 мин. вечера. (Примеч. автора.)

Охотники во время экскурсий, которые совершались неподалеку от кирпичного завода, заметили свежие следы больших животных с сильными когтями, но породу определить не могли. Смит советовал соблюдать величайшую осторожность, так как, весьма вероятно, здесь водились опасные звери.

И надо отдать ему справедливость, он дал благоразумный совет. Герберт и Спилетт однажды действительно встретили животное, походившее на ягуара. Этот зверь, к счастью, не напал на них, в противном случае они, быть может, не ушли бы от него без опасных ран. Спилетт дал себе слово, что, лишь только у них будет какое-нибудь надежное оружие, то есть одно из тех ружей, которых жаждал и добивался Пенкроф, он поведет ожесточенную войну против всех хищных и очистит от них остров Линкольна.

«Трубы» в течение этих нескольких дней оставались почти в прежнем положении, так как инженер рассчитывал устроить, если понадобится, жилье более удобное. Вся перемена состояла в том, что на песке, в узких проходах, была положена свежая подстилка из мха и сухих листьев, и на этих первобытных кушетках изнуренные труженики спали с большим наслаждением.

Высчитав время, проведенное на острове Линкольна, колонисты составили календарь, по которому вели правильный счет дням; с 5 апреля, которое приходилось на среду, минуло двенадцать дней, как потерпевшие крушение в воздухе были выброшены на пустынный берег.

6 апреля на рассвете инженер и его товарищи собрались на лужайке, в том месте, где должен был проходить обжиг кирпичей.

Разумеется, эту операцию надо было произвести на открытом воздухе, а не в печах; говоря проще, куча кирпичей должна была представлять громадную печь, которая обжигалась бы сама собой. Горючий материал был разложен на земле и окружен несколькими рядами высохших кирпичей, которые скоро образовали большой куб, снабженный снаружи отдушниками. Кладка кирпича продолжалась целый день, и только к вечеру подожгли дерево.

В продолжение всей ночи никто не спал: все внимательно следили, чтобы огонь не уменьшался.

Обжиг продолжался сорок восемь часов и удался как нельзя лучше. Затем надо было дать дымящейся массе охладиться.

В это время Наб и Пенкроф под руководством Смита на носилках из прутьев притащили в несколько приемов известняк – весьма обыкновенный камень, какого было много в северной части озера. Разлагаясь под влиянием жара, известняк давал негашеную известь, весьма жирную, сильно разбухающую при гашении и такую же чистую, какую можно было бы получить через обжигание мрамора. Такая известь, смешанная с песком, действие которого состоит в том, чтобы ослаблять оседание массы в то время, когда она затвердевает, дает превосходный цемент для построек.

9 апреля Смит имел уже в своем распоряжении некоторое количество приготовленной извести и несколько тысяч кирпичей.

Не теряя ни минуты, приступили к сооружению настоящей печи; успех дался без особого труда.

Пять дней спустя в печь был заложен каменный уголь, который нашли около устья Красного ручья. И из трубы футов двадцать вышиной вырвались первые клубы дыма. Прежняя лужайка превратилась в завод. Пенкроф твердо верил, что из этой печи выйдут все изделия современной промышленности...

В первую очередь колонисты вылепили обыкновенный горшок для варки пищи. Он был из глины, к которой Смит велел прибавить немного извести и кварца. Это была настоящая гончарная глина; из нее вылепили горшки, чашки различных форм, тарелки, большие кувшины, лохани для хранения воды и прочее. Изделия эти отличались неуклюжей и неправильной фор-

мой, но зато теперь кухня «Труб» располагала необходимой кухонной посудой, которая была для колонистов драгоценнее любого хрусталя и фарфора.

Здесь следует упомянуть, что Пенкроф, желая удостовериться, действительно ли найденная глина, таким образом приготовленная, годится для выделки трубок-носогреек, смастерил себе несколько штук, которые не поражали изяществом отделки, но которыми он восхищался. Увы! К этим трубкам не доставало табаку, что было большим лишением для Пенкрофа.

– Но табак явится, как и все остальное! – повторял он себе в порыве беззаветной веры.

Работы продолжались до 15 апреля, и, понятно, все это время было проведено с пользой. Колонисты, обратившись в горшечников, ничего не делали, кроме глиняной посуды. Если бы Смит счел нужным превратить их в кузнецов, они бы сделали кузнецами. Но так как на другой день было воскресенье Пасхи, то все согласились посвятить его отдыху.

Вечером 15 апреля все окончательно вернулись к «Трубам», перенесли туда оставшуюся на «фабрике» глиняную посуду, а печь погасили.

Возвращение в «Трубы» ознаменовалось счастливым случаем, а именно – находкой вещества, которое могло заменить трут. Обычно трутом называли ноздреватый, бархатистый гриб. Приготовленный надлежащим образом, он весьма легко воспламеняется, особенно если его предварительно натереть пушечным порохом или прокипятить в растворе селитры или бертолетовой соли. До сих пор никому из колонистов не удавалось находить таких грибов, даже сморчков, которые могли бы их заменить.

В этот день инженер сделал еще одно открытие. Он увидел растение, принадлежавшее к роду чернобыльника, и, сорвав несколько пучков, подал их моряку.

– Посмотрите, Пенкроф, – сказал он, – это вам доставит большое удовольствие.

Пенкроф внимательно посмотрел на растение, отличавшееся длинными шелковидными нитями, и потрогал его листья, покрытые нежным пушком.

– Что это такое? – спросил моряк. – Создатель мой! Уж не табак ли?

– Нет, – ответил Смит, – это китайский чернобыльник, а у нас он будет трутом.

И действительно, этот чернобыльник, должным образом высушенный, весьма легко воспламенялся, особенно когда инженер пропитал его селитрой, целые залежи которой были найдены на острове.

В этот вечер колонисты, собравшись в центральной комнате, отлично поужинали. Наб приготовил суп из агути и тушеную ногу водосвинки. Затем были поданы вареные клубни *caladium macrorrhizum*, травянистого растения из семейства ароидных, в тропической зоне принявшего древовидную форму. Эти корневища имели превосходный вкус, были весьма питательны и очень похожи на то вещество, которое в Англии продается под названием «портлендское саго». Они до определенной степени могли заменить хлеб, которого пока не было у колонистов острова Линкольна.

После ужина Смит с товарищами отправились подышать чистым воздухом на берег моря.

Вечер был великолепный. Луна еще не взошла, но горизонт уже серебрился нежными бледными оттенками, какие можно было назвать лунным рассветом. В зените блистали околополюсные созвездия и между ними Южный Крест, который инженер за несколько дней до этого приветствовал с вершины горы Франклина.

Смит какое-то время наблюдал это созвездие, которое имеет наверху и у основания две звезды первой величины, по левую сторону – звезду второй величины, по правую – третьей величины.

– Герберт, – сказал инженер как бы после некоторого размышления, – у нас сегодня пятнадцатое апреля?

– Да, господин Сайрес, – ответил Герберт.

– Ну, если я не ошибаюсь, завтра будет один из тех четырех дней в году, когда истинное, солнечное время равно среднему, то есть гражданскому времени; значит, завтра солнце вступит на меридиан ровно в полдень по нашим часам. Если погода будет хорошая, то, я полагаю, мне удастся определить долготу острова с точностью до нескольких градусов.

– Без инструментов? – спросил Спилетт.

– Да, – ответил инженер. – Так как ночь ясная, то я сегодня же вечером попробую определить широту посредством измерения высоты Южного Креста – созвездия Южного полюса – над горизонтом. Вы понимаете, друзья мои, принимаясь за обустройство прочного жилища, недостаточно знать, материк это или остров: надо по возможности хорошенько узнать, на каком расстоянии лежит этот остров от Америки, или от Австралии, или от главных архипелагов Тихого океана.

– Да-да, – сказал Спилетт, – вместо того чтобы строить дом, нам, быть может, полезнее построить судно, если нас выкинуло недалеко от обитаемого берега.

– Вот почему, – снова заметил Смит, – я попробую сегодня же определить широту острова Линкольна, а завтра – его долготу.

Смит вернулся в «Трубы».

При свете очага он вырезал две маленькие плоские линейки и соединил их между собой в одном конце, так что получилось нечто вроде циркуля, ножки которого могли раздвигаться и сдвигаться. Эти линейки были скреплены посредством крепкой колючки акации.

С этим инструментом инженер вернулся на берег; но так как ему предстояло измерить высоту полюса над горизонтом, ясно очерченным, то есть над горизонтом моря, и так как мыс Коготь закрывал от него горизонт с южной стороны, то надо было подыскать место более подходящее. Очевидно, наилучшим местом могло быть побережье, лежащее прямо на юге; но, чтобы туда попасть, следовало переправиться через реку Милосердия, которая была в это время очень глубока и перейти ее вброд было невозможно.

Смит решился отправиться для своих наблюдений на плато Дальнего Вида, рассчитывая принять во внимание его высоту над уровнем моря – высоту, которую он мог определить на другой день простым способом начальной геометрии.

Итак, поднимаясь по левому берегу реки Милосердия, колонисты перешли на плато и расположились на опушке.

Эта часть плато поднималась футов на пятьдесят над холмами правого берега, которые полого спускались с одной стороны до оконечности мыса Коготь, а с другой стороны – до южного берега острова. Отсюда горизонт открывался на всем протяжении от мыса Коготь до Змеиного мыса.

Озаренная светом луны, линия горизонта резко выделялась на небе и была удобна для наблюдения.

В эту минуту созвездие Южного Креста казалось наблюдателю опрокинутым, так как звезда альфа, находящаяся ближе к Южному полюсу, была в основании созвездия.

Это созвездие не так близко расположено к Южному полюсу, как Полярная звезда к Северному. Первая звезда (альфа) Южного Креста находится градусах в двадцати семи от Южного полюса, но Смит знал величину расстояния и мог учесть его в своих вычислениях.

Смит направил одну ножку своего деревянного циркуля на горизонт моря, а другую, заменяющую в настоящем случае зрительную трубу отражательного круга, на первую звезду. Отверстие между двумя ножками дало ему угловое расстояние, разделявшее первую звезду Южного Креста от горизонта. Чтобы измеренный угол оставался неизменным между двумя

дощечками его аппарата, инженер посредством колючек наколол их на третью дощечку, помещенную поперек, так что раздвинутые линейки прочно держались в этом положении.

Когда это было сделано, Смиту оставалось только определить величину измеренного угла, приведя наблюдение к уровню моря, дабы принять во внимание понижение горизонта, для чего необходимо было измерить высоту плато. Величина этого угла должна была дать, таким образом, высоту первой звезды Южного Креста и, следовательно, высоту полюса над горизонтом, то есть широту острова, ибо широта какого-нибудь места на земном шаре всегда равняется угловой высоте полюса над горизонтом того же самого места.

Эти вычисления были отложены до следующего дня, и в десять часов вся колония находилась уже в глубоком сне.

XIV. Положение острова определено

На другой день, 16 апреля, в Светлое воскресенье, колонисты вышли из «Труб» с самого раннего утра и принялись за стирку белья и чистку платья. Инженер надеялся изготовить мыло, лишь только будут найдены самые необходимые вещества: сода или поташ, жир или масло. Вопрос о пополнении гардероба тоже был не из последних. Впрочем, можно было рассчитывать, что старое платье продержится еще месяцев шесть; оно у всех было прочное и немаркое – именно такое, какого могли пожелать люди, занимающиеся черной работой.

Солнце, показавшееся на чистом горизонте, обещало великолепный день – один из тех прелестных осенних дней, которые можно назвать последним приветом теплого времени года.

– Итак, сегодня надо продолжить наблюдения, произведенные накануне, то есть измерить высоту плато Дальнего Вида над уровнем моря, – сказал инженер.

Герберт, желавший всему научиться, последовал за инженером, который отошел от гранитной стены и спустился к краю берега. Остальные принялись за различные работы по хозяйству.

Смит взял прямой шест футов двенадцать длиной и вымерил его, насколько возможно точно, сравнивая со своим собственным ростом, который был ему известен. Герберт нес отвес, врученный ему инженером, то есть простой камень, который был привязан к концу веревочки.

Не доходя футов двадцати до береговой кромки и футов около пятисот до гранитной стены, поднимавшейся отвесно, Смит воткнул свой шест на два фута в песок и, укрепив его хорошенько, поставил посредством отвеса перпендикулярно к плоскости горизонта.

Когда это было сделано, он отступил от шеста на такое расстояние, чтобы, лежа на песке, видеть одновременно, по прямой линии, конец шеста и гребень гранитной стены. Затем он тщательно наметил эту точку колышком.

– Ты знаком с основами геометрии? – спросил он, вставая и обращаясь к Герберту.

– Немножко знаю, – ответил Герберт.

– Помнишь свойства подобных треугольников?

– У них соответственные углы равны, а стороны пропорциональны.

– Ну, мой друг, у нас как раз есть два подобных треугольника. У первого, меньшего, одной стороной будет перпендикулярный шест, другой, горизонтальной, – расстояние от колышка до основания шеста, а третьей – линия от колышка до верхушки шеста. Ты видишь, что эта третья сторона совпадает с моим лучом зрения, когда я лежал навзничь и смотрел одновременно на верхушку шеста и гребень стены. Представляешь это себе, Герберт?

– Представляю, – ответил мальчик.

– Теперь представь себе другой, больший треугольник. Первой его стороной будет высота гранитной стены; второй, горизонтальной, – расстояние от колышка до основания этой стены, а третьей – расстояние от колышка до гребня стены, опять-таки по направлению того же луча зрения. Понял?

– Понял, господин Сайрес! – воскликнул Герберт. – Высота стены будет во столько же раз больше высоты шеста, во сколько расстояние от колышка до стены больше расстояния от колышка до шеста!

– Совершенно верно. Измерим как можно точнее эти расстояния и тогда составим пропорцию.

Оба горизонтальных расстояния были вымерены посредством того же самого шеста, который возвышался над песком ровно на десять футов.

Первое расстояние, между колышком и той точкой, где был воткнут в песок шест, оказалось пятнадцать футов.

Второе расстояние, между колышком и основанием стены, оказалось пятьсот футов.

Когда измерения были окончены, Смит и Герберт вернулись в «Трубы».

Здесь инженер взял плоский гладкий камень, найденный во время одной экскурсии. На нем было легко выцарапывать цифры посредством острой раковины. Смит составил следующую пропорцию:

$$\begin{aligned}15 : 500 &= 10 : x \\500 \times 10 &= 5000 \\5000 : 15 &= 333,33...\end{aligned}$$

Оказалось, что высота гранитной стены равняется тремстам тридцати трем футам.

Затем Смит взял инструмент, который сделал накануне и раздвинутые ножки которого дали ему угловое расстояние между первой звездой Южного Креста и горизонтом. Он весьма точно измерил величину этого угла по окружности, разделенной на триста шестьдесят равных частей. Этот угол после прибавления к нему двадцати семи градусов, отделяющих звезду от Южного полюса, и после приведения к уровню моря высоты плато, с которой производились наблюдения, оказался равным пятидесяти трем градусам. Вычтя их из девяноста градусов, то есть из расстояния полюса от экватора, получили угол тридцать семь градусов.

Отсюда Смит заключил, что остров Линкольна лежит на тридцать седьмом градусе южной широты, или, принимая во внимание несовершенство вычислений и с учетом возможной погрешности в пять градусов, остров должен находиться между тридцать пятой и сороковой параллелями.

Для окончательного определения положения острова оставалось узнать его долготу. Смит рассчитывал попробовать определить ее в тот же день, в полдень, то есть в тот момент, когда солнце будет проходить через меридиан.

Решено было использовать это воскресенье на прогулку или, точнее, на исследование той части острова, которая находилась между северной частью озера и заливом Акулы, и, если погода позволит, довести разведку до северного поворота мыса Южной Челюсти. Завтракать рассчитывали у дюн и только вечером вернуться домой.

В восемь часов тридцать минут утра караван направился по берегу потока. По другую сторону, на островке Спасения, кружилось в воздухе множество птиц. То были нырки, отличающиеся своим неприятным криком, напоминающим крик осла. Пенкроф смотрел на них как на дичь и не без некоторого удовольствия узнал, что их мясо, хотя и черноватое, довольно вкусно.

Тут тоже можно было видеть, как вдали ползали по песку большие ластоногие – вероятно, тюлени, которые, казалось, избрали островок своим убежищем. В пищу эти животные не годились: их маслянистое мясо отвратительно на вкус.

Смит, однако, с большим вниманием рассматривал их и, не открывая своей мысли товарищам, объявил, что очень скоро им предстоит отправиться на островок.

Берег, по которому следовали колонисты, был усеян бесчисленным количеством раковин, и многие из них доставили бы величайшее удовольствие зоологам, изучающим моллюсков. Среди этих раковин были фазианеллы, сверлильщики, тригонии и много других. Но куда более полезным открытием была устричная отмель, обнажившаяся при отливе. Наб обнаружил ее во время отлива между скал, милях в четырех от «Труб».

– У Наба день не пропал даром! – воскликнул Пенкроф, рассматривая далеко простирающийся риф из устричных раковин.

– В самом деле, это счастливое открытие, – сказал Спилетт, – и если только правда, что каждая устрица ежегодно производит от пятидесяти до шестидесяти тысяч яичек, то у нас неистощимый запас.

– Только я думаю, что устрицы не очень питательны, – сказал Герберт.

– Ты не ошибаешься, – ответил Смит. – Устрица содержит весьма мало азотистых веществ. Для человека, который стал бы питаться исключительно ими, потребовалось бы не менее пятнадцати или шестнадцати дюжин ежедневно.

– Отлично! – ответил Пенкроф. – Мы можем истреблять их сколько душе угодно – и все-таки не скоро истребим эту отмель. Не взять ли несколько дюжин на завтрак?

И, зная наперед, что все их одобряют, моряк и Наб оторвали некоторое количество этих моллюсков, уложили в сеть из волокон гибискуса, где уже находился кое-какой запас провизии. Затем начали подниматься по берегу, между дюнами и морем.

Смит время от времени посматривал на часы, чтобы загодя приготовиться к наблюдению за Солнцем, которое необходимо было произвести ровно в полдень.

Вся эта часть острова была пустынна до самого мыса Южной Челюсти. Ничего не попадалось, кроме песка и раковин, смешанных с обломками застывшей лавы. Некоторые морские птицы посещали, однако, этот берег: чайки, большие альбатросы и дикие утки. Последние возбуждали в Пенкрофе алчное желание как-нибудь ими завладеть. Он пробовал было пускать в них стрелы, но без успеха, так как птицы не сидели на одном месте и их следовало бить на лету.

После каждого неудачного выстрела моряк говорил Смицу:

– Вы сами видите, что, пока у нас не будет охотничьего ружья, никогда не наберем вдоволь съестных припасов!

– Разумеется, Пенкроф, – отвечал Спилетт, – но остановка только за вами... Дайте нам железа для пушек, стали для батарей, селитры, угля и серы для приготовления пороха, ртути и азотной кислоты для гремучей ртути в пистонах, наконец, свинца для пуль – и Смит сделает для вас ружья первого сорта.

– О! – ответил инженер. – Все эти вещества мы, разумеется, можем найти на острове, но огнестрельное оружие невозможно сделать без хороших инструментов. Впрочем, мы впоследствии посмотрим, попробуем...

– Зачем мы выкинули за борт все оружие, которое было в корзине! – воскликнул Пенкроф. – Выкинули все вещи, даже карманные ножи!

– Но, Пенкроф, если бы мы не выкинули всего этого, – сказал Герберт, – шар упал бы скорее и мы бы сами очутились на дне моря...

– Твоя правда, дружище! – ответил моряк.

Затем Пенкроф прибавил:

– Вот, я думаю, удивился-то Джонатан Форстер и его товарищи, когда на другой день явились на площадь и никакого шара там не нашли!

– Я мало заботился о том, что они могли подумать, – сказал Спилетт.

– А ведь мысль-то улететь на шаре принадлежит мне! – сказал Пенкроф с самодовольным видом.

– Блестящая мысль, Пенкроф! – ответил, улыбаясь, Спилетт. – Благодаря ей мы очутились здесь.

– Уж лучше здесь, чем в руках южан! – воскликнул моряк. – Гораздо лучше... Здесь даже хорошо... особенно с тех пор, как к нам присоединился господин Смит.

– Совершенно с вами согласен, Пенкроф, – сказал Спилетт. – Чем здесь худо? Чего нам не хватает? В чем недостаток?

– Ни в чем, если не... во всем! – ответил Пенкроф, разражаясь громким смехом и встряхивая широкими плечами. – Но рано или поздно мы найдем средство выбраться отсюда!

– Мы, быть может, выберемся отсюда скорее, чем вы полагаете, друзья мои, – сказал инженер, – если только остров Линкольна находится не на далеком расстоянии от какого-нибудь обитаемого архипелага или материка. Не пройдет и часа, как мы сможем это узнать. У меня нет с собой карты Тихого океана, но я по памяти хорошо знаю южную его часть. Судя по широте, какая у меня вчера получилась, остров Линкольна с западной стороны находится

против Новой Зеландии, а с востока – против берегов Чили. Но между этими двумя странами по крайней мере шесть тысяч миль. Таким образом, остается узнать, какое место занимает наш остров в этом обширном пространстве, и, я надеюсь, мы довольно точно определим это место, если нам будет известна долгота острова.

– По широте, кажется, архипелаг Туамоту самая близкая к нам земля? – спросил Герберт.

– Да, – ответил инженер, – но от нас до этого архипелага будет более тысячи двухсот миль.

– А здесь что? – сказал Наб, который с величайшим интересом следил за разговором, указывая рукой на юг.

– Здесь ничего, – ответил Пенкроф.

– Действительно ничего, кроме воды, – прибавил инженер.

– Ну а что, если остров Линкольна находится в двухстах или трехстах милях от Новой Зеландии или от берегов Чили?.. – спросил Спилетт.

– Тогда, – ответил инженер, – вместо того чтобы строить дом, мы построим судно, а Пенкроф примет на себя обязанность управлять им...

– Еще бы, господин Смит! – воскликнул моряк. – С полной готовностью приму звание капитана, лишь бы только вы нашли средство построить лодку, которая могла бы держаться на воде.

– Построим, если будет необходимость, – ответил Смит.

Между тем, пока эти смельчаки составляли планы на будущее, приближался час наблюдения.

Но как Смит определит момент прохождения Солнца через меридиан, не имея инструментов?

Этого Герберт не мог угадать.

Наблюдатели находились в шести милях от «Труб», неподалеку от той части дюн, где был найден инженер после своего загадочного спасения. В этом месте маленький караван остановился, и путники решили приступить к завтраку, так как было уже половина двенадцатого. Герберт отправился за пресной водой к протекавшему вблизи ручью и принес ее в кувшине, который Наб захватил с собой из «Труб».

Пока длились эти приготовления, Смит расположил все, что было нужно для наблюдений. Он выбрал совершенно чистое место, которое было отлично выровнено морским отливом: слой мелкого песка был так гладко укатан, что ни одна песчинка не выдавалась выше другой. Впрочем, было вовсе не важно, горизонтален выбранный слой или нет, тем более что шест длиной шесть футов, воткнутый в эту площадку, был к ней перпендикулярен. Инженер даже нарочно наклонил его к югу, то есть в противоположную от Солнца сторону, ибо не следует забывать, что колонисты острова Линкольна уже вследствие того, что остров находился в Южном полушарии, видели лучезарное светило описывающим свою дневную дугу над северным горизонтом, а не над южным.

Теперь Герберт понял, как инженер хочет действовать. Он хотел определить время прохождения Солнца через меридиан посредством тени, отбрасываемой на песке шестом, — способ хотя и приблизительный, но, за неимением точных инструментов, и он мог дать довольно удовлетворительный результат.

Момент, в который тень от шеста будет наименьшая, и будет полднем, и достаточно проследить за движением конца этой тени, чтобы заметить минуту, когда тень, постепенно уменьшившись, начнет снова удлиняться. Наклонив шест в сторону, противоположную Солнцу, Смит сделал его тень длиннее и, таким образом, имел возможность легко следить за изменениями ее длины. Действительно, чем длиннее стрелка циферблата, тем легче следить за движением ее конца. Тень от шеста была в этом случае не что иное, как стрелка,двигающаяся по циферблату.

Когда Смит рассчитал, что время наблюдения наступило, он стал на колени и, втыкая в песок маленькие колышки, начал отмечать постепенное уменьшение тени, отбрасываемой шестом. Его товарищи, наклонившись над ним, с величайшим интересом следили за всей этой операцией.

Спилетт держал в руке свой хронометр и готовился заметить минуту и секунду, когда тень будет самая короткая. Кроме того, так как Смит производил наблюдение 16 апреля, то есть в тот день, когда истинное время и среднее время сравниваются, то момент, замеченный Спилеттом на хронометре, был бы тем же самым моментом на меридиане Вашингтона, что упрощало вычисление.

Между тем Солнце медленно подвигалось; тень мало-помалу уменьшалась, и, когда Смит заметил, что она начала удлиняться, он спросил:

– Который час?

– Пять часов и одна минута, – ответил Спилетт.

Наблюдение было окончено. Оставалось сделать весьма легкое вычисление.

Таким образом, оказалось, что между меридианом Вашингтона и меридианом острова Линкольна была, круглым счетом, разница в пять часов, а это значило, что, когда на острове Линкольна был полдень, в Вашингтоне в этот же самый момент было уже пять часов вечера. Солнце во время своего кажущегося суточного движения вокруг Земли пробегает один градус в четыре минуты; следовательно, в час оно проходит пятнадцать градусов. Пятнадцать (градусов), умноженные на пять (часов), составят семьдесят пять градусов.

Так как Вашингтон находится на меридиане семьдесят семь градусов три минуты одиннадцать секунд, или, можно сказать, в семидесяти семи градусах от Гринвичского меридиана, который американцы вместе с англичанами принимают за начало счета долгот, то оказывалось, что остров лежал на расстоянии семидесяти пяти градусов к западу от меридиана Вашингтона, то есть на сто пятьдесят втором градусе западной долготы.

Учтя возможную погрешность наблюдений, Смит мог теперь сказать, что остров Линкольна находится между тридцать пятым и тридцать седьмым градусом южной широты и между сто пятидесятым и сто пятьдесят пятым градусом западной долготы.

Так как на возможную ошибку Смит клал пять градусов в ту и другую сторону, то, считая по шестьдесят морских миль на географический градус, выходило, что ошибка могла быть в триста миль.

Но эта ошибка не могла сильно повлиять на будущие планы колонистов. Было ясно, что остров Линкольна находится на таком расстоянии от всякой земли или архипелага, что невозможно его преодолеть на простой и ненадежной лодке.

Действительно, остров находился по крайней мере в тысяче двухстах милях от Таити или архипелага Туамоту, более чем в тысяче восьмистах милях от Новой Зеландии и более чем в четырех тысячах пятистах милях от американского берега!

Как ни старался Смит возобновить в своей памяти подробности карты Тихого океана, он никоим образом не мог вспомнить, чтобы в этой его части какой-нибудь остров занимал то место, какое отведено было острову Линкольна.

XV. Изготовление железа

На другой день, 17 апреля, Пенкроф первым делом спросил Спилетта:

– Ну, что мы сегодня будем делать?

– Что будет угодно Смиту, – ответил тот.

Накануне исследование было доведено до стрелки мыса Челюсти, находившейся милях в семи от «Труб». Тут кончался длинный ряд дюн, и далее начиналась вулканическая почва. Это уже не были высокие стены, как на плато Дальнего Вида; странная и причудливая кайма скал обрамляла узкий залив между двумя мысами, состоявшими из минеральных веществ, которые некогда были извержены вулканом. Дойдя до стрелки, колонисты вернулись назад и поздно ночью вошли в «Трубы», но никто не уснул, прежде чем окончательно не был решен вопрос о том, следует ли сделать попытку покинуть остров Линкольна или нет. Тысяча две-сти миль, отделявших остров от архипелага Туамоту, составляли расстояние весьма большое. Нечего было и думать переплыть его на какой-нибудь лодке, тем более в преддверии зимнего времени года с немалым количеством бурь. Пенкроф прямо объявил о невозможности такого путешествия. Притом построить самую простую лодку, даже имея под руками все необходимые инструменты, трудное дело, а у колонистов не было практически никаких инструментов; следовательно, для начала пришлось бы изготовить молоты, топоры, тесла, пилы, буравы, рубанки и все прочее, на что ушло бы много времени.

Итак, все окончательно решили зимовать на острове, но подыскать более удобное жилище, чем «Трубы», и в нем провести зимние месяцы.

Прежде всего надо было обработать железную руду, несколько месторождений которой инженер заметил в северо-западной части острова, и превратить ее или в настоящее железо, или в сталь.

Металлы в почве обыкновенно не содержатся в чистом состоянии. По большей части их находят в соединении с кислородом или с серой. Оба образца, принесенные Смитом, именно и были: один – магнитный железняк, а другой – железный колчедан, или сернистое железо. Чтобы из первого, представлявшего соединение железа с кислородом, то есть окись железа, получить железо в чистом состоянии, надо было восстановить его посредством прокалывания с углем, то есть отнять кислород от окиси железа. Такое восстановление производится или тем, что руду и уголь нагревают до высокой температуры, – для этого используют скорый и легкий «каталонский способ», имеющий то преимущество, что он сразу превращает руду в железо; или же, наконец, способом обжигания руды в высоких горнах (доменных печах), причем руду превращают сперва в чугун, а затем чугун – в железо, отнимая у чугуна находящийся в соединении с железом углерод.

Что именно хотел получить Смит?

Железо, а не чугун, и притом он должен был найти самый скорый способ выплавки железа. К тому же открытая им руда была сама по себе весьма чиста и весьма богата содержанием железа.

Эта руда встречается в виде бесформенных масс темно-серого цвета, дает черный порошок, кристаллизуется правильными восьмигранниками; она является естественным магнитом и служит для получения в Европе тех высококачественных сортов железа, которые в таком количестве производят Швеция и Норвегия. Невдалеке от железного рудника находился и каменный уголь, которым уже пользовались колонисты, что должно было облегчить обработку руды. Подобными условиями объясняется широкое развитие железной промышленности в Англии, где в некоторых местах уголь используют для выработки металла, извлекаемого из одной и той же почвы с каменным углем, то есть одновременно с добычей этого угля.

– Теперь, господин Смит, – сказал Пенкроф, – мы примемся за железную руду?

– Да, друг мой, – ответил инженер, – а для этого начнем с охоты на тюленей, против которой вы, вероятно, ничего не возразите.

– На тюленей? – воскликнул моряк, обращаясь к Спилетту. – Значит, для выработки железа нужны тюлени?

– Так считает Смит, – ответил Спилетт.

Между тем инженер уже покинул «Трубы», и Пенкроф, не получив объяснений, начал готовиться к охоте.

Скоро колонисты во время отлива перешли вброд на островок Спасения, не замочив ног выше колен. Сайрес Смит же ступил на этот островок впервые.

Они увидели целые сотни пингвинов, которые с самым добродушным видом взирали на новых пришельцев. Колонисты, вооруженные палками, могли бы легко их подбить, но они этого не сделали, потому что шум мог спугнуть тюленей, растянувшихся на песке на расстоянии нескольких кабельтовых. Они стали осторожно подвигаться к северной оконечности островка, следуя по почве, испещренной мелкими промоинами, в которых устраивали свои гнезда птицы. Скоро показались огромные черные точки. Издали можно было подумать, что это верхушки подводных утесов, находившиеся в движении.

– Видите? Видите? – шепнул Пенкроф.

То были те самые тюлени, на которых колонисты собирались охотиться. Прежде всего надо было дождаться, чтобы они выбрались на берег, потому что тюлени превосходно плавают и ловить их в море весьма трудно, меж тем как по земле они передвигаются довольно медленно и скорее ползают, чем ходят, так как их короткие ласты почти вовсе не помогают им при передвижении.

Пенкроф знал привычки этих животных.

Охотники укрылись за утесами и стали безмолвно выжидать выхода тюленей из воды.

Прошел по крайней мере час, пока тюлени выползли. Их было с полдюжины.

Тогда Пенкроф и Герберт стали обходить мыс островка, чтобы таким образом зайти в тыл и загородить животным обратный путь в воду. В это же время Смит, Спилетт и Наб поползли вдоль утесов, подкрадываясь к тюленям.

Вдруг моряк выпрямился во весь рост и громко крикнул. Смит и его товарищи кинулись к морю, чтобы преградить дорогу тюленям.

Два неуклюжих тюленя, поверженные сильными ударами дубинки, лежали мертвыми на песке; остальные успели добраться до воды.

– Вот вам тюлени, господин Смит! – сказал Пенкроф.

– Хорошо, – ответил Смит, – мы из них устроим кузнечные мехи!

– Мехи? – воскликнул Пенкроф. – Отлично! Так вот на что они вам были нужны!

Действительно, для обработки руды инженеру нужно было устройство для раздувания огня при выплавке металла, и он рассчитывал сделать его из тюленьей кожи. Убитые тюлени были средних размеров, длина их не превосходила шести футов, а голова очень походила на собачью.

Так как бесполезно было бы перетаскивать такой тяжелый груз, то Наб и Пенкроф решили снять шкуры на месте, пока Смит и Спилетт исследовали островок.

Моряк и негр проворно исполнили свою работу, и через три часа в распоряжении Смита оказались две тюленьи шкуры.

Колонисты дождались отлива и, переправившись через пролив, вернулись к «Трубам».

Немалого труда стоило натянуть тюленьи шкуры на деревянные рамы и так сшить их посредством волокон, чтобы эти мехи не пропускали назад воздух, который выходил бы только через одно проделанное отверстие.

Эта работа удалась не сразу. У Смита пока были всего две острые стальные пластинки, сделанные из ошейника Топа. Однако инженер был так ловок и его товарищи с такой энер-

гией помогали ему, что спустя три дня к инструментам маленькой колонии прибавился снаряд, предназначенный для нагнетания воздуха в массу руды во время ее восстановления посредством жара, что составляет неизбежное условие для успешного хода операции.

С утра 20 апреля начался «металлургический период», как назвал его Спилетт в своей записной книжке.

Инженер решил воспользоваться одновременно месторождениями угля и руды. По его наблюдениям, они находились у основания передних северо-западных уступов горы Франклина, на расстоянии шести миль. Возвращаться каждый день в «Трубы» было бы неудобно, а потому решили расположиться лагерем в шалаше: оттуда колонисты могли следить за работой днем и ночью.

Все отправились с утра на работу; Наб и Пенкроф тащили на плетенке мехи, сделанные из тюленьих шкур, а также небольшие запасы всякой провизии, к которым они надеялись по пути добавить еще какую-нибудь дичь.

Дорога, избранная колонистами, шла через лес Жакамара, который приходилось пересекать с юго-востока на северо-запад, и притом в самой густой его части. Необходимо было проложить тропинку, то есть устроить кратчайший путь между плато Дальнего Вида и горой Франклина.

Деревья были великолепны. Герберт заметил драцену, которую Пенкроф обозвал хвастливым пореем, потому что, невзирая на свой рост, она принадлежала к семейству лилейных, как порей, лук-шалот и спаржа.

Отваренные корни драцены очень вкусны, а если их подвергнуть брожению, то получается отличный ликер.

Колонисты захватили запас этих кореньев.

Переход через лес продолжался целый день; зато колонисты могли наблюдать фауну и флору. Топ, разумеется, специально следил за фауной, бегал и без разбору вспугивал всякого рода дичь.

Герберт и Пенкроф убили стрелами двух кенгуру и еще одно животное, которое походило и на ежа, и на муравьеда: на ежа потому, что оно свертывалось в шар и было снабжено иглами, а на муравьеда потому, что у него были когти роющих животных, длинная и узкая мордочка и тонкий и длинный язык, снабженный маленькими колючками, которые служили ему для задерживания насекомых.

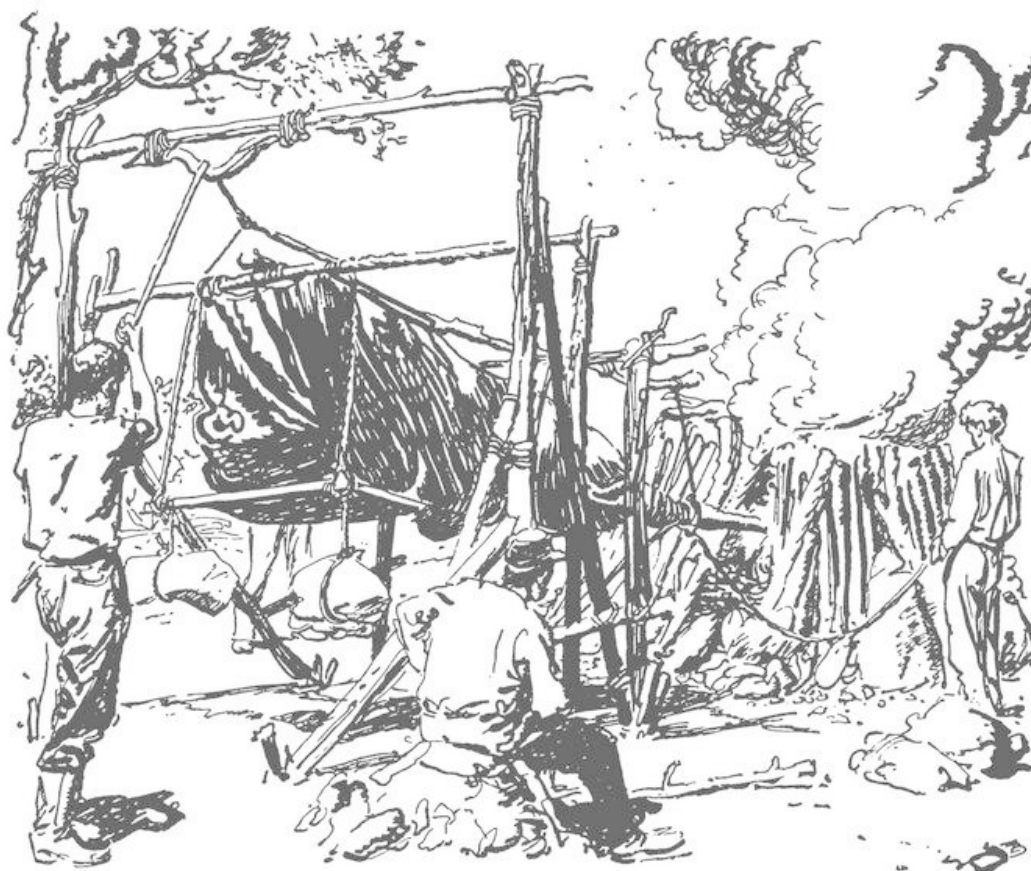
- А на что будет походить этот зверь, если его положить в суп? – спросил Пенкроф.
- На отличный кусок говядины, – ответил Герберт.
- Мы от него большего и не требуем, – сказал моряк.

Во время этой экскурсии было замечено несколько диких кабанов, которые вовсе не собирались нападать на маленький караван. Никто не рассчитывал встретить здесь хищных зверей, как вдруг Спилетт увидел в густой чаще, всего в нескольких шагах, на нижних ветвях дерева, какое-то животное, которое он принял за медведя. Зверь начал тихо выдвигаться из-за кустов. К счастью для Спилетта, животное вовсе не принадлежало к страшному семейству стопоходящих. Это был коала, ростом с большую собаку, покрытый жесткой, во все стороны торчащей шерстью грязного цвета, с лапами, снабженными мощными когтями, с помощью которых он карабкается по деревьям и достает пищу – листья и червяков. Спилетт подошел ближе к животному и со вниманием стал его рассматривать, что нисколько не помешало тихому продолжать свои занятия; убедившись в ошибке, корреспондент вычеркнул слово «медведь» из записной книжки, поставил «коала», и колонисты отправились далее.

В пять вечера Смит подал знак остановиться. Он уже вышел из леса и стоял у того места, где начинались громадные передние отроги, подпиравшие гору Франклина с востока. В нескольких сотнях шагов протекал Красный ручей, и пресная вода, следовательно, находилась недалеко.

Колонисты тотчас же расположились лагерем. Менее чем через час у опушки леса, между деревьями, из ветвей, переплетенных лианами и покрытых глиной, наскоро устроен был шалаш, где можно было укрыться в случае непогоды. Перед ним развели сильный огонь, и после ужина, приготовленного на вертеле, в восемь часов все уже спали, за исключением одного, который должен был поддерживать огонь на случай появления опасного зверя.

На другой день, 21 апреля, Смит в сопровождении Герберта отправился исследовать почву, где он нашел образчик руды. Рудник был на поверхности земли, почти у самых истоков потока. Его руда, весьма богатая железом и легкоплавкая, как нельзя более подходила к «каталонскому способу» восстановления металла, каким инженер хотел воспользоваться, как это делают, например, на Корсике.

Для «каталонского способа» требовалось устройство печей и плавильников, в которых руда и уголь, уложенные попеременно слоями, претерпевали бы изменение под влиянием жара и металл бы восстанавливался. Но Смит хотел обойтись без новых сооружений, а просто устроить из руды и угля кубической формы кучу, в середину которой направить ток воздуха. Таков, без сомнения, был способ первых металлургов обитаемого мира, его применял некогда библейский Тувалкаин. То, что удавалось внукам Адама, что дает еще и теперь хорошие результаты в странах, богатых рудой и углем, не могло не удаться и ныне в тех условиях, в которых находились колонисты.

Прежде чем подвергнуть руду обжигу, ее разбили на мелкие куски и просто руками откинули примеси, находившиеся на ее поверхности. Затем уголь и руда были сложены в кучу чередующимися слоями, подобно тому как это устраивают угольщики при обжиге дерева. Под влиянием жара и струи воздуха, вдуваемой мехами, уголь должен был превращаться в углекислоту,

затем в окись углерода (угарный газ), которая восстанавливала окись железа, то есть отнимала у нее кислород.

Мехи из тюленьих кож, снабженные трубой из огнеупорной глины, которая была заранее приготовлена в печи для глиняной посуды, были установлены около кучи. Приводимые в движение механизмом, состоявшим из рамы, веревок, свитых из волокон, и противовеса, мехи вгоняли внутрь кучи струю воздуха, который, увеличивая температуру, помогал превращению руды в железо.

Весь этот процесс выплавки железа весьма трудоемок. Потребовались все терпение, вся изобретательность колонистов, чтобы повести его удачно. Наконец труды увенчались успехом: получился в виде губки ком железа, который надо было проковать, чтобы извлечь находившуюся в нем расплавленную породу. У наших кузнецов не было молота, они находились в таких же условиях, в каких, вероятно, находился первый металлург, и должны были действовать, как, вероятно, действовал он.

Первый железный ком с прикрепленной к нему палкой послужил для проковывания второй выплавки на гранитной наковальне, и таким образом получился металл, хотя и грубо выделанный, но которым уже можно было пользоваться.

И вот после многих усилий и тяжелых трудов 25 апреля несколько железных полос было выковано и обращено в разные инструменты, как то: ломы, клещи, заступы, топоры и прочие, которые, по мнению Пенкрофа и Наба, были чуть не чудом совершенства.

Но для создания разных инструментов используется не железо, а главным образом сталь. Сталь есть соединение железа с углеродом, которое получают или из чугуна, отнимая у него избыток углерода, или из железа, прибавляя к нему недостающее количество углерода. Сталь, получаемая через разугление чугуна с помощью его обжигания, называется естественной сталью, или пудлингованной; сталь же, получаемая через соединение железа с углеродом при сильном накаливании, называется цементной.

Смит должен был избрать второй способ добычи, так как у него было железо, а не чугун. Он подверг накаливанию металл, пересыпанный угольным порошком, в тигле из огнеупорной глины. Затем эту сталь, одинаково ковкую как в жару, так и на холоде, он перековал молотом. Наб и Пенкроф, с надлежащими указаниями инженера, выковали стальные топоры, которые после накаливания докрасна и быстрого погружения в воду приобрели превосходную закалку.

Другие инструменты, как то: ножи, топоры, кирки, стальные ленты, которые должны были превратиться в пилы, стамески, затем заступы, лопаты, мотыги, молоты, гвозди и прочее – разумеется, в грубом виде – были сделаны таким же образом.

Наконец 5 мая первый металлургический период был окончен, и кузнецы снова вернулись в «Трубы». Скоро потребовались новые работы, которые заставили их получить новую квалификацию.

XVI. Дюгонь

Было 6 мая – число, которое соответствует 6 ноября стран Северного полушария. Уже несколько дней небо было подернуто туманом, и необходимо было позаботиться об устройстве на зиму. Однако температура заметно не понижалась, и будь у колонистов на острове Линкольна термометр, он показывал бы десять-двенадцать градусов выше нуля. Такая средняя температура не могла удивлять колонистов, так как остров, вероятно, лежал между тридцать пятой и сороковой параллелями южной широты и должен был находиться в таких же климатических условиях, как Сицилия или Греция в Северном полушарии. Но как в Греции и на Сицилии бывают холода со снегом и льдом, так и на острове Линкольна, без сомнения, температура в зимнюю пору значительно понижалась.

Во всяком случае, если холод еще не угрожал колонистам, то приближалось время дождей, и на этом уединенном острове, подверженном всем невзгодам открытого места в океане, ненастная погода должна была часто повторяться.

Итак, вопрос о постройке помещения более удобного, чем «Трубы», серьезно обсуждался.

У Пенкрофа, естественно, сердце лежало к старому помещению, которое он сам открыл, но он хорошо понимал, что на зиму надобно подыскать другое. Известно, что «Трубы» уже раз заливала морская вода, и непременно следовало оградить себя от подобных вторжений.

Следовало оградить себя и от всех возможных нападений зверей и... людей – устроиться так, чтобы не приходилось выставлять дежурного и поддерживать огонь по ночам.

– Ну что ж, – сказал Пенкроф, – мы соорудим укрепление и против двуногих, и против четвероногих дикарей. Но, господин Смит, не лучше ли сначала исследовать весь остров, а потом уж приниматься за дело?

– Да, это будет лучше, – прибавил Спилетт. – Кто знает, может, на противоположном берегу нам удастся найти какую-нибудь пещеру, какую мы напрасно искали на этом берегу.

– Это верно, – ответил Смит, – но вы забываете, друзья мои, что удобнее устроиться поблизости от воды, а с вершины горы Франклина мы не видали на западе ни ручья, ни реки. Здесь же, напротив, мы находимся между рекой Милосердия и озером Гранта – условие весьма важное, которого не следует упускать из виду. Кроме того, этот берег, обращенный к востоку, не так подвержен действию пассатных ветров, дующих в этом полушарии с северо-запада.

– В таком случае, – сказал моряк, – устроим дом на берегу озера. Ни в кирпиче, ни в инструментах у нас нет теперь недостатка. После того как мы уже были кирпичниками, горшечниками, литейщиками, кузнецами, мы – черт возьми! – сумеем быть и каменщиками.

– Да, друг мой, – ответил Смит, – но, прежде чем принимать какое-либо решение, надо поискать, нет ли здесь жилья, которое природа устроила своими средствами. Если нам удастся найти что-нибудь подходящее, то мы сэкономим много времени и труда.

– Это справедливо, – ответил Спилетт, – но ведь мы осмотрели всю эту массу гранитного берега, и нигде ни единой дыры, ни единой трещины!

– Ни единой! – прибавил в свою очередь Пенкроф. – Ах, если бы нам пробить жилье в этой стене на некоторой высоте! Тогда мы были бы в безопасности от всякого нападения. Я уже вижу, как фасад выходит к морю, крыльцо этакое, с навесами, пять или шесть комнат...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.